

*С искренней благодарностью
ПОСВЯЩАЮ:*

*Нарожной Наталье Федоровне,
ее дочери Жене, внучкам Лене и Ане,
Телешко Светлане Федоровне, ее дочери Оле,
внучкам Анечке и Дашеньке,
Аркеловой Юлии Муталибовне,
ее мужу Хастали, дочерям Анжеле и Леле,
внучкам Ляне и Диане, внуку Эдику,
Хабичевой Асе Ахьяевне и ее сыну Руслану,
Петик Валентине Никаноровне,
ее дочери Анечке,
АПАЧЕВОЙ Тамаре.*

*Если бы не они, не было бы ни меня,
ни этой книги.*

Т. Каппушева

**СКАЗКИ
БАБУШКИ
ТУЗДАМ**

Ставрополь 2008

84(ГРОС-КАРА) 6-4

К-204

Художественное оформление М. Кубанов
Редактор Ф.Ш. Туркквес

Компьютерная верстка С. Огнещикова
Корректор Л. Баланова

На обложке гора Чуана (Шоана) у города Карачаевска.

Т. Каппушева.

К-204 Сказки бабушки Туздам. На русском языке. 2008.– 168 с.

ISBN 978-5-8307-0137-2

Выпускница Ленинградского государственного института театра, музыки и кинематографии Т. Каппушева автор двух пьес – «Первая любовь», сыгранных Карачаево-Черкесским областным русским драматическим театром, и «Свадьба наспех», вошедшей в сборник «Айран», а также рассказов и статей, опубликованных в областной газете «Ленинское знамя».

В эту книгу вошли сказки, рассказанные бабушкой, в которых доброта и великодушные противостоят злу и насилию. Сказки выражают веру автора в своего героя, в народ, в его способность выстоять и победить.

ОТЗЫВ

на сборник сказок и легенд Т. Каппушевой
«Сказки бабушки Туздам»*

Современные преобразования в сфере национальной культуры, рост национального самосознания, стремление народов России к возрождению определили необходимость всестороннего изучения всех пластов духовной культуры народов РФ. Одной из составляющих духовного богатства карачаевского народа является фольклор. Сказки, пословицы, поговорки, легенды, алгышыи – творчество, на основе которого происходило самовыражение народа, на основе чего наши предки воспитывали молодое поколение. В них и сегодня мы черпаем нравственные идеалы: глубокую преданность своему народу, своим героям, любовь к труду, уважительное отношение к старшим, к женщине, детям.

В концепции сборника нравственность, честность, почитание мудрости занимают центральное место. Торжество благоразумия и мудрости мы обнаруживаем в первой же сказке («Агач – Киши»): Агач – Киши учит людей беречь лес и не «изводить его на мелочи». Мудрость молодой матери Чу спасает раненых, детей и стариков от верной гибели («Чуана – мать воды»), ум матери Данакая («Данакай и эмегены») спасает народ от истребления. «Бесчестие – хуже смерти», – говорит герой легенды «Аргу – Кыз» и погибает вместе с героиней.

Велико воспитательное значение сказок и легенд, мастерски обработанных автором книги. Превыше всего в этой «стране сказок» ценятся воспитывающие заветы предков. Народные традиции беспрекословно почитались и передавались следующим поколениям как кодекс правил поведения. Ценностные ориентации фольклорных произведений мы обнаруживаем в средствах выражения идей народной педагогики.

Понятия добра и зла в сказках и легендах, записанных из уст бабушки Туздам, как и в любой другой системе морали, представляют собой наиболее общую форму выражения моральной оценки, разграничивают нравственное и безнравственное. «У человека только два пути – путь добра и путь зла, третьего не дано», – говорит герой легенды «Рум – Кала». Добро в сказках и легендах понимается как идеал, как моральная оценка поступка, о чем свидетельствует поведение героев на пути к достижению цели: спасение попавших в беду

людей и животных. Потребность совершить добро – высокое нравственное предназначение настоящего человека. Поведение отдельного человека считается моральным в той степени, в какой оно является общественно полезным, и наоборот – оно аморально в той степени, в какой оно антиобщественно.

Многочисленные, жаждущие духовной пищи, читатели будут благодарны автору книги за красоту слога, за чистоту повествования вечных, мудрых, переходящих из поколения в поколение, красивых сказок и легенд. Гордость автора за народных героев – честных, сильных, смелых, свободолюбивых – читается между строк. Т.Ш. Каппушева возвращает читателя к вечной истине – духовному наследию наших предков. Думается, она солидарна с философом Н. Бердяевым, который писал: «Истинная культура – это культ предков».

Сборник сказок и легенд «Сказки бабушки Туздам», безусловно, соответствует требованиям времени и рекомендуется к печати.

*Доктор филологических наук, профессор
Тамара Казиевна АЛИЕВА.*

05.05.2008 г.

ОТЗЫВ

на сборник сказок Т.Ш. Каппушевой
«Сказки бабушки Туздам»*

В современных условиях, когда остро ощущается дефицит доброты и сострадания, появление такой книги, как «Сказки бабушки Туздам», очень важно. Воспитание и образование каждого человека начинается со сказок. В сказках выразились мирозерцание народа, его чаяния и надежды на лучшее будущее, мечты о победе добра над злом, о торжестве справедливости.

В своем сборнике Т.Ш. Каппушева обновила традиционную основу, внесла в свои произведения новые мотивы, по-своему интерпретируя знакомые образы и придавая им подчас своеобразную идейную направленность.

Все то, что мы называем общечеловеческими ценностями, нашло отражение в этих сказках, их воспитательное и познавательное значение трудно переоценить: бережное отношение к родной природе («Агъач-Киши», «Данакай и Хур – Кыз»), жертвенная любовь к Родине («Тамбий кель», «Аргу – Кыз»), трогательная забота о благополучии и чести потомков («Как счастье в дом вернулось»), верность слову и дружбе («Джандар и Дударук»), клеймятся несмываемым позором предательство и насилие, которым нет прощения («Зорлу») и др.

Книга представляет большой интерес и в художественном отношении. Несомненным достоинством является язык сказок – простой, ясный, понятный и детям, и взрослым. Развлекательность и занимательность органично сочетаются с глубокой содержательностью.

Автор показала себя знатоком национальной истории, культуры, легенд, преданий и нашла форму повествования, которая доступна практически всем.

Будь честным и справедливым, помогай бедным и обездоленным, выбирай в жизни только прямые пути – вот те вечные истины, к которым призывает Т.Ш. Каппушева в своей книге.

Думается, что «Сказки бабушки Туздам» найдут своего читателя, так как такая литература обращена к самым лучшим человеческим чувствам и побуждениям.

*Кандидат филологических наук,
старший преподаватель кафедры КЧГУ
Марина Динисламовна ТАМБИЕВА.*

15.05.2008 г.

ДОРОГАЯ ТАМАРА!

С чувством глубокого эстетического наслаждения прочитала «Сказки бабушки Туздам».

Мы с тобой давно знакомы, и мне всегда было приятно общаться с тобой, поскольку твои обширные познания в области искусства, театра и кино, литературы, архитектуры служили нам базой для интеллектуальных интересных бесед и обсуждения волнующих нас морально-нравственных и эстетических проблем.

Я счастлива – быть одним из первых твоих читателей. Уверена, что «Сказки бабушки Туздам» ожидает заслуженный успех, поскольку в них отражен духовный национальный мир нашего народа, его надежды и чаяния на торжество добра и справедливости.

Ты сумела выразить в жанре сказок все, что волновало тебя как творческую и талантливую личность, и передать услышанные тобою в детстве рассказы высоким слогом русского литературного языка. В «Сказках бабушки Туздам» каждый читатель найдет все, что задевает живые струны человеческого сердца, потому что они написаны с любовью к людям.

Дорогая Тамара! Ты сумела выдержать жанр и язык сказок, что достаточно большая редкость в наше время. Сегодняшние сказки, к сожалению, имеют ирреальные сюжеты и героев, что не всегда всем приятно.

Написаны сказки на прекрасном русском литературном языке. Психологически верно выверенные и выведенные образы героев встают перед мысленным взором как живые.

В комментариях, данных тобою к некоторым словам, использованным в «Сказках бабушки Туздам», ощущаются обширные знания в разных научных областях человеческого познания. Приятно, что так широк кругозор автора. Особенно дороги сведения из истории наших предков. В твоих комментариях прослеживается связь времен и поколений. Отражены исконные корни нашего народа, что особенно важно для молодого поколения, ведь не все будут заниматься научными исследованиями, а твои сказки и комментарии послужат им азбукой познания и, может быть, подвигнут кого-то на стезю науки.

Спасибо тебе за эстетическое наслаждение!!!

*Асият Ахияевна ХАБИЧЕВА,
Общественно-политический деятель, филолог,
Председатель Карачаево-Черкесского Республиканского
Общественного движения женщин «Мир дому твоему».*

Немного о себе¹

...После ранения на высотке Безымянной, у озера Хасан, папа долго лечился в санаториях и дома. У нас собирались папины друзья и родственники.

В эти годы взошла на литературном небосклоне плеяда талантливых карачаевских поэтов и писателей: Исса Каракетов, Тохтар Борлаков, Даут Байкулов, Шахарбий Эбзеев, Хасан Аппаев и другие.

А папин дядя, брат его матери, Биджиев Асхат – первый профессиональный врач Карачая и поэт – в 1926 году выпустил хрестоматию для карачаевских школ. Многие тексты написал сам. Он перевел на карачаевский язык поэму М.Ю. Лермонтова «Демон», басни Крылова, горьковские «Буревестник» и «Песню о Соколе». Его переводы удивляют тонкостью проникновения в поэтический мир оригинала и отличным звучанием на карачаевском языке. Папа и все друзья отца приносили для меня детские книжки. В них все еще сидели шестнадцатилетние ликбезовские учителя. Отец перечел мне массу детской литературы и рассказал бесчисленное количество сказок.

Наслушавшись сказок, я убежала на Кубань. Под мостом билась круговерть воды, ниспадающей из каменной теснины. Манила меня мельница, что стояла над этим буйством воды, бревна стен почернели от времени, земляной накат крыши зарос бурьяном, а внутри она вся была припудрена мучной пылью, с потолка свисали пушистые белые паутины, и зияло маленькое подслеповатое оконце, как глаз эмегена. Лезла в горячие печи кирпичного завода. Сначала там полыхал большой огонь, затем оттуда вывозили тележки с красными кирпичами. Я хотела своими глазами увидеть всех своих чудесных Хур-кызла, русалок, эмегенов и чертей, Змея Горыныча, Кощея Бессмертного, Красную Шапочку, трёх поросят, неряху Федору и других. Уходила в лес, конечно же, на окраину, взбиралась на скалы, собирала красные ядовитые грибы и, похожие на тюльпаны, цветы безвременника. Уж больно, красивы они были!

---

¹ Отрывок из воспоминаний.

Меня находили соседи и приводили домой. Благо, все было рядом: ущелье-то узкое. Доставалось со мной моей бедной маме! Хорошее это было время – перед Второй мировой войной. Люди были какие-то радостные, ищущие, доброжелательные и веселые. Так, по крайней мере, казалось мне. Может, их смех вызывался моим поведением?

Видимо, по причине моей непоседливости, чтобы не тратить драгоценное военное время на меня, женщины пристроили меня к дяде Кази. Самый младший брат моей матери, Кази-Магомет, и его двоюродный брат, Тамбиев Сеит-Амин Сеит-Мазанович, в 41-42 учебном году ходили в шестой класс. Они меня забирали с собой в школу. Учительница Текеева Муслимат сажала меня на свой стол (понимала занятость женщин – ведь шла война). Передо мной лежали мои любимые сказки.

По окончании учебного года Муслимат подарила мне толстую книгу «Карачай фольклор» с надписью: «Круглой отличнице». Гордости моей не было границ. Я считала себя настоящей ученицей. Кази в долгие ночи военного лихолетья читал эту книгу женщинам, сменяя бабушку Туздам.

Конечно же, в школу я пошла, как и все дети, в свой срок, а затем был Ленинградский государственный институт театра, музыки и кинематографии – такой негласный лицей для избранных, наполненный высокой духовной культурой.

Мне посчастливилось познакомиться и познать могучую силу бессмертных творений бессмертных мастеров всех времен и народов мира, и не только искусства, литературы, культуры и истории. Учебная программа была составлена так, чтобы воспитанники этого вуза безошибочно разбирались во всех сферах жизни. Способствовали этому преподаватели, известные всей стране люди, и сам царственный город, со своими музеями, театрами и архитектурными ансамблями, где проходили наши занятия по специальности, изобразительному искусству, истории архитектуры и костюма. Мне повезло еще и тем, что я застала время, когда в институте все еще витал здоровый творческий дух, оставленный студентами, бывшими участниками Отечественной войны.

Не знаю, как жили люди «при лучине». Я же родилась, когда даже ликбезы давным-давно завершили свою миссию, когда был налажен массовый выпуск детской литературы, когда функционировали школы и детсады, куда я ходила в Микоян-Шахаре, а в Учкулане уже была построена электростанция.

Книги и детсады не исключали и семейного воспитания, и моё

детство прошло под напевы, сказки и прибаутки моей главной воспитательницы прабабушки Мауха из рода Байчоровых (Чубур-хаджи), для которой я была первой правнучкой, дочуркой ее первой внучки. У нее было шесть сыновей и одна дочь – моя бабушка Туздам. Прабабушка была талантливой гармонисткой и сочинительницей песен, частушек. Она их называла «ахтауларым» (авторские). Я до сих пор помню несколько ее песен. Например:

Акъ къабталны этиб джайдым
Сельтен ташха, Ойна!
Къычырса да ауаз бермем
Налат джашха. Ойна! ... – и т.д.

Эта длинная песня о правильном выборе жениха трудолюбивой невестой.

Акъ капдалны этген
Къызла арымазла,
Ёре бёркге баргъан
Къызла джарымазла... и т.д.

А в этом куплете восхваляются трудолюбие и выносливость девушки и высмеивается юноша, который носит высокую дагестанскую шапку. Счастья с таким его избранница не обретёт.

Вот ее короткая частушка, адресованная супругу Тамбиеву Сосрану:

Ийне-ийне, мугъа-мугъа*,
Хама – хуста, хустанатий
Муга, Сога, данадтий,
Джизми киши Сосран...

Заканчивалось послание очень ядовито.

Кстати, слово Сога являлось личным именем, и, видимо, тоже восходит к аланскому пантеону. Я знаю, что мужа соседки Зоммакъызы звали Сога Тамбиев. Знаю её частушку, адресованную супругу:

Сога – Сога, согъум кибик
Таш башында ... – строчка завершается унижительным словом.

В школьные годы я думала, что это просто набор музыкальных словосочетаний веселящихся женщин, тоскующих по своим мужьям, которые находились на отгонных пастбищах. В институтские годы восклицала: «Ну и бабушка, ну и футуристка!»

Но однажды своему преподавателю, доктору филологических наук Успенскому Всеволоду Васильевичу, кстати, внуку Глеба Успенского, я проговорила несколько ее «ахтау», в том числе и такие строчки:

Фанагорий, фаногорий – карачайча!
Эх! Мугъа, Сога – карачайча...

Выслушал меня Всеволод Васильевич и сказал, что в этих песнях «полно аланских символов, а футуризм тут и не пахнет». Тогда я не очень поняла его заключения. Была слишком молода, и мозг мой был занят поглощением потока богатой институтской информации.

А со словом «фаногорий» связан и сатирический выпад моей прабабушки в адрес Байрамукова Орозакая, досаждавшему Туздан:

Оразакъай – гылдуай,
Фаногорий – зылдуай. И т.д.

Думаю, что это был намек на происхождение рода Оразакъай из Фанагории. Фанагория когда-то тоже входила в состав Аланского государства. Из фаногорийцев, этих рослых людей, в царской России состояли целые кавалергардские части.

Бабушка Туздам была замужем за Байрамуковым Чоппа. Это он сдал всё свое имущество в колхоз «Ишлемеген – ашамаз» ("Кто не работает, тот не ест"), затем там же трудился и был участником первых Выставок Достижений Народного Хозяйства в Москве.

Поскольку во всех трех семьях – Каппушевых, Байрамуковых и Тамбиевых, густо «населенных» мужчинами, я была первой внучкой, эти сильные дяди носились со мной, как с писаной торбой. Не ленились поиграть со мной и отвечать на бесчисленные мои «почему?».

А их память хранила рассказы, обычаи и нравственный уклад, оставленный им их дедами. Тем для бесед хватало.

Помню, дедушка Чоппа в Средней Азии сильно болел. Я от него не отходила. Он рассказывал мне о Москве и много интересного из

жизни народа, пел песни-плачи «Хож», «Хасаука», «Умар», сочиненные его сородичем Байрамуковым Ключук о Кавказской войне.

Эти песни я запомнила, запомнила и наказ деда не забывать пришедшие из глубины веков слова: стеме*, орайда*, дыдай* и др. Дедушка страдал. Он оплакивал тяжелую судьбу дочери, моей мамы – узницы гестапо, выдержавшей все муки ада и никого не предавшей, гибель двух сыновей на полях сражений, выселение народа с позорной кличкой той родиной, которой поверили, которую строили и защищали. Я это понимала. Мы – дети военного времени – были малолетними старичками.

Боль выселения не затихала и в Средней Азии. Разговорами взрослых об этом переполнялись наши детские души. И я – уже восьмиклассницей – пыталась выразить все это в стихах, как и многие другие дети. На поэтическое творчество нас поощрял преподаватель русского языка Немыкин Николай Николаевич. Но со мной не дружили, ни Эрато, ни Евтерпа, моей музой была Каллиопа – и она вместе со мной думала только о бедах войны и Карачая и рождались такие детские стихи:

Жгучая боль, нет, не стихает
И поныне обжигает
Душевные раны людей
С памятной ночи того ноября,
Когда женщин, стариков и детей
Видавшие виды солдаты,
Вытирая слезы, скорбя,
В грузовые грузили машины.
Подранков – солдат Карачая –
Под руки брали: «Браток, прости!»
И горе брата брат понимал,
Как в тесных окопах бывало,
Где смертельный огонь полыхал,
Где дружба Победу ковала!
Я помню, как в суровом молчанье
Люди прощались с горами
И как погребально звучало
В хлевах голодное мычанье,
Исторгая горючие слёзы
Из онемевших сердец!
Я помню те жгучие слезы,

И, как мертвыми масками лиц,
Взирали селяне на сакли,
Где их сыновья вырастали,
Которых на фронт проводили,
Которых в живых ожидали.
Я помню, как от горя слабея,
Подавленно люди сидели,
Вопросами память пытая,
Ответ на обиду искали.
Нет горя навета чернее,
Нет в мире печали страшнее,
Чем преступным навеки прослыть!
Но вот прозвучала команда,
Как окрик, как смерти предтеча,
Громко и грозно: «По машинам!»
И двинулась колонна, урча,
Из родного школьного двора,
Где сами ликбез проходили,
Где училась вся их детвора.

1952 г. Село Сталинское, Киргизия.

АГАЧ-КИШИ

правился алан за дровами в лес. И стал рубить вековые деревья. В самый разгар работы раздался грозный окрик:

– Почему уничтожаешь мой лес? – Перед лесорубом стоял хозяин леса Агач – Киши². Он был страшен, но справедлив, поэтому предложил алану:

– Если ты сейчас скажешь мне три «верных слова»³, я тебя отпущу.

Испуганный алан начал:

– Сегодня я испугался, как никогда...

– Верно, – подтвердил Агач-Киши.

– Существа страшнее тебя я не встречал...

– Тоже верно, – засмеялся Агач-Киши.

– Если ты меня сейчаспустишь, я никогда в этот лес и ногой не ступлю.

– И это верно. Иди домой и скажи всем – лес беречь надо. Умный о завтрашнем дне думать должен.

С тех пор карачаевцы лес берегли и на мелочи его не изводили.

---

² Слова, отмеченные звездочками, объясняются в разделе «От автора».

³ Три «верных слова», в смысле – три правды.

ОЗЕРО ТАМБУКАН – ТАМБИЙ КЁЛЬ

Озеро Тамбукан не всегда было солёное, но не существовало и самого озера. А вот что рассказывали предки наших предков и оставили нам.

Давным-давно на просторе от горы Бештау до румного* пастбища Маматай-Баши простирались земельные владения аланского рода Там. Пращурь так мудро обустроили жизненные правила, что этот род размножался и процветал многие годы. Радовала глаз хорошо возделанная земля с колющимися нивами, виноградниками, цветущими садами и тузовыми рощами, их выращивали производители шёлка. Отрадно было смотреть на их тучные стада, отары овец, табуны лошадей. Хозяйства у всех были ладные. На их чисто подметенных дворах стояли высокие гёны*, полные кукурузных початков, а кладовые хранили обильные запасы всякой снеди. Да и сами хозяева – всегда опрятные, нарядные, будто каждый день ждали гостей или сами собирались в гости. Все члены рода подчинялись общим законам: почитали старших, оберегали младших, уважали друг друга, и в беде, и в радости были рядом. Жили по закону – один за всех, и все за одного. Все им было любо, все им было мило. И жизнь протекала размеренным путем.

В один прекрасный день молодой чете Чора и Апий*небоподарило великую радость – у них родился первенец. По обычаю народа ожидали первенца девочку – матери помощницу, а родился мальчик – отцу подмога. Рождение первенца любого пола отмечали ритуальным праздником Стым – той*, с принесением благодарственной жертвы Уча*.

И вот на веселый праздничный пир счастливых родителей сходилась весь джамагат* – и стар и млад, и все они несли подарки.

На поляне, где род устраивал свои торжества, уже гремели барабаны, играла гармошка, слышались песни, смех, шутки.

Каждый член джамата приступил к выполнению своих обязанностей:

Уважаемые седобородые старцы с чувством исполненного долга восседали на почетных местах, рядом с ними располагались осанистые, крепкие мужчины – главы семейств, из их среды избирался тамада на пиру. Неподалеку от старцев, тоже на почетных местах, вели чинную беседу нарядные бабушки, к ним прижимались самые младшие детишки. Вся эта почетная группа умудренных опытом мужчин и женщин правила всей жизнью рода. Они строго следили за поведением каждого члена общества в каждодневной жизни и на пиру. Не дай боже проявить невоспитанность, громко кричать, перебивать очередного оратора, жестикулировать, комиковать, проявлять спешку, есть неприлично или брать еду руками! У всех на поясах под кинжалом висел кезлик* – тонкий острый ножик, как личный столовый прибор. И бабушки всегда носили при себе свой ножик. Все это объяснялось просто – ведь это были аланы-животноводы, и нож был насущной необходимостью.

Все молодые женщины, засучив рукава, надев фартуки принялись готовить угощение: кто носил воду, кто месил тесто, кто лепил хычины, кто их жарил в кипящем масле. А высококлассные мастерицы готовили халву и всякие деликатесы. Молодые невестки выполняли самую трудную работу

– готовили джёрме и сохту – колбаски из печени.

Молодые мужчины резали жертвенных животных, свеживали туши, варили парное мясо в больших котлах. Жарили на вертеле над костром Уча – огромную тушу жертвенного быка, начиненную тушкой овцы, которая, в свою очередь, была начинена тушкой голубя, фаршированной рисом и одной золотой монеткой. Готовая Уча будет разрезана на столько кусочков, сколько будет присутствующих, и подадут ее на стол, как главное блюдо, завершающее торжество. И того, кому достанется монетка объявят избранником Великого Тейри*.

Очень молодых мужчин, которые совсем недавно обзавелись семьёй, назначили шапа*. Пировал весь джамагат, и каждого надо было обслужить достойно.

Вольготно было юношам и девушкам. Их к работе не привлекали. У них было другое назначение – танцевать. Их веселые лица, задорные песни и пляски создавали атмосферу радостного торжества. Веселье набирало размах – на смену уставшей гармонистке приходила отдохнувшая. Один танец сменялся другим танцем: то тюз тепсею, то абезек, то ийген абезек, то зажигательный, бурный, с замысловатыми коленцами стеме* – танец добрых вестей. Групповые танцы перемежались сольными и парными выходами самых искусных танцоров. Молодёжь танцевала с упоением, демонстрируя свои стройные, статные и ловкие тела, наряды, воспитание и таланты. А старшие присматривались к ним, выбирая втихомолку будущих зятьев или снох. Танцы были своеобразным смотром молодёжи.

А вездесущая неугомонная детвора снова ла между пирующими. Их ласково привечали все. Мужчины говорили похвальные, ободряющие слова и любовно прикасались к их головкам. Женщины кормили их. А юноши и девушки одаривали сладостями и безделушками. У них на поясах висели нарядные хурджуны, вышитые золотом. По обычаю их наполняли подарочками для детей.

И вот наступил момент состязаний юношей. Они показывали свою удаль в джигитовке, в беге, толкании кол-таш – ядра, в борьбе на поясах и поднятии тяжести. Люди так и не смогли определить первого, самого лучшего. Ни один юноша не уступал другому ни в силе, ни в ловкости. Все равны, как на подбор, все красивы, все сильны, все сноровисты. А поэтические чепкены с газырями на груди, изготовленные искусными, неутомимыми руками аланок, выгодно подчеркивали их атлетический стан, широкие плечи, тонкие талии, опоясанные узкими ремнями с серебряной отделкой.

Потом, в заключение пира, юноши состязались за главный приз Стым-тоя. Это был красивый, дорогой женский платок. Его привязывали высоко над перекладиной, откуда свисал джау-джиб, широкий кожаный ремень, хорошо промасленный. Юноша, сумевший достать этот платок, набрасывал его на плечи возлюбленной, как предвестие скорого сватовства. И юноши очень старались добраться до приза. Но мало кому удавалось добраться до середины джау-джиба, уж очень скользкий он был. Но юноши упорно возобновляли попытки добраться до перекладины. Все пирующие обступали юношей кольцом, подбадривали, подтрунивали, с нетерпением ожидая победителя. В общем,

веселье шумело и плескалось, как волны моря. И ничто, казалось, не предвещало беды.

Но любая беда подкарауливает людей в момент утраты бдительности, в момент праздного расслабления.

Рядом, везде и нигде, обитал Джелим-Ауз. Это голова эмегена, которую когда-то отрубил нарт Кыллы и закинул далеко в небо. Вот и нейметса владыке мрака. Его черная натура, нет-нет, да и просится на разбой. Он полон жаждой мести. Ему подавай руины в огне, слезы, кровь, искривленные в ужасе лица. Самое любимое его занятие – это созерцать страдания людей. Они со своим братом Иблисом* горазды на всякие злодейские штучки. Они оба ненавидят человечество. И вот сейчас, глядя на веселящихся людей, думали-думали, как и чем им насолить, и придумали – осквернить их любимую гору Эльбрус, которую они величали Минги-Тау. В своем глубоком подземелье, прямо под горой раздули Джаханым-От – пламя ада.

И вот земля под ногами беззаботно веселящихся людей внезапно задрожала, загудела и затряслась. Любимая гора взорвалась, в небо взлетел огромный столб дыма и огня. Небо заволокло пеплом. Джелим-Ауз набросился на Солнце и начал его заглатывать. Стало темно, холодно и жутко. А взорвавшаяся гора выбрасывала огромные глыбы скал. Они падали на жилища людей и разрушали их, а землю испещряли глубокими воронками.

Когда завершился камнепад, а земля все дрожала и стонала, гора продолжала извергать дым и огненные лавы, во мраке неба появилось множество огоньков – это засверкали глаза воинов нечистой силы. Они заполонили всю окрестность. Наступа-

ли они на людей черным бором, никого не щадили. А несчастных молодых девушек забирали себе. Говорят, что эмегены* нарождались от такого насилия, где много ненависти. А ненависть порождает только чудовищ.

Народ долго сопротивлялся этому нашествию, но силы их были на исходе. И в последнем бою за родную землю погибли все воины и амазонки. Враг победил. А конца этому несчастью не предвиделось, потому как несметное адово войско все продолжало пополняться, вылетая из жерла горы.

И тут во мраке поднялась из укрытия молодая мать – красавица Апий и кинула клич:

– Милые мои сестры! Все, кто остался в живых, слушайте меня! Мы всё потеряли, кроме чести! Если забудем, что мы тоже амазонки и не смогли уберечь честь, – нам этого не простят небеса и наша память. Нам надо выполнить наш долг – предать земле погибших. Дорогие мои сестры, я не вижу, сколько нас осталось, слишком темно. А мне надо что-то предпринять, чтобы положить конец этой беде. Я попытаюсь пробиться к вершине. А сына оставляю на ваше попечение. Присмотритесь за ним. И ушла она во тьму, в неизвестность, искать пути спасения.

А на ее зов стали выходить измученные женщины с малышами, бабушки с кучей внуков и правнуков. Наугад находили друг дружку. На ощупь нашли новорожденного малыша – сына Апий. Все, у кого было молочко в груди, старались покормить его. Но мало их было. И тогда на помощь женщинам пришли горные маралы, медведицы и волчицы, следом спешили мелкие лесные зверушки, даже мышки полевые. Все они делились своим молочком с сыном самоотверженной Апий. И рос сын

Апий не по дням, а по часам, и назвали его Сунар.

А тем временем молодая мать в потемках, окольными путями, упорно пробиралась к вершине. Ее одежда изорвалась о кусты и колючки, обувь износилась. Из переполненных грудей вытекало молочко и капало на её израненные ноженки, заживляя раны. А на склоне, куда попадало молочко, расступалась огненная лава и открывалась дорога, а на ней прорастали пышные альпийские цветы. И Апий, усталая, израненная, из последних сил доползла до вершины и упала ничком на зияющее жерло горы и закрыла его своим телом. И завязалась доселе неслыханная схватка между женщиной-матерью и беспощадным и неразумным злом, губящим ее творение – ее детей. Иблис и его подручные давили снизу на тело Апий, хотели сбросить ее. Но сила ее ненависти к жестоким врагам была так велика, что уже никакая другая сила не смогла сдвинуть её с места. Ей на помощь пришла и сама гора. Она стала подниматься все выше и выше, достигла холодного неба. Из грудей Апий вытекало молочко и примораживалось к вершине. И она навечно примерзла к жерлу. И стала она вечным памятником мужеству и великой любви женщины к сородичам. Две вершины Эльбруса – это переполненные молоком груди кормящей матери Апий из великого рода Там. А вечный лёд – это молочко, которое не допил её младенец.

Проснулись собаки Кыллы, вцепились в Желим-ауза и освободили Солнце. Небо прояснилось, стало светло и тепло. И глазам уцелевших женщин представилась ужасающая картина разрухи: на просторе, где род устраивал свои праздники, было убито так много народа, что сама возмущенная земля вознесла над ними два кургана.

Один – там, где сидели старшие, другой – там, где танцевали молодые. И называли люди эти горы Джуца-старая и Юца-молодая в честь ритуальных жертвоприношений Уча.

– Выходите, женщины! Наша славная Апий совершила подвиг! Она победила Иблиса! Мы спасены! А мы исполним свой долг – предадим земле тела погибших, оплачем их и нашу злую долю.

Рыть могилы не было нужды – кругом зияли черные воронки. Выбрали самую большую и глубокую яму и стали сносить туда тела своих павших сородичей, таких при жизни дорогих и любимых. Эти беззащитные слабые остатки народа – горемычные женщины и малые дети – омывали каждого горючими, солёными слезами. Даже насыпая курган над святой могилой, плакали, не переставая. И эти слезы слились вместе и потекли рекой, затопили одну яму, потом другую. И образовались озёра с солёной и теплой водой и с чёрным илом из выгоревшей от горючих слез земли. Красота их светлой бескорыстной любви, чистота их помыслов, благородство их подвигов, горечь утрат и слезы бессилия – все переплавилось и сплелось в неразрывное целое и обрело целебную силу – такую полезную для потомков.

А озёра называли Тамбийланы сарын-кёллери – озёра скорби князей Там – Тамбий кэль. А соль озера называют хырс-туз, солью горя.

А могильный курган, насыпанный женщинами и детьми над телами павших, называли Золотым Курганом. Но любовь и слезы женщины-матери, её мужество и борьба за честь рода, за честь человека – дороже золота.

ЛЕГЕНДА ОБ ЭЛЬБРУСЕ

Жил-был один хан. Правил он аланским* поселением Бостан*. Звали его хан Маштак*, и был он под стать своему имени – приземист, широк в плечах, могуч и мудр.

Эльчиле* им были довольны, жили в достатке и дружбе, радовались миру на земле, работали охотно: пахали, сеяли, сажали цветы и сады, выращивали овощи и фрукты, потому жителей называли Бостанчыла* – огородники.

И хан Маштак был доволен своими подданными. Радовали его и пять сыновей, пять красавцев удалых: Тау-Алан, Тау-Солтан, Тау-Бий, Тау-Герий, Тау-Али и умница-красавица дочь, которую братья любовно называли Нар-сана*.

Слава о красоте, уме и добром нраве Нар-саны достигла ближних и дальних стран. Услышал о ней и правитель соседней страны Аргы Кас-бек*.

Снарядил Кас-бек дружину своих богатырей и прибыл в аул Бостан сватать Нар-сану за себя и получил согласие. Уж очень приглянулся Кас-бек мудрому хану Маштаку и его сыновьям. С таким зятем смело можно выходить на жизненные дороги, будет надежным родственником, как был надежным соседом.

Радость сватовства и сговора праздновали три дня и три ночи.

Но прослышал про сватовство могучий Эльбуруш*. Нар-сана была и ему по сердцу. Не мог он смириться с тем, что его опередил другой. Вскочил Эльбуруш на своего коня Мама-Тая*, быстрее ветра достиг радостно пирующего аула, на всем скаку ворвался в круг танцующих, выхватил из деви-

чьего ряда нарядную, радостную Нар-сану – и был таков.

Люди замерли, пораженные доселе невиданным, неслыханным, главное – недозволенным и непристойным поступком Эль-буруша. Тут опомнились Маштак с сыновьями и Кас-бек с дружиной и в погоню бросились.

Мчится Кас-бек и кричит:

– Тохта!* Остановись! Тохтамыш!* Остановись для честного боя! Тохта, трус проклятый!

– Это я трус?! – вскипел грозный Эль-буруш. Озверел от гнева гордый и вспыльчивый Эль-буруш. Глаза его засверкали молниями, издал боевой клич и в считанные минуты посек дружину Кас-Бека и его самого, не пощадил братьев Нар-саны и в горячке боя пронзил грудь старого Маштака. Упал хан Маштак к ногам Эль-буруша.

И замерло всё вокруг – случилось невозможное – пробита грудь старого человека, отца, родителя!

Остановился Эль-буруш, опьяневший от битвы. Оглядел поле боя – вокруг лежат поверженные им сыновья Маштака, Кас-бек с дружиной. Истекают святой кровью порубленные его рукой сыновья его народа. Увидел он и Нар-сану. Отвернулась она от него, упала на колени перед отцом, приподняла его голову, прижала к груди, попыталась остановить кровь, что хлестала из раны. Запричитала несчастная сиротинушка:

– О горе мне! О, злополучная судьба моя! Отец, дорогой мой отец, думал ли ты, что свалится на нашу голову такое Орайда?* Думал ли, что этот черный день отметишь своей кровью? Отец, а сколько же матерей и сестер прольют погребальные слёзы, сколько останется вдов и сирот, сколько невест

умоется горячими слезами и оденет чёрное? Отец, прости меня, всё из-за меня, я всему виной!

– Нет! Нет! Девочка моя! Доченька, нет твоей вины! Всегда виноват тот, у кого завидующие глаза и загребушие руки! Кто применил силу, чтоб отнять, кто нарушает законы общежития, – с трудом говорил умирающий. – Жестокое испытание досталось на твою долю, доченька. – И слабеющей рукой прижал к себе дочь. Упал с головы Нар-саны платок, и увидел отец вмиг поседевшую голову дочери, обвел угасающим взором окрест своих владений, где вихрем пронесся Орайда. Не выдержало старое сердце, и хан Маштак на глазах дочери окаменел, а кровь из раны потекла горькой слезой, течет она и по сей день – выплакать такое вовек невозможно.

Долго оплакивала Нар-сана окаменевшее, холодное тело отца. Потом поднялась и побрела по бранному полю, нашла тела своих братьев и стала перетаскивать их поближе к отцу.

– Братья мои милые, – шептала она, заливаясь слезами, – мои защитники и моя гордость, кровинушки мои родные, были вы дружные, всегда вместе, как пять пальцев на руке. Вот я уложу вас рядом, и будете опять вместе и рядом с отцом.

Тау-Алан, мой старший брат, твое место в середине. Это почетное место, и оно по праву – твое. Тау-Алан, как мы беззаботны и беспечны, когда резвимся под родительским крылом. Как многим мы пренебрегаем, как многим мы не дорожим, как редко, как скудно мы произносим ласковые слова, как небрежно откладываем добрые дела «на потом». И я откладывала, думала – есть еще время – успею. Но время отмерено не нами. Брат мой

милый, не успела обшить золотом твой белый свадебный наряд, не успела, а теперь вместе со мной оплачет тебя твоя безутешная невеста.

Тау-Солтан, твое место по левую руку брата, прижмись к нему потеснее, и тебе, родной, не успела сшить шапку каракульча.

Тау-Бий, твое место рядом со старшим братом по правую руку. Ты так мечтал покрасоваться в новых ноговицах. Прости, не успела.

Тау-Герий, тихий мой брат, мечтал ты всю землю превратить в цветущий сад-огород. Лежи, не печалься, другие – твои друзья – доведут твоё дело до конца.

Тау-Али, ласковый мой сорванец, любимец наш, не пощадил и тебя злодей. Больше всех тебе досталось, тебе и рученьку левую отсёк, а я ее сейчас к месту прилажу. О чем же ты мечтал? Что же для тебя я не успела? Не помню, прости, милый.

Ой, мои любимые, много чего я не успела, не успела сказать, как я вас люблю, не успела сказать вам спасибо за вашу заботу и любовь, не думала, не гадала, что я разом потеряю всё, что мне дорого, не поспешила, опоздала. – И обнимала братьев, гладила их волосы, закрывала глаза, поправляла их изрубленные одежды, вытирала окровавленные лица. – Братья мои милые, видите, отец окаменел от горя... – И тут она взмолилась. – О светлоликий, всемогущий Тейри, отвори мне свои золотые двери*. Исполни мою неприхотливую просьбу! Преврати павших сегодня мужчин в камни – горы, как моего отца! А я стану ходить от одного к другому, оплакивать их и просить прощения.

Сжалился Тейри над бедной Нар-саной. И загрохотало небо, затряслась земля, и поверженные

брatья, как лежали в обнимку, так и поднялись пятиглавой горой Бештау. Из их груди вырвался горестный стон и полетел жарким суховеем.

Идет Нар-сана по полю, подходит к каждому поверженному богатырю, прикоснётся к нему своей нежной рукой, и с громовым грохотом, высекая молнии, поднимается герой величественной горой.

Наконец подошла к Кас-беку.

– Кас-бек, мой бесценный суженый, вот мы и сыграли свадьбу... буйную. Испили мы не свадебную, а кровавую чашу до дна. Ох, и горькая она!!! Моя красота стала поводом. Я не знала, что красота и доброта породят столько зла. Прости меня, безвинная жертва. Зачем, мой храбрый Кас-бек, догонял Эль-буруша, зачем требовал боя? Знаю, ты выбрал между честью и бесчестьем и заплатил своей жизнью.

– И вы, богатыри, простите, припадая перед вами на колени, прошу прощения, – говорила девушка, обращаясь к павшим воинам. – Оплачут вас ваши мамы потом, а я сейчас омою ваши каменные лица моими горячими слезами. Все вы были настоящими богатырями, но Эль-буруш оказался сильнее вас. О, небо! О, Дунья!* За что мне одной разом так много боли? Орайда, почему ты выбрал меня? – пыталась она судьбу.

– О, тохтамышла – тохтамышла! Так я буду называть эти поля печали. Да пусть превратятся они в цветущие, богатые пастбища на радость потомкам! Они сдобрены кровью богатырей, политы моими горячими слезами. Пусть пасутся здесь тучные стада наших счастливых потомков! Жизнь – это счастье, а иначе она ничего не стоит. – Так

она причитала и шла от камня к камню, а где падала ее слеза, там начинал пробиваться родничок с горькой и соленой, как её слезы, водой. Шла она, шла, роняла слезу за слезой и совсем растаяла. И называли люди эти роднички в её честь нарсаами.

Всего случившегося не выдержал конь Мама-Тай, взбрыкнул и скинул со спины Эль-буруша и умчался в горы. Он загнал себя до смерти, упал в изнеможении и тоже превратился в ручей. И называли люди его Маматай, а склон, где пал конь, называли пастбищем Маматай-башы*.

Не пережив пришедшую почти в каждый дом беду, аланы покинули свои жилища, свой аул Бостан и ушли в неприступные теснины своих гор.

Не познал счастья и Эль-буруш. Не простил его Тейри:

— Я дал тебе силу, власть и разум. Ты их употребил во зло. Ты забыл, что ты Шат* — что ты в ответе за народ. Ты посягнул на святая святых — ты отнял жизни, не тобой сотворенные. Ты покусился на честь целого рода, своего народа. Ты разрушил красоту и доброту, теперь люди знают, что опасно быть красивым и добрым. Так превратись же и ты в камень, как и твои жертвы. Пусть твоя участь будет в назидание потомкам. — И огненным мечом рассек его неразумную голову надвое.

Стоит с тех пор высокий Эльбрус величаво и грозно в белой ледяной папахе, в хороводе гор, озирает из-под мохнатых бровей-облаков ущелья нарзанов, обширные пастбища Тохтамышла, Маматайла, и видны ему неизменно дышащий горем Кас-бек и Машук, истекающий невыплаканными горькими слезами, да время от времени поднимается суховей Бештау — это вздыхают братья.

ЧУАНА – МАТЬ ВОДЫ

В горах жизнь шла размеренно и спокойно. Златоликий владыка неба Тейри мудро правил Вселенной и даже позволял себе спать по ночам, уверенный в благополучии подвластного ему мира. Люди, которых он очень любил, пасли свой стада и отары на сочных румных лугах. Зимой они спускались в долины, к своим жилищам. А те, кто не уходил в горы со скотом, обрабатывали землю, сеяли и убирали урожай, заготавливали на зиму сено.

Жили они дружно и весело, сочиняли и пели песни, любили грациозно пройтись в замысловатом молодецком танце – стеме*, поклонялись Тейри и почитали человека. Даже клятва такая была у них: «Тейри – Адамы», что значит «клянусь богом и человеком». И повелители земных и небесных стихий выполняли свои обязанности так, как установил Тейри. Но время от времени они начинали роптать, и обычно затевал такой разговор беспокойный Тырны – повелитель ветров.

– Эх, – начинал шелестеть он, снедаемый тщеславием. – Мы так же могучи, как и Он. Я могу одним порывом разрушить все, что попадет на моем пути. А тут верти крылья мельницы, создавай прохладу, отгоняй мух от животных.

Постепенно голос его набирал силу:

– Я могу потопить большие и малые корабли на море, воды океана обрушить на землю!

– Ну, ты не очень-то заносись, без меня ты океан на землю не обрушишь, – обрывала его Суу-Анасы, мать водного пространства. И вздыхала. – Мне и

самой, ох, как хочется разбушеваться, разгуляться...

— Так в чем же дело? Вы начинайте, а я помогу, — подзадоривал их Владыка мрака Джелим — Ауз*.

И однажды, когда Тейри крепко уснул, они сговорились и начали свое черное дело.

Джелим-ауз проглотил Луну, и все покрылось мраком. Суу-Анасы выпустила на волю своих слепых дочерей Кара-Джангурла*. Лохматые, черные и грозные, они заволокли небо и обрушились на землю невиданной силы ливнем, уничтожали на своем пути дома, людей, их скот, зверей, с корнем вырывали могучие деревья, а в ущелья сбрасывали каменные глыбы, нагромождая их друг на друга.

Разгулялся, как мечтал, и Тырны. Его вихри и смерчи поднимали высоко в небо вместе с водой рыб из речек, мелких зверушек, срывали крыши домов и взметали ввысь целые стога сена. Он сталкивал друг с другом тучи, и те высекали молнии, сопровождавшиеся раскатистым громом.

Всю ночь бесновались силы тьмы, ветра и воды. К рассвету на Джелим-Ауз напали собаки нарта Кыллы, и он выпустил Луну, Кара-Джангурла успокоилась, излившись ливнями, а Тырны притих и стал веять легким ветерком.

Когда Тейри проснулся и увидел представшую его глазам картину, то пришел в такое негодование, что поверг в ужас повелителей стихий. Съежившись, они виновато смотрели на дело рук своих. Ущелья и долины были завалены каменными глыбами, вырванными с корнем

деревьями, погибшим зверьем и скотом. Уцелели лишь немногие жители, сумевшие укрыться в пещерах высокой горы, да и те были ранены и умирали от жажды. Вода стала непригодной для питья.

Грозно нахмурил брови Тейри, готовый наказать виновных, и в это время услышал мольбу молодой женщины по имени Чу – Светлая вода. Она кормила новорожденную дочь, одновременно оплакивая погибших, и молила:

– О Всесильный, Светлый Тейри! Укажи мне путь, как помочь раненым, старикам и детям. Я готова пожертвовать собой и дочкой, только спаси людей. И, прежде всего, дай им чистой воды, ведь они погибают от жажды!

– Я услышал тебя, молодая мать, – откликнулся Тейри. – Твоя просьба – это укор мне. Заснул я слишком крепко, забыл за долгую беззаботную жизнь, что силы стихий могут разгуляться.

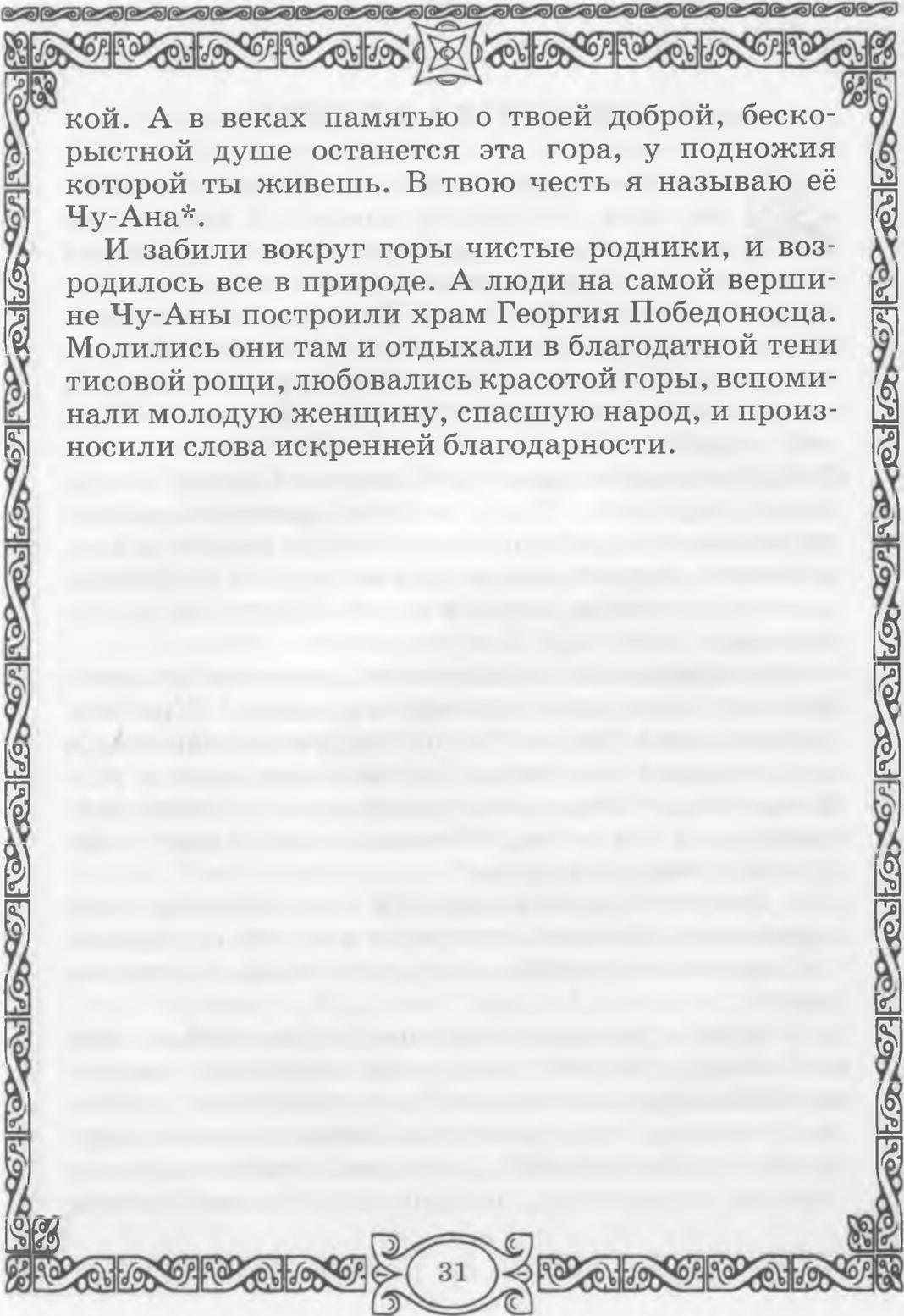
– Что ты, что ты, Великий Тейри, как можешь ты винить себя?! Ты всегда был добр к людям. И сейчас не время искать виновных и заниматься ими. Нужно спешить на помощь тем, кто уцелел. Ты дай чистой воды, а я омою пострадавшим раны и напою их. Они должны выжить, родить детей и снова наладить нормальную жизнь.

Понравились Тейри слова молодой женщины, и сказал он:

– Исполню я твою просьбу. Сейчас потекут чистые воды. Напой людей, омой их раны, помоги им вернуться к жизни, благородная мать.

Потом подумал еще немного и продолжил свою речь:

– Ты будешь долго жить вместе со своей доч-

кой. А в веках памятью о твоей доброй, бескорыстной душе останется эта гора, у подножия которой ты живешь. В твою честь я называю её Чу-Ана*.

И забили вокруг горы чистые родники, и возродилось все в природе. А люди на самой вершине Чу-Аны построили храм Георгия Победоносца. Молились они там и отдыхали в благодатной тени тисовой рощи, любовались красотой горы, вспоминали молодую женщину, спасшую народ, и произносили слова искренней благодарности.

ЛЕБЕДИНАЯ ПЕСНЯ

Тейри материализовался из потока белого света. Огляделся вокруг. А кругом все пусто. Один белый свет. Нигде – ничего! Скучно стало. Одиночество и богов не красит. Рассердился на себя Великий Тейри и решил сотворить что-нибудь великое. А что в первую минуту творческого вдохновения мог сотворить одинокий владелец белого света? Конечно же, что-нибудь себе подобное. Конечно же – Солнце! Сотворил его Тейри и в небо закинул. Кипящее Солнце завертелось волчком. Искры его фейерверком полетели во все концы белого света и там превратились в звезды. Некоторые звезды не смогли сохранить солнечного тепла, остыли и стали холодными планетами.

А мироздание расцветилось золотым блеском Солнца, заиграло яркими красками! Красота, да и только! Ликует Тейри, радуется, как малое дитя, своему творению. Хлопает в ладоши от удовольствия. Радовался–радовался, любовался–любовался – и устал. Остановился и увидел – все красиво, но опять пусто!

– Стоп! – сказал Тейри. Он был честен и самокритичен. – Все это прекрасно и вечно, но горячее Солнце что-то должно обогревать! А иначе – зачем оно?

И создал Землю с океанами. А она то один бок к Солнцу повернет, то другой подставит, нежится в благодатном тепле. И лучи Солнца, отражаясь в океане, тоже заиграли всеми цветами радуги. А воды в океане и реках под этими теплыми лучами испарялись, поднимались на небо и там

собирались в облака. А оттуда возвращались на Землю благодатным дождем, и Земля покрылась зеленой травой, густыми лесами и яркими цветами.

Тейри осмотрел придирчиво плоды своей работы и, обуянный творческим азартом, как и полагается настоящему творцу, вскричал:

– Непорядок! Эта зелено-голубая красавица не должна быть пустой!

И высыпал на землю много семени всяких живых тварей, рыб и птиц. И повелел:

– Пусть плодятся, пусть размножаются! Места на Земле всем хватит!

Великий Тейри был мудрым и добрым провидцем. И не было в нем ни капли эгоизма, как и полагается отцу. И сказал Он:

– Не хочу любоваться этой красотой в одиночестве! – И сотворил из своей плоти Адама*, свое подобие. И теперь, восседая на мягких облаках, любит Тейри всей этой красотой вдвоем с Адамом. Но вскоре заметил Тейри, как его гордость, его творенье зевает и уже не восторгается красотой. Заскучал Адам, как сам Тейри скучал до создания мира. Творческие души без дела скучают. Это ясное дело. Не смог Тейри спокойно смотреть, как терзается от одиночества его любимец, и сотворил женщину. Повеселел Адам. Живут себе на небе – горя не знают. Кругом – божья благодать! Уютно, тепло. Манной небесной питаются и нектаром запивают. И появились у них дети. А у детей свои дети. Размножилось Адамово потомство. И Тейри назвал их людьми.

А Адам опять заскучал. И запросился он на зеленую Землю:

– Отпусти меня! Ты многому научил меня. Дай, все это я на Земле испробую! Себя испытаю.

Понял небесный отец, что творческое лицо ищет место приложения своим знаниям, и отпустил Адама на Землю. Вместе с ним ушли все, кому надоела беззаботная жизнь, кто хотел сам созидать. Оставшиеся на небе объявили себя ангелами и архангелами.

Посмотрел на них Тейри и решил занять делом и их. Нечего без дела небо коптить! Из числа архангелов назначил повелителей и покровителей всего сущего: хранительницей живительного воздуха определил Хауа, повелителем ветра назначил Тырны, водной стихии – Суу-Анасы, растительным миром – Агъач-Киши, живыми тварями – Апсаты, над птицами – сладкоголосого Ойрира. А помощниками к ним приставил ангелов.

Передал Тейри им часть своих забот, а сам стал спокойно и долго спать, беззаботно отдыхать. Только, знай себе, повелевает Вселенной да наблюдает за жизнью своих любимцев на Земле. Радует, что все там благополучно, все процветает. Люди учатся жить самостоятельно. Трудятся в охотку. Каждый день что-нибудь да придумают. Диких животных приручают, поля распахивают, сады разбивают, города с фонтанами строят, дворцы возводят. Из солнечных искр, что падали на Землю и тут же превращались в золото и серебро, богатые украшения делают. Всем всего хватает. Все веселы и дружелюбны. Золотой век царствовал на Земле.

И однажды Тейри решил – посетить Землю, Адама повидать, побеседовать с ним, тоску по нём развеять. Спустился на Землю в сопровождении свиты из своих архангелов. И они стали показывать ему

со
В

лс
не
пс
за
ст
ва
Ц
дэ
за
кэ
дс
ие
кс
су
л

ч
сс
ве
с
Т
ст
её
ва
Г
пс
рс
пл
уд

и

состояние порученных им дел. Все нравится Тейри. Все идет, как он задумал. Всем остался доволен.

Дошли они и до птичьего царства. Много их стало – размножились. Все птички красивые, жизнерадостные, веселые. Кто поет, кто щебечет, кто посвистывает. Орлы в поднебесье парят. Соловьи заливаются нежными трелями. Жаворонки вместе со своими песнями штопором в небо ввинчиваются. Стрижи, как стрелы, воздух пронзают. Цапли важно по болоту шествуют, порядок наводят. Аисты в своих гнездах, стоя на одной ноге, запрокинув головы, своими длинными клювами, как ножницами, щелкают, детишек в счастливые дома приносят. Журавли клёкот свой призывный издают, чинно с ноги на ногу переступают и ни на кого внимания не обращают. Воробьи чирикают, суетсяя. Голуби под стрехой воркуют. Куры у жилья копошатся.

Наконец направились в гости к Адаму. Идут по чистому, благоухающему городу. Кругом – красота! И вдруг у фонтана предстал их взору красавец павлин, украшенный всеми цветами радуги, с маленькой короной на гордо поднятой головке. Тейри, как и все творцы, очень любил совершенство. Долго любовался птицей и захотел услышать её пенье. Помощники окружили красавца, уговаривают спеть, усладить слух создателя песней. Гордая и упрямая птица терпела-терпела суетню помощников, подняла свой роскошный хвост веером, открыла свой клюв и издала нежданно хриплый крик. Все так и оцепенели от неприятного удивления.

Очень огорчился Тейри, услышав этот скрежет, и понял, что в спешке допустил ошибку, наделив

эту райскую птицу таким не подобающим ее внешности голосом. Так в расстроенных чувствах вернулся к себе на небо.

Тейри печали предавался недолго и сотворил царственно прекрасного белого лебедя с подругой, потому что он одиночества не терпел. Наделил их небесной чистотой, любовью беспредельной, верностью вечной, божественным голосом и умением танцевать.

Лебеди размножились и жили дружной стаей. Они по небу согласным клином летали, каждый на своем месте. По земле они не ходили, а ступали осторожно, будто боялись причинить ей боль. А на гладь озера садились так, что ни всплеска воды не издадут, ни фонтана брызг не поднимут, как будто они вовсе и не приводнялись. И скользили они по поверхности озера маленькими белыми кораблями с раздутыми воздушными парусами. А еще были похожи на нарядных молоденьких девушек-невестушек в подвенечных пышных платьях. Они с песнями подплывали друг к дружке, ласково обнимались, чинно раскланивались и начинали свои изящные танцы. Их красивые длинные шеи грациозно изгибались, крылья распушались и вздымались ввысь, вокруг гордо поднятых и склоненных набок приветливых головок. И над Землею призывно летело и звенело их божественное пение, и замирало все вокруг, восторгаясь этой красотой и наслаждаясь их завораживающим пением. От лебедей исходили флюиды радости, чистоты и доброты. Рядом с ними все испытывали прилив бодрости, освобождались от дурных мыслей. А Тейри в это время открывал свои золотые ворота всем добрым делам.

на
Вд
из
ва
ог
пу
ла
ем
«Г
на

де
та
ро
ус
на
со
И
на
со
бе
го
за
бе
вс
ни
пи
из
дэ
ли
оз

Но нежданно-негаданно над белыми лебедями нависла беда – невзлюбили их черные вороны. Вдруг они увидели разницу между собой и этими изящными и царственными птицами. Почувствовали себя обойденными. И в их сердцах запылал огонь ревности. И они сказали: «Нам – плохо, пусть будет плохо и этим гордым птицам». Сначала меж собой перешептывались, затем стали своему небесному покровителю Ойрире досаждать: «Почему лебеди белые? Да еще поют и танцуют? И нам такое подавай!»

Ойрира крепко задумался:

«Тейри – Создатель, ему виднее, кого и чем наделить. Не приведи вмешиваться не в свое дело, так недолго и должность потерять, – сказал осторожный Ойрира. – А вороны позавистничают, да и успокоятся». – И оставил все на самотек. Это воронам было только на руку. Договорились они меж собой своим путем справедливость восстановить. И в день, когда небо заволокло грозными тучами, а на озере непогода разыгралась, слетелось воронье со всего света в одну грозную стаю и напало на лебедей. Кроважадное и беспощадное воронье, подгоняемое стяжательством и безоглядной черной завистью, с наслаждением терзало белых лебедей, беспомощных, не защищенных ни острым клювом, ни цепкими когтями, остервенело выдирало с них пух для своих гнезд. Лебеди погибали, без попытки сопротивляться. Этой страшной картины избиения белых лебедей не выдержали даже Караджангурла – слепые дочери Суу-анасы и расступились над озером.

И глазам Тейри открылась жуткая картина: над озером плотной черной массой кружилось воро-

нье, а водную гладь устлали белые бездыханные и покалеченные тела лебедей. Увидев растерзанных белых лебедей, Тейри заплакал. Заплакал потому, что в этот день была убита красота, которой он хотел спасти мир, потому что этот день положил начало злобе и войне, а причиной были жадность и зависть. Увлеченный творческим порывом Тейри не углядел, что все созданное им – это «палка о двух концах», не подумал о скрытых побудителях зла.

Тейри сильно разгневался на Ойрира. Снял его с должности за разгильдяйство и попустительство. Воронам же сказал:

– Я хотел построить красивую, беспорочную жизнь для всего сущего, чтобы все были дружны и счастливы. Вы же открыли дорогу зависти, ревности и убийству прекрасного. Недоработал я с вами, не все продумал – это мое упущение. Но вас я награжу по вашим заслугам: вы, отныне и навсегда, останетесь черными, как и ваши дела. И станете вы уборщиками нечистот в городах и на полях сражений. А вместо песен из ваших клювов будет вылетать жуткий крик: «Ка-р-р!» Вас никто никогда не полюбит. Вы станете предвестниками черных дней.

А тем временем раненых лебедей подобрали люди и вылечили, поставили на крыло. Но петь искалеченные птицы уже не могли. Они по-прежнему красивы, изящны, величавы, по-прежнему белоснежны, верны в дружбе и любви. Но на озере уже не резвятся, не поют, не танцуют, только спрячут свои гордые головки под крыло, чтобы никто не увидел их слез, и тихо, задумчиво передвигаются по воде, вспоминая черный день избиения. Ино-

гда вострепелся в отчаянном порыве, взмахнул крыльями, будто хотят что-то сбросить с себя, но сложат крылья и опять спрячут головки под крыло. Замкнулись гордые птицы, стали сторониться всех и приняли решение никогда на одном месте не жить и никогда не петь. Боль от пережитой несправедливости была неистребима. Они поняли, что всегда найдется преследователь и убийца красоты, и им отныне придется быть очень осторожными, носить свою красоту как крест.

С тех пор лебеди поют только перед смертью. Да разве тревожный, протяжный крик «Ку-у-у!», вырывающийся из поврежденного навсегда горла, можно назвать песней? Но в этом прощальном крике звучит то ли проклятие «Куу*», но не может договорить слово «бол!» (чтоб пусто было!), то ли жалоба: «Куу ...!» – «умираю безвинно», а может, завещает: «Пощадите!»

Теперь этих прекрасных птиц стали называть еще их предсмертным криком Куу. Такое же имя дали и племени, которое вылечило раненых лебедей. Летом лебеди прилетают под их защиту, чтобы вывести потомство. Расстаться с родиной навсегда они не могут – уж очень дорог дух родной земли.

КАК СЧАСТЬЕ ВЕРНУЛОСЬ В ДОМ

В одной уважаемой семье вырос статный, красивый и трудолюбивый сын по имени Балас. Жених, как говорится, на зависть. И невесту ему под стать сосватали. Прелестную Сара-сан – дочь соседа. Играли свадьбу пышную, старейшины произносили тосты-здравницы, традиционную молитву-пожелание, чтобы первой родилась урчукчу – то есть пряха, матери помощница, а вторым таякчы – пастух, отцу помощник. Много было на свадьбе веселья, радости, и только одна соседка-повитуха сторала от черной зависти. За такого славного парня она мечтала выдать свою дочь, а он женился на другой.

И вот в молодой семье Баласа и Сара-сан появилась девочка. Повитуха приняла её и тут же заколдовала. У новорожденной потемнела кожа, и стала она похожей на маленькую обезьянку. Опечалились родители, дедушки и бабушки, но девочку окружили лаской и любовью. И назвали её Худа-тон, маленькой богиней. А она выросла на редкость трудолюбивой и участливой, была неусыпной нянечкой для своих шестерых братьев, родившихся после неё. И выросли они, как сказочные богатыри, один лучше и краше другого. Но на беду приглянулся старший сын эфенди, и решил тот заполучить его в зятя.

– Сынок, послушай нас, – просили сына Балас и Сара-сан. – Эфенди живут за счет подношений верующих, а мы привыкли жить своим трудом. В доме эфенди совсем не такой уклад, как у нас. Не ко двору нам такая невестка.

Но сына как будто подменили, и неудивитель-

но. Ведь сватовство затеяла всё та же соседка-повитуха. Привел он в дом дочь эфенди, и вместе с нею порог благополучного дома переступил и Раздор. Особенно разгулялся он, когда внезапно умер Балас – хозяин дома. Сноха стала каждому из братьев говорить, что он трудится больше других, а о своей золовке и вовсе слова доброго не вымолвит, даже случайно не обронит.

– Смотрите, как бы мать не оставила все в наследство вашей уродливой сестрице. Трудитесь вы, а достанется все ей! – твердила она им ежедневно.

И стали братья спешно гнать на базар овец, кто, сколько мог, продавать. Забирали и другое нажитое добро. Мать уговаривала их одуматься, но никто не слушал её. Житья в доме совсем не стало.

– Уж лучше брошусь в омут с головой, чем видеть такое в своей семье, – решила, в конце концов, бедная мать, несчастная Сара-сан.

Утром поднялась она чуть свет и вышла во двор. А там снегом все заporошило. И вдруг видит мать свежие следы. Ведут они прямо от порога и за ворота. Удивилась она и решила пойти по следу, посмотреть, кто же опередил её и так рано покинул дом.

Вот прошла она через весь аул, вышла на опушку леса, а следы не обрываются и уходят в глубь леса. Страшно ей стало идти одной в лес, но потом она подумала: «Я ведь хотела в омут броситься. Так какая разница, утону я или дикие звери меня разорвут. Будь что будет». И пошла она по следу, пока не добрела до небольшой избушки. Постучала в дверь, вошла и видит четыре необычных существа: люди – не люди, но и не звери.

Поклонилась она им и говорит:

– Извините, что нарушила ваш покой. Но кто-то сегодня ночью вышел из моего дома, и я пришла сюда по оставленным следам. Я – многодетная мать, – продолжала она. – Но с тех пор, как женился старший сын, а потом умер мой муж, в доме поселился раздор. Несчастнее меня нет, наверное, матери на свете. А кто же вы?

– А мы и есть те, кто ушли из твоего дома. Первым его покинул Разум, потом ушла Честь, за ним – Богатство, а сегодня не захотело больше оставаться там и я – твое Счастье. Но коль ты пошла не к реке, а по моему следу и догнала меня, попробуй правильно ответить на мой вопрос, и, быть может, мы вернемся. Скажи, что для тебя дороже всего на свете: Богатство, Честь, Разум или Счастье?

– Ой, – воскликнула мать, – да разве может быть для меня что-нибудь дороже детей? Позвольте мне посоветоваться с ними, как правильно ответить.

– Хорошо, иди, посоветуйся, только поспеши. Нам нельзя здесь долго оставаться. Мы должны поселиться в другом доме.

Прибежала мать домой, разбудила сыновей и дочку, рассказала о своих приключениях и попросила совета – какой ответ ей дать?

– Конечно, важнее всего Богатство, – затараторила невестка. – При чем тут Разум? Он есть у всех. А вот там, где Богатство, – там и Честь, и Счастье.

– Мама, не слушай её, – возразила дочь. – Давай выберем Честь. Вместе с нею в дом вернется и Разум. А там, где они есть, будет и Счастье.

Ох, и вскипела тут невестка, и вовсе раскричалась.

– Что ты можешь знать, глупая? Недаром небо наделило тебя таким лицом!

Но тут мать решительно вступилась за дочь и заявила:

– Ты права, дочка. Мы выбираем Честь.

С тем и отправилась в лес, а навстречу ей уже спешат Честь, Разум, Богатство и Счастье.

– Придется нам вернуться в твой дом, женщина. Ибо всем нам место там, где главенствует Честь.

Опомнился тут старший сын и прогнал свою жену, ценившую только богатство. А остальные братья дали слово никогда не жениться на дочерях эфенди. Все они вдруг поняли, как много делают для них мать и сестра: стирают одежду, готовят еду, шьют им одежду. Покаялись сыновья перед матерью, а сестре поклонились в ноги. И вдруг увидели, как она на их глазах превратилась в стройную красивую девушку, какой и должна была быть богиня. Так пришел конец злым чарам соседки.

Вскоре для Худа-тон нашелся и жених – под стать её братьям. А они взяли себе в жены девушек из добропорядочных, трудолюбивых семей. И стали все жить в мире и согласии. А все потому, что в дом вернулась Честь, а вместе с нею Разум и Богатство. Все вместе это и называется Счастьем.

ПТИЦА СЧАСТЬЯ

Давным-давно в одной стране патчах* отрекся от престола. В таких случаях новым правителем народ на майдане избирал того, на чью голову садилась птица счастья. И вот главный азнаур* выпустил птицу счастья. Она полетала над площадью и села на голову неизвестного лысо-го юноши.

Придворные подумали, что птица ошиблась и выпустили ее вторично. Она немного покружилась над майданом и вновь устроилась на войлочной шляпе юноши. Изумленные придворные опять сняли птицу, а юношу заперли на старой мельнице. Выпустили птицу в третий раз. Она взмыла ввысь и оттуда стремительно влетела в окно старой мельницы и устроилась на голове узника.

Удивленный народ закричал: «Это судьба! Не надо нарушать наш закон!» Недовольные царедворцы вынуждены были согласиться, и юношу повели во дворец. Перво-наперво новый хан приказал принести одежду и объявил, что отныне и навсегда отказывается от личных слуг. Закрылся в хамаме – бане, сам искупался, сам облачился в царские одежды. Затем предстал перед придворными и принял присягу на верность народу. К его имени Амин прибавили титул, и стал он хан Амин.

Волей небес стал он править страной умно и справедливо. В конце дня отсылал всех по домам, сам запирался в своих покоях, чтобы наедине с самим собой обстоятельно обдумывать государственные дела. Народ был доволен своим правителем.

Однажды вечером, когда все ушли, хан Амин пригласил придворного художника:

– Уважаемый художник, сейчас вы займете вот эту комнату. Я к вам пришлю молодую девушку. Пока не нарисуете её портрета, вы ни с кем не будете общаться. Нарисуете ее портрет и принесёте мне.

Утром третьего дня художник принес портрет настоящей красавицы. Придворные ахнули – это был портрет дочери бывшего патчаха.

А хан Амин лишь взглянул на него и повелел повесить портрет у главного входа в город, приставить караул* и приводить к нему каждого, кто совершит странный поступок перед портретом.

И дня не прошло, как приволокли во дворец старого оборванца.

– Он обнимал портрет, целовал и плакал, – доложила стража.

Оглядел хан Амин старика и приказал:

– Искупать! Одеть в одежды царя и отвести в покои! Кормить и поить, как царя, до моего нового решения.

На другой день привели молодого бродягу, грязного, обросшего бородой.

– Он бросился с ножом на портрет и хотел изрезать его! – доложили стражники.

Посмотрел на него хан Амин осуждающе, велел заковать в кандалы и бросить в темницу.

В следующий раз привели богато одетого щеголя.

– Он злобно хохотал, глядя на портрет, и говорил непотребности, – возмущался караул.

Хан Амин не удостоил щеголя даже взглядом и приказал:

– В темницу!

И так каждый день кого-нибудь да приводи-

ли. Привели рыбака – он привез на продажу свой улов, и пастуха – он тоже пригнал овец на базар. Они оба, забыв о своих делах, стояли перед портретом, любовались им и тяжело вздыхали.

Хан Амин принял их приветливо, расспросил о делах, пожелал удачи в трудах, а слугам приказал отвести их в гостевую комнату и угощать, как дорогих гостей.

Вскоре привели молодого статного юношу. Он безудержно плакал и не мог вымолвить ни слова.

– Увидев портрет, он упал в обморок, прямо перед ним, в пыль. Когда пришел в себя, стоял на коленях и твердил: «Я виноват! Я виноват!» – и плакал, – докладывала стража.

Хан Амин сочувственно оглядел странного юношу, вздохнул и повелел:

– Отведите его в отдельную комнату, искупайте и накормите, пусть отдохнет пока.

Как только юношу увели, хан Амин распорядился вернуть портрет во дворец, а глашатаю приказал созвать народ на майдан. Гонцам велел быстро и с почетом доставить из одного шахара женщину по имени Хора-сан, а из соседнего государства – знахарку по имени Забит-хан и горемычную погорелицу по имени Мауха-джан, а ее соседа Дуркучу пригнать в оковах.

И вот в указанный день на майдане собрался народ. Хана Амина сопровождали его свита, бывший царь (народ его узнал и ахнул), рыбак, пастух, Хора-сан, Забит-хан, Мауха-джан и грустный молодой человек. Привели и обитателей темницы и посадили их на презренное место для всеобщего обозрения.

Хан Амин обратился к народу:

– Дорогие мои подданные! Я созвал вас на майдан для того, чтобы выслушать истории вот этих людей и принять справедливое решение.

Всем известно, что на майдане надо говорить лишь правду, какой бы она ни была горькой.

Итак, я стану задавать вопросы, а те, кого мы привели сюда, будут отвечать, а вы примете решение, как поступить с ними.

– Скажи, почтенный старец, – задал хан Амин первый вопрос – почему ты обнимал и целовал портрет?

– На портрете изображена моя дочь! Я был царем этого государства. И вот однажды, в мое отсутствие, моя дочь пропала, искал её долго и, отчаявшись, отрекся от престола, чтобы продолжить поиски. Но она – как в воду канула.

– Правда! Правда! Это наш бывший господин! А на портрете наша пропавшая царевна! – загудела толпа на майдане. – А вот тот, что в наручниках, главный бийнёгер* нашего царя!

– Верно ли говорит народ? – обратился хан Амин к бродяге. – И почему ты на портрет с ножом набросился?

– Да, верно. Я – бывший главный бийнёгер царя, а портрет хотел изрезать из ненависти к той, что изображена на нем. Из-за нее я потерял все. Я ее любил. Она же отвергла мою любовь. И однажды, когда отец уехал с визитом в соседнее государство, я ее украл и привез в свой дом. Но она сказала, что предпочитает умереть, чем видеть меня своим мужем. Я тогда страшно разозлился и продал ее кызылбекам*, а те увезли ее на невольничий рынок к берегам Черного моря. Когда хан вернулся, я сказал, что царевна сама сбежала из дворца. Царь рас-

сердился, лишил меня места бийнегера и прогнал из страны. С тех пор брожу я голодный и холодный. А все из-за нее, из-за ее упрямства. Она меня унизила и обрекла на нищету.

– Оказывается, тебя жизнь ничему не научила, ты любишь только себя, ты ленив, потому и выбрал дорогу бродяг! – огорчился хан Амин.

– Этот человек говорит правду. Эту девушку я выкупил на невольничьем рынке. Но я перед ней очень виноват. Она была моей невестой, а я из-за глупой ревности убил её! Нет мне прощения, – сквозь слезы поведал свою историю грустный молодой человек.

Замер народ, пораженный услышанным. Нахмурился хан Амин, однако сказал:

– Отведите его к лекарю, пусть придет в себя, а повесть свою продолжит потом.

Тут поднялась мать юноши:

– Уважаемый джамагат, позвольте и мне слово сказать. Этот юноша – мой сын Бихарус. Он виновен. Не подумал, не разобрался, погорячился и совершил непростительный поступок. И больше всех наказал сам себя. Вот наша история. Мы живем в соседнем ханстве. Зовут меня Мауха. Была у меня ладная семья: муж мой Мечус и сын Бихарус. Но прошлой осенью муж, перегоняя свои отары и стада с летних высокогорных пастбищ на зимние кошары, простудился и сильно заболел. Мы с сыном не отходили от его постели, но Мечус умер. Видно, так было predetermined самой судьбой. Бихарус и я от безутешного горя сами слегли. Селяне не оставили нас в беде: лечили, ухаживали за нами, следили за нашим хозяйством. Спасибо им всем. Но беда преследовала нас неотступно. Только вста-

ли на ноги – сгорел наш дом и все подворье. Собрались селяне и предложили нам свою помощь:

– Уважаемая ханым, – сказали они. – Мы все помним вашу доброту. Вы с Мечусом, пусть земля ему будет пухом, первыми приходили на помощь. И мы вас не оставим в беде. Летом расчистим пепелище, поможем построить новый дом, а сейчас выделяем вам маленький домик и сено из своих запасов.

– Спасибо, люди добрые, жив будет мой сын – не забудет ваших забот, – поблагодарила я их и поделилась своими думами. – Сгорело подворье, но живность вся уцелела. Такого количества не прокормить, значит, половину надо продать. Этих денег хватит и сена купить, и подворье восстановить. Селяне согласились с моим решением и обещали помочь Бихарусу отогнать овец на большой базар и продать их. Я благословила сына и его друзей, пожелала удачи и стала молиться, ждать их. А Бихарус с друзьями все удачно распродали и решили походить по базару, присмотреться к товарам, прицениться. И вдруг остановились, как вкопанные, увидев, что на продажу выставлена девушка необыкновенной красоты. Бихарус подошел к печальной красавице, поговорил с ней и узнал, что она из наших мест и зовут ее Аминат. Выкупил Бихарус девушку, привез ко мне:

– Мама, вот привез я тебе дочку Аминат, пусть поживет с тобой, пока я занимаюсь делами. Присмотришься к ней, если понравится – свадьбу сыграем.

Оставил нам денег, закупил сена, а сам опять погнал очередной гурт на базар. И стали мы с Аминат жить в маленьком домике, что селяне нам выдели-

ли. Девушка с каждым днем все больше и больше мне нравилась. Мы очень с ней подружились. Однажды подседа она ко мне и говорит:

– Не приличествует нам жить в старом домишке на краю села. Давайте восстановим свое подворье.

– Да, доченька, так и поступим, как только вернется Бихарус, – радостно ответила я.

– Зачем ждать? Вы приведите сюда ювелира и ничего дурного не подозревайте. Когда меня украли и бросили в подземелье, я успела спрятать свои драгоценности в подол нижнего платья.

Драгоценности были так прекрасны, что ювелир, не торгуясь, заплатил столько, сколько она запросила. И построили мы большой красивый дворец. Восстановили подворье. Наняли охрану из жителей села. Извинились перед ними, объяснили, что не от них прячемся, что мы слабые женщины, что испытали много горя и просим их охранять нас до возвращения Бихаруса и его друзей.

И вот однажды проезжал мимо нашего дома сын нашего бая, вот этот, что сидит здесь перед вами, увидел Аминат и повадился бродить вокруг, пытался проникнуть к нам без приглашения. Но стража ни его, ни его старой служанки в дом не пускала. В конце концов, он перестал нас беспокоить. Но беда пришла, откуда мы и не ожидали. Бихарус получил письмо, порочащее мою ненаглядную девочку. Примчался в аул, в маленьком домике нас не нашел. А на пепелище старого подворья красовался новый дворец. Денег на такую постройку он не оставлял и поверил клевете. Вскипела в груди молодая кровь, от обиды затуманился разум. Не заходя ко мне, пробежал мой сын мимо стражи прямо в покои Аминат и, не раздумывая, выхватил кин-

жал... Пока ошарашенные охранники прибежали ко мне, пока объясняли, что случилось, Бихарус уже был далеко. Но мы догнали его, и когда он узнал правду, хотел наложить на себя руки.

– Мама, – перебил сын рассказ матери, – ты не сказала, что я вынес ее и бросил у помойной ямы, сказав при этом: «Вот в таком месте я тебя нашел, и здесь твое законное место!» Нет мне прощения...

– А когда мы вернулись, стали искать тело девушки, чтобы предать земле, но его на месте не оказалось, – закончила свой рассказ Мауха-джан.

– Деберни хан Амин и вы, любезные люди, выслушайте теперь меня, – поднялась с места знахарка Забит-хан. – Это я унесла ее. Шла мимо, увидела раненую, но живую девушку и решила ей помочь.

– Как, живую?! Где она? – перебивая друг друга, закричали Бихарус, его мать и старый царь.

– Красавицу звали Аминат, – продолжала свой рассказ знахарка. – Моими стараниями она стала выздоравливать. Однажды вышли мы во двор погреться в лучах ласкового весеннего солнца. И надо же беде случиться: в это время проезжал мимо этот шалопай, – показала знахарка на байского сынка, – он, бездельник, всегда рыскает по селу. Увидел девушку, нагло усмехнулся и пригрозил: – «Вот где ты спряталась! Ну, погоди!»

Аминат, моя страдалица, заплакала, стала умолять спрятать ее, и я решила отвезти ее тайком в другое село к своей сестре. Погрузила на телегу сундук, устроила в нем теплую постель, уложила в эту постель девушку, а сундук закрыла на замок. Запрягла волов и поехала со двора. Догнал нас этот негодяй и спрашивает:

– Куда едешь, что везешь? – Замучил вопроса-

ми, вертится вокруг моей телеги, проехать не дает. А ведь ущелье узкое, волю испугались и рванулись в сторону, телега опрокинулась, и сундук полетел вниз, в реку. Как я убивалась, что не смогла помочь, зато он злорадно хохотал.

– А река вынесла сундук в море, – включился в разговор рыбак. – Я в это время ловил рыбу. Выловил сундук, открыл, а там несказанно красивая девушка. Обрадовался я, вот, думаю, какое мне счастье привалило! Женюсь на ней! Привел ее домой. Хотел тут же пригласить старейшин освятить наш брак. Но красавица остановила меня:

– Зачем так спешить? Видишь, я измучена, продрогла, голодна, испугана. Ты приюти, дай отдохнуть, а там видно будет.

Согласился я с девушкой. А ночью она тайком покинула мой дом. Куда она направилась, не знаю.

– Я знаю, куда! – вступил в разговор пастух. – Пришла ко мне усталая, но очень красивая девушка, я тоже влюбился в нее, но и от меня она скрылась.

Удивительное повествование продолжила Хорасан:

– Сидела я у окошка, пряла нитки и заметила, как к моему дому приближается девушка. Красавица, а на прекрасном лице – следы перенесенных невзгод. Когда она попросила найти для неё мужскую одежду, я поняла, что путь ее далек, и хочет она оградить себя от дорожных приключений. Принесла я ей одежду мужа, накормила, напоила, предложила ночлег. Но она поблагодарила меня и ушла. Вот и все, что мне известно.

И тут поднялся с трона хан Амин:

– Дорогие мои подданные, все, что вы сейчас услышали, суцая правда. Ваша царевна, по злому умыслу главного бийнёгера, испила горькую чашу лишений и опасностей. Он ее украл, принуждал к браку, продал в рабство. Обманул и ее отца, чем вверг его в пучину страданий. Джамагат! Задайте себе вопрос – кто он после этого? Велика вина и этого байского отпрыска, – указал на другого хан Амин. – Люди! Он хотел обесчестить беззащитную девушку, это у него не получилось, – и тогда он решил оклеветать ее в письме к Бихарусу, который выкупил ее из рабства, полюбил и назвал своей невестой. Мало ему было разлучить их, так он ещё обрёк девушку на страшную смерть в волнах бурной реки. Подумайте, почему его душа до отказа наполнена такой злобой?

А сам продолжал:

– Есть еще один служитель зла. Вот он, у него нет имени, он отзывается на кличку Дуркучу. Таким прозвищем заклеямили его селяне. Это ваш сосед, уважаемая Мауха-джан. Это он поджег ваш дом. Это он навел байского отпрыска на вашу любимую Аминат. Это он подсказал написать подлое письмо Бихарусу. Решайте, земляки, что делать и с ними!

Притих майдан. Ни шелеста, ни шепота, ни шороха. Так потрясла каждого судьба царевны и ее отца, Бихаруса и его матери Мауха-джан.

Но вот вышел вперед почтенный старейшина:

– Дорогой наш хан Амин, любезные гости, мне поручено объявить решение джамагата: бийнёгер, байский сынок и Дуркучу виновны. Эти праздные себялюбцы неразумны, ленивы, завистливы и жестоки. Все их помыслы греховны и подсудны. Всего

три человека на два ханства, а сколько зла натворили. Они бы еще больше зла совершили, если бы на их пути не встали добрые, бескорыстные люди, без зова спешащие на помощь друг другу. Зло должно быть наказано. И мы на майдане постановили: выжечь на каждом из них клеймо позора и всех троих продать в рабство. Пусть сами испытают то, на что обрекали других. А на вырученные деньги построить приют для обездоленных.

Ох, как тут возмутился байский сын:

– Зачем наказывать благородных людей из-за безродной?

Но вопрос его потонул в рокоте негодования людей, сквозь который были слышны горестные стенания Бихаруса, Мауха-джан и старого подчаха. Обратив к небу глаза и руки, они молили небо его указать, где находится Аминат, где её искать.

– Я знаю, где! – возвестил хан Амин. Он поднялся с тохана – трона. Снял с головы царский убор и то, что люди принимали за лысину. И тут высвободились и заструились по плечам великолепные девичьи волосы. Изумленный народ радостно рупокплексал – он узнал свою царевну.

– Да, это я, ваша царевна Аминат и вами избранный хан Амин.

Подошла она к пастуху:

– Спасибо тебе. Сделать голову лысой помог мне желудок ягненка, которого ты освежевал для меня. Я его почистила, помыла, высушила и спрятала в хурджун. Он меня спас от многих бед и принес мне удачу.

– Благодарю и тебя, рыбак. Что бы со мной могло случиться, если бы ты не выловил сундук? Знайте, теперь вы оба – братья мне родные.

Обняла царевна и знахарку:

– Моя дорогая, добрая моя Забит-хан, родная моя. Ты лечила, кормила и вернула меня к жизни, не зная – кто я, и на вознаграждение не рассчитывала. Я перед тобой в неоплатном долгу, как перед матерью. Позволь мне отныне называть тебя мамой.

– Золотая моя Хора-сан, и ты не оскорбила меня любопытством. Без слов отдала одежду мужа, не потребовала плату, накормила, напоила. Мужская одежда защитила меня в пути от многих напастей. В тебе я обрела родную сестру.

Потом подошла царевна к отцу, обняла его крепко, стала гладить его седую голову, целовать мокрые от слез глаза:

– Отец, дорогой мой отец, извини, я стала невольной виновницей твоих страданий. Не надо больше плакать, мы теперь вместе, и я возвращаю тебе твой трон!

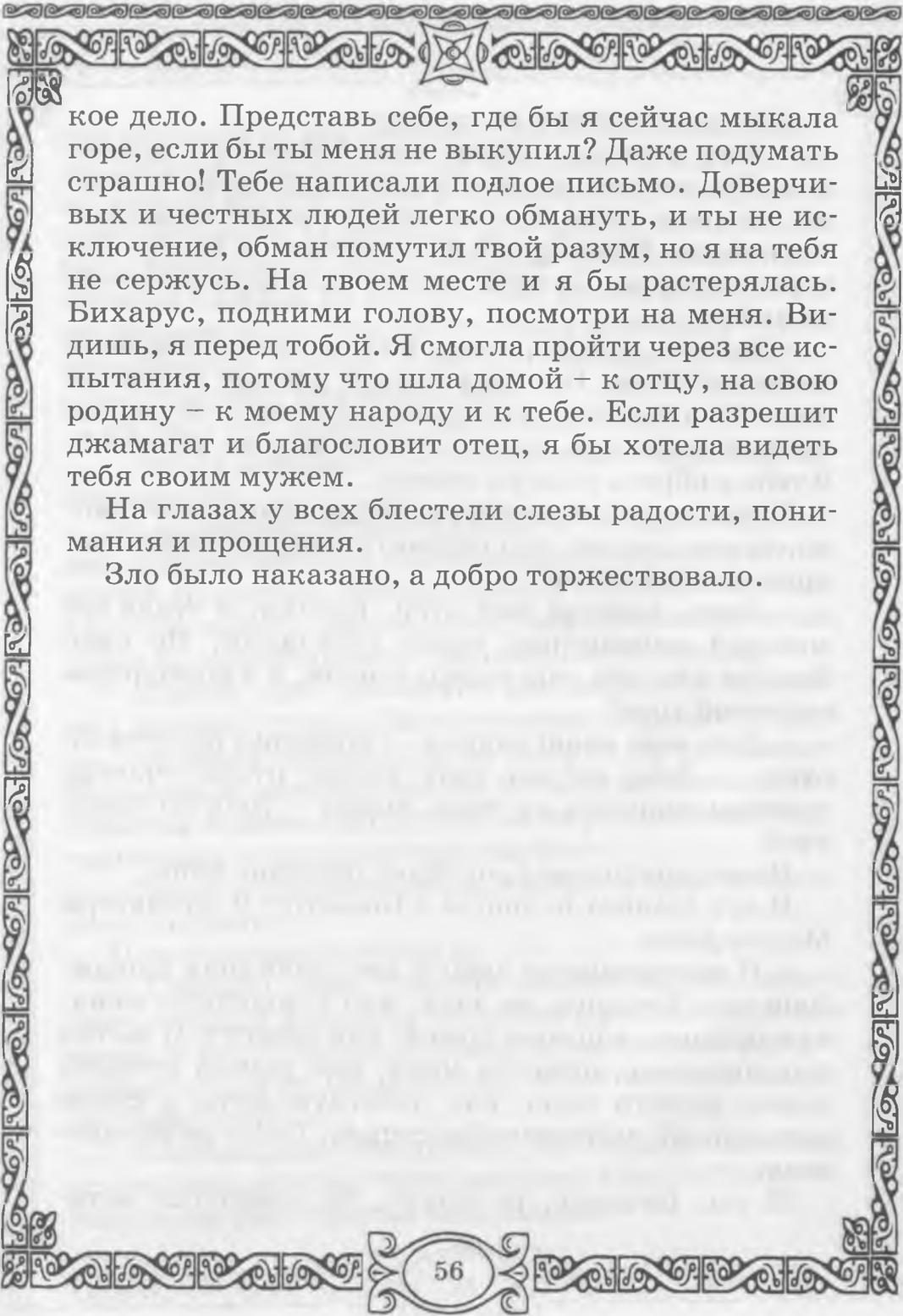
– Нет, моя ненаглядная, – возразил радостный отец. – Тебя избрал твой народ, птица счастья трижды садилась на твою голову – трон по праву твой.

Народ возликовал, одобряя решение хана.

И тут Аминат подошла к Бихарусу и его матери Мауха-джан.

– Я по-прежнему люблю вас, любезная ханым. Ваш сын Бихарус, не зная, кто я, выкупил меня, как рабыню, а привез домой, как невесту. И вы без лишних слов приняли меня, как самый лучший выбор вашего сына, как любимую дочь, и стали мне доброй, заботливой матерью. Такое не забывается.

И ты, Бихарус, не плачь, ты совершил вели-

кое дело. Представь себе, где бы я сейчас мыкала горе, если бы ты меня не выкупил? Даже подумать страшно! Тебе написали подлое письмо. Доверчивых и честных людей легко обмануть, и ты не исключение, обман помутил твой разум, но я на тебя не сержусь. На твоём месте и я бы растерялась. Бихарус, подними голову, посмотри на меня. Видишь, я перед тобой. Я смогла пройти через все испытания, потому что шла домой – к отцу, на свою родину – к моему народу и к тебе. Если разрешит джамагат и благословит отец, я бы хотела видеть тебя своим мужем.

На глазах у всех блестели слезы радости, понимания и прощения.

Зло было наказано, а добро торжествовало.

РУМ-КАЛА

Было это или не было, но наши аксакалы помнили рассказы своих аксакалов, как давным-давно страной аланов правили мудрые цари, а народы были дружные и трудолюбивые. С могуществом этого государства считались все соседи. Идти на него войной не помышляли ни Восток, ни Запад. Мир и труд царили в этот период.

По равнинным просторам и румным* лугам горных склонов паслись тучные стада скота, отары овец. В многочисленных табунах резвились быстроногие кони. Кругом благоухали и плодоносили сады и баштаны. Колосились безбрежные нивы хлебов.

Богатство Алании приумножал и Великий Шелковый Путь. Свою часть пути аланы проложили по горным хребтам и отрогам и обеспечивали его безопасность. И шли по нему бесчисленные торговые караваны. В городах и поселениях Алании купцам были обеспечены отдых в караван-сараях и торговля на базарных площадях. Им оказывалась любая другая помощь в ремесленных мастерских. Аланские стражники встречали караваны на границе и сопровождали их до границ государства, поэтому никто не осмеливался грабить их. Злодеи знали меткость аланских стрел.

А при выходе Шелкового Пути из горных ущелий на равнину, на последнем румном плоскогорье, в целях охраны, возвели крепость Рум-Кала*. Вокруг крепости раскинулся большой торговоперевалочный город, куда стекались купцы со всех сопредельных стран. В караван-сараях и на базарных площадях шумела разноязычная толпа. Го-

род разрастался и богател. И его стали именовать Баргостан (богатой страной), а старожилы называли Бургустан (древняя страна). Но жители любовно величали свой сахар* Рум-Кала, крепостью на румной горе.

А на далеком высоком тюркоязычном Тибете, в начале Шелкового Пути, был еще один торговоперевалочный город Урумчи, поэтому восточных купцов называли урумчула*. И везли они великолепные шелка, жемчуга и кораллы из Индии; пушистые шерстяные одеяла, пледы, парчу, фарфор, стекло и порох из Китая; ковры и шамаханские платки из Персии; лалы и яхонты, сапфиры и изумруды из Афганистана и много-много прекрасных и полезных вещей и знаменитые восточные пряности.

А купцов с юга и Византии называли урия*. Они тоже везли всякую всячину: булатные мечи, дамасскую сталь, красивые ткани. А хитроумные византийские купцы, помимо женских заманчивых украшений и безделушек, везли в расписных узкогорлых сосудах оливковое масло и хмельное вино. Некоторые аланы и за них отдавали скот, кожи, хлеб, мед – все, чем сами были богаты. Заезжие перекупщики глумливо потешались над их неумением торговаться. С пакостной усмешкой на устах похлопывали по крутым плечам этих лихих всадников и называли их «доярами и некультурными баранами». Говорили, что их труд – это удел рабов. А того не разумели кичливые византийцы, что торговаться, опускаться на уровень менял – для алана было крайним бесчестьем.

Аланы же не одобряли, что румы свое дешевое пойло дорого сплавляли здесь, а за аланский скот

и хлеб бесстыдно сдирали втридорога со своего народа. Аланы считали, что человек обязан пахать землю, сеять и убирать хлеб, пасти скот и доить коров и беззаветно защищать свое отечество. На это благословил их Златоликий Тейри, выковав и сбросив на землю гида* – чтобы защищать Родину, боюнсха* – чтобы запрягать волов, мырыт* – чтобы пахать землю и чёмюч* – чтобы жизнь была полной чашей.

Вездесущие купцы провозили через Аланию и очень красивых молодых женщин для гаремов Востока. Но некоторые из них оседали в Рум-Кале, в веселых кабаках*, которые открывались более расторопными урия.

Проезжающим через Рум-Кала купцам хотелось временных удовольствий. У них имелись деньги, они могли купить продажные утехи. Вот для них и содержались в кабаках эти великолепные невольницы. Они были так прекрасны в своих легких заморских одеждах. Так соблазнительно обнажались их холёные плечи, когда они раскрывали объятия навстречу посетителям, так заманчиво порхали их мягкие руки, никогда не знавшие тяжелой работы с шерстью, никогда не стиравшие детских пеленок, никогда не державшие подойника, боевого лука или меча, как аланки. У этих красавиц отняли родину, отчий дом, честь и совесть. Они прекрасно понимали всю никчемность своей жизни и напропалую ее прожигали.

На веселую, хмельную жизнь в кабаках аланы смотрели сквозь пальцы: дескать, чужое – это временно и не опасно. И ещё потому, что соблазнились высокими доходами от сбора налогов.

Вот в этих доступных чаровницах и в разливан-

ном море дешевого вина таился смертельный яд, который исподволь разъедал многовековой уклад аланской морали.

В кабак потянулся рядок любопытных аланов.

А самое страшное заключалось в том, что протопил туда дорожку сам правитель города Рум-Кала хан Дебо.

На какие только он не шел ухищрения в поисках повода, чтобы посетить кабак! Как он оживлялся при этом! Как сверкали его глаза! Он спешил изведать неведомое, чужеземное.

Долго терпела мудрая ханша Генджа-хан. Давала мужу возможность вкусить непонятное ей таинственное заморское наслаждение. Оценить и одуматься – ему ведь доверена судьба большого города! И он не имеет права на ошибку!

Но терпение иссякло у старейшин рода. И в один прекрасный день явились к Генджа-хан. Не откликнуться на их зов она не имела права. Речь шла о хане Дебо. В его поступках аксакалы усматривали измену. Его поступки являли очень дурной пример. Они считали, что с человеческого поведения начинается подъем или развал личности, общества, затем и государства.

– Ну, что же, ведите! – сказала Генджа-хан и поднялась с места.

Когда величественная Генджа-хан и ее свита переступили порог кабака, веселье там плескалось в самом разгаре: смех, звон кубков, песни на разных языках, жизнерадостный хохот хмельных мужчин, кокетливый визг женщин. В кабаке было смрадно и душно. Пахло восточными пряностями, чесноком, подгоревшим жиром, крепким мужским потом.

Властная и грозная ханша шла по коридорам. Слуги безропотно уступали ей дорогу, подобострастно отворяли перед ней двери. Везде была одна и та же, опустошающая душу, мерзость: в душных комнатах на бархатных тапчанах-диванах, в легких заморских одеяниях, с обнаженными руками и ногами, сидели и возлежали мужчины и женщины. Столы перед ними ломились от обилия всякой вкусной еды. Вино лилось рекою.

В очередной комнате, в объятиях соблазнительной магдалины, возлежал сам хан Дебо. Они вдвоем пытались испить из одной чаши, но непослушное красное вино струилось на их белые туники. Они смеялись! Им было хорошо! И это было очень страшно, потому что торжествовал порок!

Захмелевший хан Дебо на звук отворяемой двери воскликнул:

– Эй! Вина! Видишь, у нас вино закончи... – он не успел досказать. В дверях стояла, как совесть, его гордая и гневная жена! От неожиданности хан Дебо онемел и разом протрезвел, отпрянул от своей напарницы.

– Фи! Невоспитанная аланка! Кто ее сюда впустил? Ваши женщины некрасивые... – дышала винным перегаром и цеплялась за хана Дебо безродная наложница.

– Деберни Дебо! Вставай! Иди домой! – приказала ханша.

– Сейчас... только оденусь... – засуетился растерянный хан Дебо.

– Твоя одежда на тебе! – С этими словами жестокого приговора она собрала ханскую одежду и передала одному из своей свиты. – Одежда, изго-

товленная руками аланок, тебе не к лицу! Иди! Не задерживайся!

Ее взгляд сверкал не огнем ревности, даже не холодом ненависти, а молнией оскорбительного презрения.

Понял хан Дебо, что он потерял лицо – и пощады ему не будет.

Так, в чужой одежде, с голыми руками и ногами, стоял хан Дебо перед своими аксакалами. И каждый из них произносил ему свой приговор:

– Не усмотрели мы твою слабину и притягательность кабаков – и это наша вина!

– Недальновидным ты оказался правителем.

– А знали мы тебя храбрым, верным, сильным духом.

– Мы доверили тебе управление одним из главных городов Алании. Ты же не устоял перед искушением.

– Твоя вина велика – ты вынул первый камень из фундамента нашего уклада, благодаря которому на нашей земле вот уже много веков царит мир.

– Если все предшествующие века мы были грозной силой, с которой боялись скрестить свои копыта и Запад, и Восток, то сейчас за Адилем* гарцует конница монгола, ждет сигнала к нападению, а рыцари Запада железной поступью идут на нашу союзницу Византию.

– И Запад, и Восток оголодали – миру грозит чудовищная, опустошительная война.

– Ты все это знал, как знал, что горный обвал случается от маленького камешка, вылетевшего из-под копытца марала.

– Знал, что у человека только два пути – путь добра и путь зла, третьего не дано.

– Сейчас, когда перед каждым стоит вопрос чести, каким путем пойти, ты выбрал путь измены.

– Ты стал ненадёжным.

– Мы снимаем с тебя звание «хан». Ты теперь просто человек по имени Дебо.

– Мы тебя изгоняем из дворца и города, мы тебя отлучаем от народа, – произнёс заключительное слово самый старший аксакал.

И вывели стражники хана Дебо из дворца. И повели его по городу. И сопровождал его смех его народа и тех, с кем он весело убивал время и честь. Теперь ему нигде не будет приюта – он теперь пустое место.

Вдруг Дебо молниеносно развернулся, выхватил из рук стражника сырпын* и вонзил себе в грудь. Заговорил в нем дух предков, для которых бесчестие было хуже смерти.

Так бесславно закончил свой земной путь некогда славный воин, любимый сын народа красавец Дебо.

АРГУ-КЫЗ

Было это давным-давно. Внезапно умерла любимая жена алана Мусоса – правителя шахара Арх-Ыз, и на его руках осталась маленькая дочурка Аргу-Къыз, названная так в честь своего предка из арга. День и ночь плакала девочка. Отказывалась от еды и питья, сон не смежил ее век, распухших от слез. И так она ослабла, что тяжело заболела. Мусос не на шутку испугался за здоровье дочурки. Пригласил лекарей и знахарей. Стали они лечить ее, и она выздоровела. Радости Мусоса не было границ.

Нанял Мусос учителей для дочери. Отец и дочь долгими вечерами вели беседы о государстве, о жизни народа и подвигах его великих сынов, об истории, о разных науках.

Набираясь знаний, необходимых для единственной наследницы трона, овладевая военным искусством, как и полагалось аланкам, Аргу-Къыз росла-росла и превратилась в очаровательную принцессу, шат-кыз. И порог Мусоса стали переступать сваты. Поначалу отец, ссылаясь на юность дочери, любезно отказывал. Но постепенно стал склоняться к мысли, что пора породниться с достойным родом.

Аргу-Къыз поняла замысел отца и говорит:

– Отец, я твоя единственная дочь. Ты правитель, на тебе лежит ответственность за этот край. Тебе нужен не просто богатый, а равный тебе подвижник. Да и я не буду счастлива, если у него не будет других качеств, кроме наследственного богатства.

– Доченька, разве ты хочешь оставить меня без наследников? – удивился отец.

– Знаю, отец, что девушкам положено выходить

замуж. Но я хочу, чтобы отец твоих будущих внуков был человек сафа* – крепких убеждений и порядка. Разве плохо желать лучшего?

– Дочь моя, умница моя, ты права. Но как это проверить?

– Отец, ты не волнуйся. Это моя забота. Ты только отправляй женихов ко мне для беседы.

Согласился хан Мусос с дочерью и стал отсылать женихов к ней, а сватов потчевать занимательными беседами.

Некоторые женихи только при виде ее небесной красоты падали в обморок, теряли дар речи. Отвечать на вопросы никаких сил не оставалось. Кое-кто пытался отвечать, но ответы давал неверные.

Наконец, прибыл со свитой сватов Мурат – сын хана из шахара Гиляч*. Отговаривали Мурата, советовали не ввязываться в эту затяжную игру, где много известных молодцов потерпело неудачу. Напекали на вздорность характера Аргу-Кыз. Пугали ее чарующей красотой, ее умом, ее образованностью. Но ничто не смогло сбить его с намеченного пути.

Хан Мусос принял и его с подобающими почестями, отметил про себя статность и силу Мурата, озорной блеск умных глаз и отправил его к дочери.

Мурат переступил порог и чуть не споткнулся, чуть не обомлел от звездной красоты девушки, но поклонился ей и сказал:

– Уважаемая ханым*, я пришел испытать себя, постараться разгадать твои хитроумные загадки, но увидел тебя, и в груди моей забились сто сердец, и все они принадлежат тебе.

Аргу-Кыз оценила про себя его умение владеть собой, отвагу и красоту юноши.

– Дорогой алан, я тебе, как и другим, загадаю несколько загадок. Посмотрим, так ли красноречив будешь в ответах, как в приветствии. После того, как правильно разгадаешь мои загадки, я устрою тебе ещё три испытания. Согласен?

– Да, согласен.

– Уважаемый гость, позволь напомнить тебе одну известную истину: женщина должна предвидеть будущее, а право выбора жениха дано ей свыше. Надеюсь, это не запрещено и мне? Это не осудительно? – И пристально посмотрела ему в глаза.

– Я всё понял, милая ханым. – А про себя отметил, что предстоит серьезная борьба, что затеяла она испытание женихам не от вздорности характера, и сказал:

– Начинай, загадывай!

Аргу-Кыз вдруг поймала себя на том, что она заволновалась, что сердце застучало чаще, но она загадала свою первую загадку:

– Скажи мне, храбрый юноша, без чего не обходятся ни люди, ни животные, ни растения?

Задумался Мурат. Вспомнил родной Гиляч, свои горы, долины, леса, отары овец, стада коров, табуны лошадей. Он почувствовал вдруг, как от волнения пересохло во рту, ему захотелось припасть к берегу горной речки и пить-пить живительную влагу. Его осенило, и он сказал:

– Это вода! Она дает жизнь всему существу, но беда – если ее слишком много или нет совсем.

Аргу-Кыз ощутила, как еще сильнее застучала кровь в ее висках. Что-то тревожное заползло в душу, мутило разум. И она поняла: «Он мне нравится! Неужели влюбилась?» – и задала следующий вопрос:

– Носится-носится повсюду, приходит ниоткуда и уходит в никуда. У него нет дома, нет родины.

Опять задумался Мурат. Шляпу на лоб надвинул, ушел в свои думы: «Звери имеют норы, птицы – гнезда, даже насекомые куда-то заползают. Солнце недосыгаемо, луна – высоко. Их пути ведомы только Тейри. Речь не о них. Мысль? Носится-носится мысль, но у нее есть вместилище. Любовь? Но она в сердце. Что же носится бездомным, безродным?» Сдвинул Мурат шляпу на затылок, а тут сквознячок поспешил остудить его разгоряченную голову. И он воскликнул:

– Это ветер! Бездомный, безродный! Гуляет где вздумается и рождается неизвестно где.

А Аргу-Кыз спешит с очередной загадкой:

– Когда его много, кажется, конца не будет. Но, насытившись, становится меньше. И, наконец, совсем пропадает.

Нахмурил брови Мурат, перебрал в уме все, что огромно, страшно, ненасытно, но потом совсем пропадает.

– Это огонь! Он ненасытен, он все уничтожает на своем пути. – Разгадал Мурат и эту загадку.

– Верно. Ну а что это такое: всем дает пищу и кров, но никто за это не благодарит. Всем все прощает. Один раз в году умирает и воскресает.

Этот вопрос не застал Мурата врасплох. Он, закаливший тело и ум в трудах и думах, знал ответ.

– Это только наша матушка-земля может быть такой щедрой и милосердной, и только она может терпеть нашу неблагодарность и нерачность. Это она зимой умирает, а весной возрождается. – Разгадал загадку Мурат.

– Вот еще загадка. Состоит из четырех частей,

имеет две опоры, двух работников, двух дозорных, двух советников, одного властелина и одного сторожа.

– Если я правильно ответил на четыре вопроса, то не сложно ответить и на этот. Это человек состоит из земли, воды, огня и воздуха. Ходит на двух ногах, его два уха слышат все, его два глаза видят все, обе руки кормят его и охраняют, властелин – это его душа, сторож – это его сердце. Они руководят его помыслами и делами.

– Достойный алан, ты с честью держался, правильно разгадывал мои загадки, – сказала Аргу-Кыз. – Теперь тебя ждут три испытания. Сейчас иди отдыхай. Придешь завтра.

В назначенное время Мурат пришел к Аргу-Кыз. Совершил приветственный поклон, а она молчит, будто бы и не видит его. Смутился, но вовремя сообразил, что это одно из ее испытаний. Стоит и тоже молчит, выжидает. Тут старая кормилица Аргу-Кыз предлагает ему стул и вежливо объясняет:

– Сегодня Аргу-Кыз будет молчать до первой звезды. Твоя задача – свершить что-нибудь необыкновенное, что заставило бы ее нарушить молчание.

Мурат склонил голову в почтительном поклоне перед кормилицей.

– Уважаемая ханым, благодарю. Я сейчас поведаю историю, а вы постараетесь рассудить.

– Конечно, и послушаю, и постараюсь справедливо рассудить.

– Жили по соседству четыре неразлучных друга: краснодеревщик, портной, сапожник и пастух, – начал свое повествование Мурат. – Однажды собрались они в главный торговый город Рум-Кала.

Загрузили телеги каждый своим товаром и отправились в путь. Они знали, что караванная дорога охраняется, но береженого – бог бережет. И решили ночью дежурить по очереди. Жребий дежурить первым выпал краснодеревщику. Подбросил он в огонь дров и, чтобы не уснуть, стал строгать полено. Строгал-строгал – и выстрогал изящную девичью фигуру, вырезал прекрасное личико. Тут истекло его время, он разбудил портного и лег спать. Увидел портной чудную фигурку, достал иголку, нитки, шелковую ткань, раскроил и сшил красивое платье, надел на куклу. Тут закончилось и его дежурство, разбудил сапожника, сам лег спать. И сапожник не удержался и смастерил для нее чудные черевички, тут и его время сторожить закончилось. Разбудил пастуха. Принял пастух дежурство, обошел дозором обоз, глянул на своих овец, мирно жующих жвачку. Он, выгуливая свои отары по румным склонам, научился видеть все вокруг, слышать все, думать и заботиться обо всех, оберегать всех.

Он повесил над огнем котел с мясом, чтобы к пробуждению друзей был готов горячий завтрак. Подбросил в огонь дров. Огонь разгорелся, осветил все вокруг и увидел пастух превосходную нарядную куклу. «Да какая же она красивая. Вот бы такое чудо оживить и научить говорить!» – Вздохнул пастух и обратился к Тейри с горячей мольбой. Тейри любил этих трудолюбивых мечтателей и решил испытать их честную дружбу, оживил куклу и научил говорить.

Проснулись утром друзья и видят, что горит котел, в котле варится мясо, распространяя вкусный аромат, а пастух беседует с прекрасной девушкой.

Сразу догадались, что это за девушка – каждый признал свою работу, каждый про себя отметил работу и пастуха. Но ни один из них не произнес ни слова.

Вот, почтенная ханым, весь мой рассказ. Кто же выполнил самую главную работу? – закончил Мурат свой рассказ.

– Конечно же, тот, кто выстругал ее. Если бы не он, не было бы куклы, – ответила пожилая женщина.

– Ошибаешься, няня. Главное здесь – дружба. Она победила. Они из-за незнакомки не повздорили. Они поняли, что главный тот, кто вдохнул душу, оживил и научил говорить. – Прервала свое молчание Аргу-Кыз. Поняла, что проиграла, но сожаления ничуть не испытала – ею руководило сердце.

– Ты первое испытание выиграл. Я так увлеклась твоей притчей, что невольно заговорила. Иди отдыхай. Встретимся завтра.

В назначенный день, когда Мурат пришел к ней, Аргу-Кыз встала ему навстречу, улыбнулась приветливо и сказала:

– Твой ум и твое мужество под стать твоей красоте. Зачем же сватаешься ко мне? Выгляни в окно. Видишь, какая красивая девушка гуляет в саду? – Но Мурат и головы не повернул.

– Знаю, много на свете прелестных девушек, но я вижу только одну, она стоит прямо передо мной.

Поняла Аргу-Кыз, что он не станет распылать свои чувства. Он и ими будет владеть так, как своим умом и телом.

– Вот теперь последнее испытание. Видишь ту высокую красавицу гору? Взойди на ее вершину,

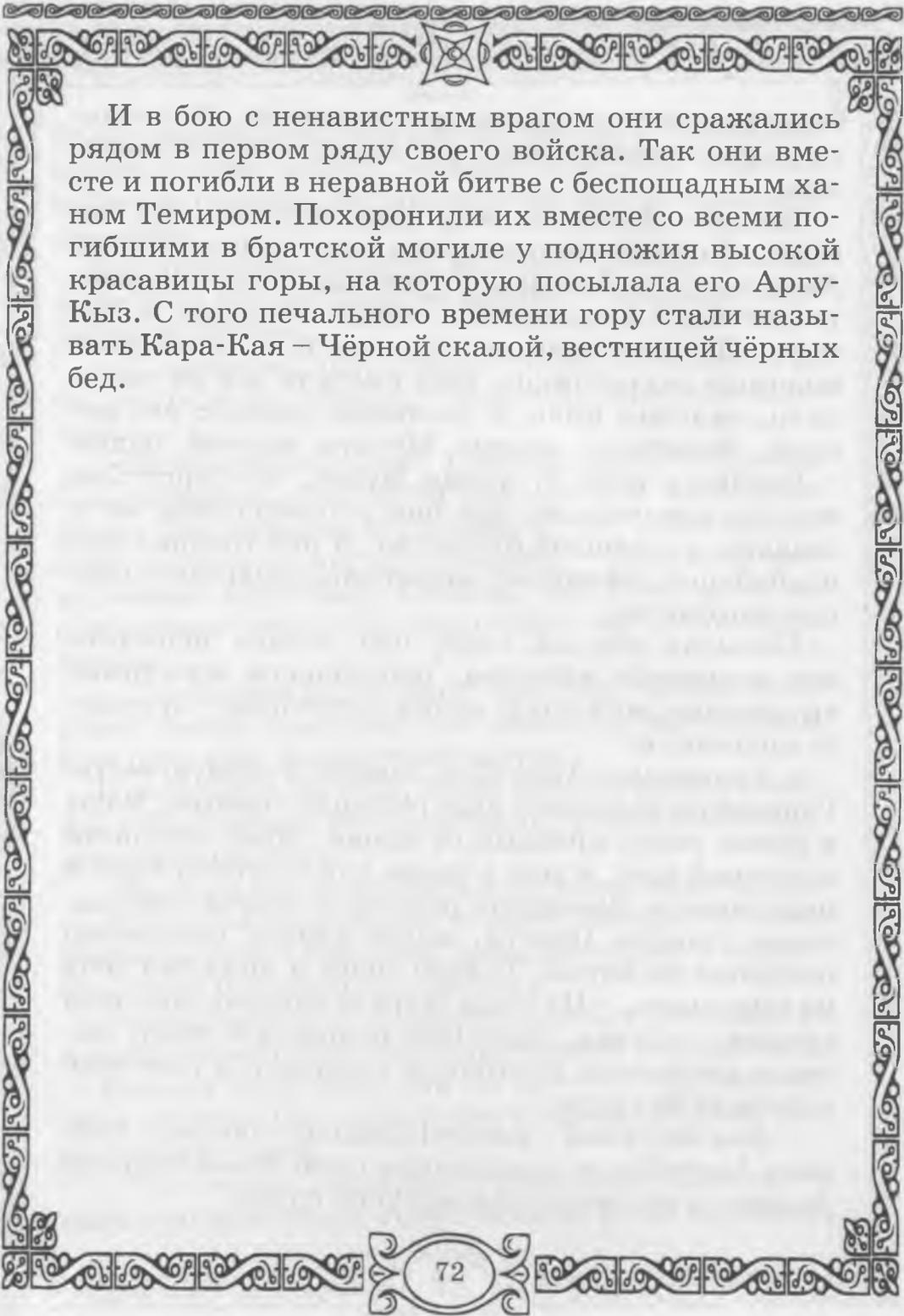
осмотри просторы до самого горизонта. Вернешься и расскажешь мне, что видел и о чем подумал.

Взошел Мурат на вершину. Оглядел все вокруг. Хорошо просматривались великолепные Аксаутское и Архызское ущелья. А на горизонте погибали в пожарище города Акбилек и Хумара. По просторам его родины шли несметные полчища захватчиков. Они сметали все на своем пути, заливая нивы и пастбища кровью его народа. Защемило сердце Мурата жгучей болью – Родина в огне! И понял Мурат, что Аргу-Кыз все это предвидела, что она готовила себя не к свадьбе, а к защите отечества. В ней говорил дух прабабушек-амазонок, защитниц домашнего очага и потомства.

Посылая его на гору, она хотела испытать его душевные качества, способности мужчины-труженика, мужчины-воина, мужчины – будущего правителя.

– Уважаемая Аргу-Кыз, принес я черную весть. Горизонты застилает дым горящих городов. Воды в реках текут красные от крови. Идет жестокий и алчный враг, и мне в такие дни подобает быть в ряду воинов. Заслонить родину от врагов – сейчас самое главное. Прости, милая ханым, сватовство отложим на потом. Только знай, я полюбил тебя на всю жизнь. – На глаза Мурата навернулась одна скупая слезинка. Аргу-Кыз подошла к нему, вытерла шелковым платочком слезинку, а платочек спрятала на груди.

– Значит, в бой – вместе! Свадьба – потом, – сказала Аргу-Кыз и прислонила свою божественную головку к его молодой и могучей груди.

И в бою с ненавистным врагом они сражались рядом в первом ряду своего войска. Так они вместе и погибли в неравной битве с беспощадным ханом Темирлом. Похоронили их вместе со всеми погибшими в братской могиле у подножия высокой красавицы горы, на которую посылала его Аргу-Кыз. С того печального времени гору стали называть Кара-Кая – Чёрной скалой, вестницей чёрных бед.

СТАРЫЙ ГАБИЙ

У было это давным-давно. Неведомо кто так повелел, но в те древние времена сарыубеки жили набегами и разбоем. Позарятся на чужое добро, налетят чёрной тучей. Всё разрушат, людей вырежут, пленных и девушек уведут, скот и лошадей угонят. Кто-то из сарыубеков возвращался к себе домой с награбленной добычей. А кто пожадней да позлей – уходили грабить и покорять соседние народы. Они уходить-то уходили, но вместо себя оставляли наместников. А кого после себя могли оставить сарыубеки? Конечно же, тоже сарыубека.

Править нашим ущельем поставили молодого, но очень рьяного сарыубека, подающего большие надежды. Поселился он в наших горах. Закрыл выход из ущелья кряжем Аман-Ныхыт. Обложил народ тяжелой данью. А где разоренному народу взять ему на подати?

Ох, и ненасытный же был наш сарыубек! Ел он без роздыха. Растолстел, а все ест и ест, чтобы ни с кем не делиться. И захотелось ему – есть в два рта, и у него выросла вторая голова. Сарыубеки умели отращивать нужные головы. И этого ему показалось мало. Отрастил и третью голову. И стал он глотать в три пасти. В один день съедал по три коровы, по тридцать баранов, а соли – не напастись! Народ сам страдал от отсутствия соли.

И каждый год сарыубек брал в жены по одной девушке. Когда она становилась толстенькой, кругленькой и такой аппетитной, он и ее съедал.

Люди не раз пытались изгнать его. Находились и отдельные смельчаки – всем миром поднимались против него. Всё напрасно! Сарыубек был умен, силен и беспощаден. Он забрасывал людей огромными скальными глыбами. Длинными когтями, острыми, как кинжалы, разрывал бойцов в мелкие лохмотья. Своим огненным дыханием испепелит людей и пепел по ветру развеет. И люди перестали ему сопротивляться. Сломались духом, согнули спины перед сарыубеком. Так они и жили – покорные, запуганные, безвольные. Служили ему безропотно. Их уже ничто не волновало – ни боль соседа, ни собственная невзгода, лишь бы не лишили их последнего куска хлеба, глотка воды. Да ещё боялись рождения девочек.

А вокруг сарыубека сновал рой прислужников, приспешников и шептунов. Он, этих слабых духом людей, прикармливал объедками со своего обильного стола.

И однажды шепнул сарыубеку вкрадчивый шептун, что, мол, живёшь да наслаждаешься жизнью, а того и не знаешь, что люди хитры и перед твоим приходом все золото и драгоценности замуровали в пещере в верховье Индыша. Загорелись алчным огнём завидующие глаза сарыубека, зачесались загребущие руки, от нетерпения пятку пяткой потирает, когтями грудь раздирает:

– Кто спрятал? Где спрятал? Как посмел! – вопит своим диким голосом, из всех пастей огнем пышет.

И все приспешники кинулись к нему с советами, а шептун опять посоветовал допросить старика Габия.

– Немедленно приведите сюда старого Габия! Срочно! – захлебывается в крике сарыубек. – С живого шкуру спущу и на перекрестке семи дорог повешу!

– Шкуру спускать нельзя! Кроме него никто до рогу к пещере не знает, – пугается шептун.

– Кроме него никто входа в пещеру не откроет! – предостерегают другие.

– Ну, тогда пообещайте ему золота, никто еще в мире перед золотом не устоял, – ухмыляется сарыубек.

– Но сначала надо всех мужчин-воинов отправить куда-нибудь... – забеспокоились прихвостни.

– Куда отправить?! – исходитесь в бешенстве сарыубек.

– Ну, на войну с эмегенами... – нашлись под сказчики.

И отправили всех мужчин на войну с эмегенами. Главным у них был Су-нар – подросток, возмужавший сын Апий. Когда воины скрылись из поля зрения, девять надежных прислужников помчались к старику Габю. Прискакали они к хижине старика, сами запыхались, коней загнали, – так хотели выслужиться перед своим кормильцем – своим сарыубеком. В дверь колотят – не стучат, страшат старика. Но открывается дверь, а в дверях красавица стоит, на них укоризненно глядит.

– Эй, Красавица, а где старый бабас? Пусть выходит поскорей. Нам нужен он!

– Я никакого бабаса не знаю. Здесь живет мой отец Габий.

– Вот он-то нам и нужен.

– Он у сосны.

Старику Габю было поручено охранять заветную сосну*. Росла в ауле сосна. В обхвате на уровне груди она была больше шести аршин. И было ей больше тысячи лет. Люди почитали её, как и свою любимую гору Минги-Тау. У её подножья устраивали пиры в честь животного и растительного мира. Ходили хороводом вокруг и пели здравицу богу благоденствия Чоппе. В специальном ящике, приколоченном к стволу, оставляли еду и айран для путников.

Прискакали прислужники с диким гиканием и свистом, окружили сосну и старика. От нетерпения словами захлебываются, нагайками воздух режут, вот-вот старику глаз выбьют. Заслоняется руками Габий, ничего понять не может.

– Эй, ты! Где золото спрятал? Веди нас к пещере.

– У меня нет золота, и никакой пещеры я не знаю, – сопротивляется Габий.

– Не притворяйся! Не хитри! Знаем мы, что золото джамагата тебе доверено, а ты спрятал его в пещере. Сарыубек обещает и с тобой поделиться. Веди, а то хуже будет. Мы увидели твою дочь, а сарыубеку о её существовании ты не сообщил...

Оглянулся Габий, а за его спиной дочь стоит. Затрепетало страхом старое сердце Габия: «Ах, как неосторожна моя юная дочь!» Понял Габий, что беды не миновать. Но его не так легко было обмануть или запугать. Недаром он прожил сто лет, и недаром он заслужил право ухаживать за заветной сосной – любимицей народа.

Заглушил тревогу в сердце, опустил глаза долу и говорит:

– Ну что ж, раз вы уже увидели мою дочь и знаете о золоте, значит, надо идти...

Тут бесхитростная дочь закричала:

– Отец! Не верь им! Не ошибись, любя меня!

– Дочь моя, Сапи-джан, помолчи! Дай старику хоть перед смертью разбогатеть. Слышишь, и мне золота обещают...

Поняла Сапи, что отец задумал обойти гонцов мудростью, успокоилась и увязалась за отцом. Она не могла отпустить его одного. Отец это знал и не стал перечить дочери.

И повел Габий прислужников сарыубека к пещере на Индыше. Идут отец с дочерью пешком в кольце из девяти конников. А они, сарыубековы прислужники, в непристойных шутках изощраются, сами своими островами упиваются и громко хохочут. Но вскоре у них не осталось сил на баловство, их укатали крутые склоны Индыша. Вёл их старый Габий самыми трудными тропами, сам же часто садился отдыхать под тенистые кусты. Останавливался у каждого родничка.

– Слезайте с коней. Отдых и им нужен! Устали красавцы! Пусть и они травки пощиплют, водицы попьют, – говорил старик, а сам вздыхал, охал и кряхтел:

– Э-эх, где же молодость? Где же силушка? Эх, старость не радость... – Терпела его причуды прислуга сарыубека, берегла его, зная, что без него до золота не добраться.

Поднялись, наконец, до снежной кромки гор. Старик Габий и говорит:

– Вот и пришли. Подождем до утренней зари. С первыми лучами солнца я открою вход в пещеру. Теперь отдохнем и помолимся. Преклоним

колени пред светлым Тейри, попросим у него поддержки и счастья. Опустился на колени и стал молиться:

*Да не иссякнет наш йинам (доверие),
Да не обмелеет наш йиман (вера в бога),
Да будет светлым наш разум,
Да минует наши пороги беда,
Да пусть враги наших врагов
Побьют наших врагов.*

Так молился старый Габий всю ночь, а рядом, прижавшись к отцу, дремала чуткая дочь.

Под утро все проснулись, насторожились в ожидании первых лучей солнца. Тут старый Габий отвернулся от всех и прошептал заветное заклинание. Открылся вход в пещеру и в очи всем за сверкали золото и драгоценности. Не удержались зачарованные блеском алчные приспешники и ринулись в пещеру. Кто кинулся к сундукам с золотом, кто – к сундукам с изумрудами. Смеются, радуются, хватают пригоршнями богатство. Тут старый Габий взял за руку дочь, удержал её у входа в пещеру и тихо прошептал заклинание. Вход в пещеру закрылся.

– Дочь моя, ты слышала заклинания. Запомни их. Слава Великому Тейри, я за тебя спокоен – у тебя есть защитник, твой жених Су-нар, сын доблестной Апий. Когда он и воины вернутся, ты их приведешь сюда и откроешь пещеру. А сейчас я должен спрятать тебя понадежней. Да и лошадей надо увести подальше, а следы смоем дождь...

Повел он свою дочь и лошадей недругов в другое ущелье, в Айюлю-кулак, Медвежье ущелье. Свистнул три раза. И перед ними встали медведицы, а с

ними – волчицы и маралы – все, кто вскормил Сунара. Старик передал им свою дочь и коней, а сам вернулся домой, к своей сосне.

Тем временем сарыубек ждал-ждал своих слов, не дождался и сам к старику Габгию отправился. Подлетел сарыубек к сосне, вздыбился перед стариком и громовым голосом кричит:

– Старик, где мои слуги? Я их к тебе посылал. Они не вернулись.

– Милостивый сарыубек, не видел я твоих людей. Ко мне они не приходили, – спокойно отвечает старый Габгий.

– Не хитри старик, они были здесь. Я слышу их дух. Вижу их следы. Их кони истоптали все вокруг сосны! – рычит сарыубек.

– Ничего не знаю, никого не видел, – отвечает старик.

– Нет, старик, знаешь! – вопит сарыубек.

Тут к нему приближается приспешник и шепчет: «Пригрози сжечь сосну».

– Вот я сейчас сожгу твою сосну, – сказал сарыубек и сжег её. Чужая святыня для него ничего не значила, как не значила и для шептунов. – А теперь веди меня к пещере. Ты знаешь дорогу к ней. Не поведёшь – я все село сожгу.

– Ну что ж, бери меня на руки, полетим, пешком долго идти.

– Ну и глуп же ты, старик! Кого же ты спасаешь? Видишь, все они забились в свои лачуги, носа не кажут. Шкуры свои берегут. Они героев, возмутителей покоя, не любят, а тебя они потом в порошок разотрут, – хохочет сарыубек.

– Ну, это уже не сарыубекова ума дело. Бери меня на руки, – приказывает Габгий.

Взял сарыубек старого Габия на руки, и в мгновение они вознеслись на склоны Индыша.

– Спусти меня на землю, я открою вход в пещеру, – говорит старый Габий.

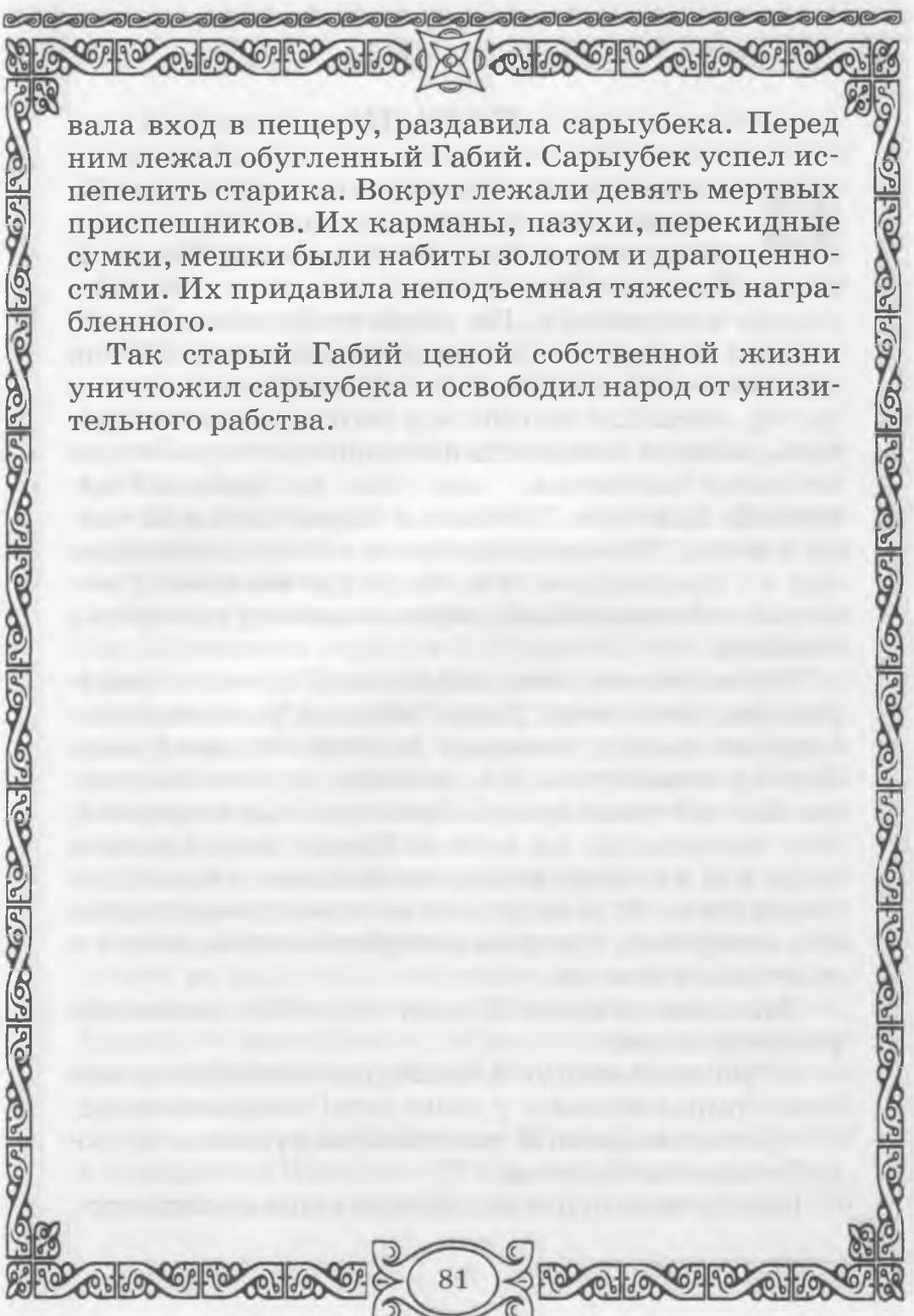
– Спустить – спущу, но руки твоей не отпущу. Я наслышан о твоей хитрости. Вместе со мной войдешь в пещеру, – отвечает сарыубек.

Делать нечего, произнес старик про себя заклинание. Открылся вход в пещеру. Вошли туда старик и сарыубек. И тут с грохотом закрылся вход в пещеру, и горы огласил страшный вой сарыубека.

Настал час, и воины вернулись из похода с победой над эмегенами. Село будто вымерло. Никто на встречу воинам не выходит, никто их не встречает. Поняли Су-нар с дружиной, что случилась беда, что их хитро обманули, выслав на битву с эмегенами. Огляделись и видят – Святая сосна и хижина старика сожжены. Вокруг тишина. Уселись понурые воины вокруг пепелища, молитву творят. И тут из лесу стала валом валить тьма-тьмущая лесных зверей, впереди спешит Сапи. Кинулись на встречу друг другу Сапи и Су-нар. Старого Габия ищут. Тут с оглядкой, с опаской стали буквально выползать из домов люди. Они рассказали, как сарыубек сжег сосну и унес старого Габия.

Поняла Сапи, что отец все заранее продумал, чтобы уничтожить заклятого сарыубека. А дочь спрятал и открыл ей тайну пещеры, как бы передал ей эстафету подвига.

И повела отважная Сапи людей к пещере. Она прошептала отцовское заветное заклинание, и когда открылся вход в пещеру, их глазам представилась удивительная картина. Глыба, что закры-

вала вход в пещеру, раздавила сарыубека. Перед ним лежал обугленный Габий. Сарыубек успел испепелить старика. Вокруг лежали девять мертвых приспешников. Их карманы, пазухи, перекидные сумки, мешки были набиты золотом и драгоценностями. Их придавила неподъемная тяжесть награбленного.

Так старый Габий ценой собственной жизни уничтожил сарыубека и освободил народ от унижительного рабства.

КАРАДУ

В давние-давние времена жили муж с женой, и было у них три дочери: старшая – не то, чтобы некрасивая, но смуглянка. Ее так и звали Караду – Чернушка. А младшие – голубоглазые златовласки. Им очень скоро нашлись женихи, а Караду засиделась в старых девах. Да она и не очень тужила, потому что, любя отца, мать и сестер, взвалила на себя все тяготы домашней работы, а когда появились племянники – крохотные забавные человечки – она стала им любящей нянечкой. Дедушка, бабушка и Караду души не чаяли в детях. Племянники почти всегда находились под их присмотром. Так было удобно всем: у молодых – бесконечный медовый месяц, у старших – забава.

Но все течет, все меняется. Родители состарились, умер отец. Тогда бабушка разделила наследство между дочерьми и собой. От своей доли Караду отказалась. Ей, дескать, ничего не нужно. А с сестрами произошли странные перемены: они посуровели, на мать и Караду поглядывали косо, а за их спинами перемигивались и брезгливо морщились. И дети их уже не переступали порога дома бабушки, где прошло их безоблачное, сытое и счастливое детство.

Однажды вечером Караду случайно услышала разговор сестер.

– Ты как знаешь, а я не собираюсь тащить к себе этих старых обезьян, у меня дети! – сказала одна.

– И у меня дети! И мне тоже не нужны эти уроды! – ответила другая.

Караду не выдержала и вмешалась в разговор:

– Извините, милые сестры. Я невольно услышала вашу беседу. Вы давно дали мне понять, что я обезьяна. С тех пор порогов ваших домов я не переступаю. Но что вы и маму не любите, я не знала. Успокойтесь. За мамой, как и прежде, буду ухаживать я сама. Вы и раньше не очень-то утруждали себя заботой о ней.

Что тут началось!

– Ах ты, ведьма! Да тебе нужно только имущество матери!

– Ты хочешь родительский дом к рукам прибрать!

– Все твои хитрости видим! – кричали красавицы грубо и зло. Их золотые волосы растрепались, а голубые глаза метали молнии.

И тогда впервые задумалась Караду о своей жизни. Вспомнила народную мудрость, что женщина с ребенком – царица, а без ребенка – рабыня. Так оно и было. Прожила Караду домашней рабыней, годы ушли, семьи нет, здоровья тоже, а любовь и согласие покинули некогда дружную семью. Зачем теперь жить? Ради чего? И решила она броситься в омут у старой мельницы.

Ни слова не сказала разгоряченным, потерявшим здравый рассудок сестрам и ушла из родного дома. Пришла к реке, но вдруг услышала, как кто-то из мельницы окликает ее, почти шепотом, будто листья шелестят, а слова суровые: «Ай-ай, Караду, стыд-то какой, обрекать себя на позорную смерть! Какое малодушие! Умирать надо только за великое дело!»

«И точно, самоубийство – это позор! – мысленно соглашается Караду. – И память обо мне запятнают недобрыми догадками, каждый на свой лад. Но

как же мне теперь жить?» А ласковый голос опять ее зовет, приглашает на мельницу. Страшно Караду, но идет на зов, переступила порог, поклонилась на все четыре угла.

– Милая женщина, я тебя не вижу, но, если ты пожилая, позволь назвать тебя «сат-анай»*, и стану я тебе доброй дочерью.

– Дорогая моя внученька, ты меня и не увидишь – я дух твоей прабабушки-амазонки. Я погибла в неравной битве за родную землю. В этой отчаянной борьбе с врагами погибли мой муж Науруз, твой акка* и моя старшая дочь. И много-много народа. И все мы остались непогребёнными. Некому было хоронить. Беспощадный враг-чужеземец пришел за нашим имуществом и за нашей землей, а мы – ни живые ни мертвые – ему были не нужны. Оставшиеся в живых, в основном старики и женщины, уходили, кто куда, на окраины большой разгромленной страны, чтобы спасти детей – будущее народа.

Мои потомки, вы, укрылись здесь, вот потому я обитаю на этой мельнице. Души других непогребенных разбрелись в поисках своих потомков. Пока наши опаленные солнцем, омытые дождем кости не будут преданы земле, наши души так и будут скитаться по свету без ахрата того света.

– Нет, нет! – воскликнула Караду. – Без ахрата, нельзя! Не знаю как, но я, бабушка, готова на все, чтобы вернуть вам ваше законное место среди шейит, павших на поле боя за родную землю, за свой народ.

– Внученька, мы двести лет ждали этих слов, этой искренней готовности. Но, моя дорогая, этот

путь полон тревог, испытаний и жертв. Хватит ли сил? Выдержишь ли? Сумеешь ли ты в нужный момент принять нужное решение?

– Выдержу! Я постараюсь! – заверила Караду, как поклялась.

– Вижу, заговорил в тебе сильный дух твоих предков. Хорошо, что ты не только добра, но и мудра. Души погибших обитают повсюду, и сопровождать тебя они будут на всем твоем пути. Мы не волшебники, но каждый из нас сделает тебе по подарку. Твое дело – распорядиться им по своему усмотрению, мы в это не будем вмешиваться. А сейчас вот тебе мягкая постель, отдохни, а утром отправляйся в путь.

Проснулась утром Караду и думает: «Была такая встреча или мне приснилось?» Осмотрелась она и видит мельницу, постель... «Значит, не приснилось, значит, в дорогу. Но куда? Как же я забыла спросить?»

Вышла из мельницы и услышала, как два воробья чирикают, а она их понимает. «Не удивляйся, Караду, это – подарок твоей амма*, – прочирикали птицы. – Ты теперь будешь понимать и птиц, и животных, и даже шелест растений. А за твою доброту, за то, что ты зимой нас подкармливала, а летом не позволяла разорять наши гнезда, мы укажем начало твоей нелегкой дороги. Иди по правому берегу реки, вниз по течению».

Шла-шла Караду, очень устала, присела на берегу, напилась воды, умылась, остудила свои усталые ноги, и ей стало легче. И тут услышала: «Умница, что напилась и умылась. Вода всегда придает силы».

– Кто же это говорит со мной? – стала озираться

Караду по сторонам, а рядом с нею березка трепещет своими листочками:

– Я знаю, тебя в дорогу снарядила твоя прабабушка. Я ее дочь, и тоже порублена врагами, – закачалась березка и зашелестела, будто горько вздохнула. – Милая племянница, видишь, какая я чахлая, и на меня никто не обращает внимания, а в моих листочках – целебная сила. Они могут вернуть зрение, слух и красоту. Сорви семь листочков...

– Как можно! – воспротивилась Караду. – У тебя их и так мало, ты засохнуть можешь!

– Воистину! Мудрость – мать доброты! Не беспокойся! Уже осень, скоро листья сами опадут. Сорви и положи в хурджун – шесть листиков вместе, один листик – отдельно. Их хватит только на три раза. Воспользуйся ими, как сердце тебе подскажет. По пути внимательно за всем наблюдай, прислушивайся. Может, тебе посчастливится выйти на след моего отца, твоего прапрадеда Науруза. Он был великий полководец, но ни мама, ни я его не слышим, его нет ни среди нас, ни среди погребенных.

Сорвала Караду семь листочков, положила в хурджун, попрощалась с березкой и отправилась снова в путь.

Дорога привела ее в большой шахар. А там по просторному майдану* печальные люди снуют, тревожно переглядываются и шепчутся. Прислушалась она и поняла, что дочь одного уважаемого алана давно и безнадежно больна, а вылечить ее может только молозиво овечки. Удивилась Караду: «Разве молозиво такая редкость?» Собачки*, кружившиеся у её ног, как будто подслушали ее

мысль и затыкали: «Люди не знают, что овечка должна быть белой первородкой из отары слепого пастуха...» Но тут на них шикнули, замахнулись и прогнали собачек прочь.

«Ой! А собачки тывкали о слепом пастухе... – спохватилась Караду. – Я же могу его вылечить и попросить молозиво!» – И Караду тут же отправилась на поиски слепого пастуха.

Долго ходила она по обширным пастбищам от отары к отаре, пастухи ее угощали, она утоляла голод и шла дальше. Наконец, у одной отары на встречу ей понеслись с лаем два огромных волкодава. Добежав до неё, остановились, как вкопанные, и пролаяли:

– Иди скорей, наш слепой пастух принимает ягненокка у белой первородки.

– Да пусть будет удачным и добрым твое дело, уважаемый алан, – поздоровалась Караду с пастухом.

– Благодарю, добрая душа. Я слепой и не могу принять тебя, как подобает по нашему адету*. Извини, сестра.

– Не беспокойся. Я искала тебя, чтобы вернуть тебе зрение.

Обомлел пастух от услышанного, опомниться не может. А Караду вытащила из хурждуна два листочка, приложила к глазам пастуха. Он тут же прозрел и заплакал от радости.

– Я вижу божий свет, лицо твоё ясное, спасибо, красавица! Проси, чего хочешь, всё отдам.

– Ничего мне не надо, но если эта белая овечка – первородка, отдай мне ее молозиво.

– Что за безделица, отдам и овечку, и приплод.

– Спасибо, но мне нужно только молозиво.

– Вот чудеса! Вернула мне зрение – радость жизни – и ничего не берет!

Пока пастух удивлялся бескорыстию, овечка заблеяла:

– Караду, среди золотых прядей красавицы растёт один толстый волос. Это обур. Вампир в виде волоса присосался к ней. Обуры питаются жизненными соками детей и юных, чтобы вечно оставаться молодыми. Мое молозиво – не лекарство, а любимое лакомство обура. Ты останься наедине с девушкой, положи вокруг волоса толстый слой молозива. Обур отцепится от её головы и начнет жадно поедать молозиво. Ты же, продолжая подкладывать новые порции, не отвлекая обура от еды, введи конец волоса в шыша. Бутылку наполни молозивом, а затем плотно заткни пробкой. Положи бутылку в хурджун, в дороге пригодится.

Вернулась Караду в шахар, пришла во дворец и все сделала, как научила ее белая овечка. А когда красавица вздохнула и открыла глаза, сбежались все обитатели дворца, радуясь чуду исцеления. Отец с матерью деньги предлагают, подарки дорогие подносят. Караду от всего отказывается, а под ногами у неё путается маленькая белая собачка и просит: «Возьми меня, как подарок, не ошибешься, возьми меня!»

– Ну, если вы так настаиваете, отдайте мне эту милую собачку, – предложила Караду. Хозяева с радостью выполнили её просьбу.

Попрощалась Караду со счастливыми хозяевами, покинула дворец и задумалась: «Где же мне переночевать?» А собачка пролаяла: «Иди за мной». И пришли они в добротный дом на окраине леса. Хозяйка дома провела Караду в просторную ком-

нату, где жарко горел очаг. Над огнем кипел котел с парной бараниной. Хозяйка дала гостье кумган* с теплой водой и таз, велела умыться, попарить усталые ноги. Потом она сняла с огня котел, выложила готовое мясо на сахан*, поставила на тепси* и предложила ей поужинать. Только сели за тепси, как в комнату ввалилось существо, страшнее которого Караду не видела. Она чуть сознание не потеряла. А маму говорит человеческим голосом:

– Не бойся, я зла тебе не причиню. Я дочь этой женщины. Зовут меня Алакёз. Чужеземцы, что покорили наш народ, ввели право господина на первую ночь. Был у меня жених, и мы очень любили друг друга. В день нашей свадьбы явились гонцы, чтобы отвести меня к своему хану, а я не захотела жить по закону насильников. Тогда дали мне право выбора: либо принять их условия и жить в роскоши, либо потерять красоту. Я выбрала второе.

Караду, не раздумывая, полезла в свой хурджун за целебными листочками. Собачка затыкала: «А сама не хочешь превратиться в красавицу?» А Караду ей в ответ: «У меня как-никак облик человека, от моего вида никто в обморок не падает. Я так думаю, что и она, красивей, чем была, не станет, но вид свой первоначальный обретет».

Приложила Караду березовый листок ко лбу маму – и чудо свершилось. На месте, где устроилась маму, сидела очаровательная девушка. Плачут от радости мать и дочь и не знают, как и отблагодарить гостью, а она говорит:

– За добро плату не берут, или вы забыли наши обычаи?

– Добрая девушка, раз ты ничего не берешь,

слушай: вид твой говорит о том, что путь твой был нелегким, и продолжишь ты его ради какого-то высокого дела, мне неизвестного. Как помочь тебе – я не знаю, но живет в дальнем городе жених моей дочери Чомур. Он – великий человек и сумеет оказать тебе содействие, – напутствовала Караду счастливая мать.

А за воротами Караду обращается к собачке:

– Скажи мне, мудрая собачка, ты знала, что девушка в беде?

– Да, знала, потому и привела. Проверяла – ты действительно бескорыстный человек или просто глупа.

– А когда ты слышал, чтобы добрых людей называли умными?

– Твоя – правда, – согласилась собачка.

– Кто же ты такой? Может, тоже дух одного из погибших?

– Нет. Всему свое время. Узнаешь, когда придет срок. Я должна сопровождать тебя. А сейчас возьми меня на руки и прикоснись к седьмому листочку. Вот я тебе пригодилась еще раз. Имеешь волшебный листок, а ходишь пешком.

Караду уже ничему не удивлялась и подчинилась, но не успела ни о чем и подумать, как оказалась у дома жениха красавицы Алакёз.

Караду спустила собачку на землю, постучала в ворота. Вышла пожилая женщина, пригласила в дом, дала возможность отдохнуть, а за ужином поведала печальную повесть о сыне.

– Чужеземцы, что пришли сюда с огнем и мечом, установили свой порядок, чуждый нам. Мой сын Чомур – великий поэт, сочинял и пел песни, призывающие к борьбе против захватчиков. А ког-

да его невеста бросила вызов их произволу и избрала свой путь, мой сын возглавил борьбу за освобождение страны от ига поработителей. Тогда они лишили его голоса и слуха, чтобы слово правды не доходило до людей.

– И где же ваш сын? – заинтересовалась Караду.

– Да здесь он, в соседней комнате, но от него ни ему, ни другим никакого толку.

– Ведите меня к нему! – приказала Караду.

– Да удобно ли? Да и захочет ли он? Он очень плох.

– Захочет! Я его лечить буду, – настаивала Караду.

Хозяйка повела ее в соседнюю комнату, где в темном углу сидел красивый, рослый молодой мужчина и отрешенно смотрел в никуда. Вынула Караду из хурджина три листочка, приложила по одному к ушам и горлу. Вскоре к молодому человеку вернулись и слух, и голос. Он посмотрел осмысленным взором на Караду – из глаз его потекли слезы благодарности. Велика была радость Чомура, его матери и гости.

– Низкий мой тебе поклон, чудо-девушка, теперь мой голос зазвучит набатом, он дойдет до сердца каждого и заставит всех очиститься от скверны рабства.

Утром Караду собралась в дорогу. Провожая её, Чомур сказал:

– Плату за лечение ты не берешь, но знай – сегодня ты обрела друга, готового за тебя в огонь и в воду. Ты вернула мне голос и слух. Но странно, первым звуком донесся до меня стон из подземелья нашего тирана. Мне показалось, что звали тебя. Но туда очень далеко.

— За меня не беспокойся. Принимайся за свое творчество, так нужное нашему народу.

Благодарные Чомур и его мать проводили Караду, а выйдя на дорогу, она взяла собачку на руки, прикоснулась к седьмому листочку — и они в мгновение оказались у замка падишаха — своего тирана. И тут собачка прошептала:

— Теперь я с тобой не смогу говорить. Здесь обитает и мой враг, он все поймет.

Караду оглядела мрачный замок и поняла, что чужеземцы, хоть и окружены роскошью и едят сытно, но живут в вечном страхе, потому и жестоки к завоеванному народу. Замок был окружен глубоким рвом, а ров заполнен водой. Спустилась Караду вниз, села на берегу, освежила лицо прохладной водичкой, и до ее слуха долетело жалобное мяуканье. Нашла она кота с перебитой лапой, оторвала от подола нижнего платья лоскут, приложила к ране листик подорожника и аккуратно забинтовала. Потом достала узелок с едой, покормила больного кота и собачку. А сама думает, как в замок пробраться, как в подземелье проникнуть. На счастье, в это время прибыли мытари — привезли хану собранные у народа подати и обоз с продуктами для кухни. Присоединилась Караду к ним и прошла в замок. Увидел повар у нее на руках раненого кота, всплеснул руками:

— Нашелся, мой хороший! Вот спасибо тебе, девушка хорошая, ты спасла моего любимца. Вид у тебя, милая красавица, очень усталый. Идем в мою каморку, отдохни. Потом и поговорим, зачем ты в замке оказалась.

В полночь кто-то тихонько разбудил Караду.

Глянула она – и глазам не поверила: кот с перевязанной лапой и собачка тянут ее за подол к двери, вывели на мост, висящий надо рвом. Тут ее ждал дворцовый повар.

– Караду, я тоже потомок одного из непогребенных. Мне велели ждать тебя и помогать. Твой прапрадед Науруз, за которым, я думаю, ты и пришла, заточен в подземелье за семью замками. Придворные лекари поддерживают в нем жизнь, поэтому он не числится ни среди погибших, ни среди живых. Нашим завоевателям нужен его полководческий дар. Когда пришельцы затевают войну, его выводят из подземелья, назначают командующим, и он выигрывает для них битву.

– О, несчастный мой акка! Два века он помнит только свое военное искусство! Выполняет чужую волю! – изумляется Караду коварству судьбы. – Ну а как я попаду в подземелье?

– Тебя проводит кот, – успокоил её повар. – Ждать нельзя. Сейчас же отправляйся в подземелье. Я положил в еду снотворного – все обитатели замка крепко спят. Ты должна успеть освободить предка до утра.

Повел кот Караду и собачку в подземелье. У спящих сторожей она забирала ключи, открывала замки и складывала в хурджун. Наконец, они добрались до узника, освободили его и двинулись в обратный путь, запирая теперь сторожей на замки. На мосту их встретил повар.

– Я должен готовить обитателям завтрак. Но сейчас, пока придворные спят, мы с тобой пойдем к тирану. Его голову разъедает чыгыр. Я ему скажу, что пришла женщина-лекарь, которая лечит паршу. Ты намажь его плешь молозивом и тихонечко

приложи бутылку с обуром к его голове. Обур присосется к нему, а мы быстро выйдем из его покоев и спрячемся.

Выполнили все, как было задумано. И только успели спрятаться за потаенной дверью, чтобы наблюдать, как из покоев хана раздались рычание и вопли. Два обура вцепились в горло друг другу. Оказалось, что сам хан тоже был обуром. На шум драки прибежали лекарь и проснувшиеся придворные, и все кинулись в эту свалку. Каждый хотел дотянуться до головы хана. Запах молозива пробудил нрав обуров. Они кусали и рвали друг друга, пока не потекла на пол черная кровь. Тут песик и кот вымазались их кровью, перекувыркнулись через головы и предстали прекрасными, статными юношами. Повар тут же кинулся обнимать одного из них.

– Сын мой, Сослан! Это придворный лекарь опол его зельем и превратил в кота. Тирану не нужны смелые аланы. Ему нужны покорные рабы.

– Уважаемая ханым, милая Караду, я – Аскер, жених той красавицы, которую ты освободила от обура, – пояснил другой юноша. – Лекарь и меня превратил в маленькую собачку, чтобы я не мог защитить свою невесту. Расколдовать нас могла только кровь обуров.

– Вот какая нечисть берет верх над народом, – горестно вздохнул повар. – Караду, мы сейчас заберем твоего прапрадеда и уйдем отсюда. А вы, джигиты, быстро закройте все двери и ворота! Пусть сподвижники хана-обура грызутся между собой.

Долго за стенами замка слышались шум драки, кровожадные крики и вопли отчаяния. Все придворные обрели свой настоящий облик обуров-

оборотней. А когда они выпили кровь друг у друга и все погибли, замок рухнул. С прапрадеда Науруза спали чары, к нему вернулась память:

– Я пробыл на этом свете двести лет! А мои воины погибли! Моя страна, некогда могущественная, пала! Мой народ потерял свое гордое имя Алан! Мои знания использовал неприятель! Какая горькая участь! О великий Тейри! Я же этого не знал! Я был живым трупом! Спасибо, внучка. Я горжусь тобой. – И тут Караду увидела, что его жизнь начала угасать.

– Акка! Дорогой мой акка, не умирай, – стала она молить его. – Я тебя так долго искала! Не уходи! Помоги! Я обещала нашей амма! – Плачет и молит Караду.

– Не плачь, моя отважная внучка. Поля великих битв легко найти по степному ковылю и красным макам – это земля приняла кровь и кости павших. Тревожить покой воинов нельзя! А с моим погребением все они получают свое законное имя святых и законное место на том свете. Похороните меня здесь лицом к Минги-Тау и идите в народ с радостной вестью ... – еле договорил умирающий.

... С большими почестями люди предали земле тело своего прославленного полководца Науруза. Его похороны переросли в праздник победы добра над злом. Везде поминали павших и радовались свободе. В этот праздничный миг подошел к Караду повар и сказал:

– Милая Караду, мой сын полюбил тебя. И мне ты понравилась. Прощу тебя, выходи замуж за моего сына.

И Караду согласилась, Сослан ей тоже нравился.

А Джамагат всем миром решил избрать Караду правителем народа. Как она ни отказывалась, но земляки настояли на своем. Короновали ее в родном шахаре. И стали ее называть Там-Ара, что значит – царица. На торжестве рядом с ней сидели ее престарелая мать, верные друзья: Повар, Аскер и Сослан, теперь уже её жених.

Когда эта радостная весть достигла ушей ее сестер, они приуныли и поняли, как были неправы, как недальновидны. Им стало стыдно, и на праздник они не посмели прийти.

А Караду, улучив время, побежала на мельницу.

– Дорогая моя сат-анай, дождалась ли ты меня?

– Дождалась, внученька, но времени у меня осталось, чтобы только высказать тебе моё напутствие. Не окружай себя перевертышами-лицемерами, пусть рядом с тобою будут такие люди, как те, что помогали тебе в твоём благородном деле. Ты доказала, что если быть честным, бескорыстным и любить свой народ, то можно вернуть ему и память, и свободу. А память о прошлом дает право на будущее.

ДАНАКАЙ И ЭМЕГЕНЫ

Остатки разбитого пришлым врагом аланского народа разбежались по окраинам своей когда-то большой и могущественной родины. Оставляли веками обжитые места, могилы предков, сами уничтожали то, что не успел отобрать алчный чужеземец. Они уходили от неминуемого рабства. Гордые были, потому и назывались узденами – свободными.

Одна горсточка скрытно уходила в ущелье Минги-Тау. Им надо было сохранить остатки народа, не дать ему исчезнуть с лица земли. Все, кто имел силы, брали детей на руки, на носилках несли раненых и немощных стариков. Скорбным и тяжелым был их путь, но, в конце концов, они преодолели высокогорный перевал Аман-Ныхыт. И с высоты птичьего полета глазам их открылась величественная панорама трех ущелий. Их летних выпасов и охотничьих угодий, куда дорогу знали только они. Склоны гор покрыты девственными лесами, полными дичи, речки со студеной водой, в долине бьют горячие ключи. Реки Хурзук и Учкулан сливались в третьем ущелье, образуя большую реку Кубан, на берегу которой стоял их город Гиляч-айланч*.

А здесь проживали отдельными семьями их родственники, которые круглый год охотой занимались. Приняли они измученных беженцев любовно, накормили, напоили, обустроиться помогли. И люди стали обживать эти ущелья, строили дома, очищали от камней участки под посевы, больные и раненые выздоравливали, дети подрастали. Ра-

дуются люди, что корни народа сохранились, что будет жить народ в веках.

Но тут новая напасть – стали бесследно исчезать поселенцы. Казалось бы, кругом высокие горы, непроходимые горные перевалы, а Кубанское ущелье заперла горная теснина Аман-Ныхыт*, кровожадного зверья тоже нет. Стали совет держать и снарядили в путь-дорогу охотника Гондарая*, чтобы разведать, кто таким необычным промыслом занимается. Пошел он по Учкулану на юг, долго пробирался сквозь чащобы и горные завалы. На третью ночь увидел Гондарай* костер, а вокруг него – эмегенов.

– Повезло нам, что здесь поселились люди, – рассуждал старший эмеген. – На каждый вечер есть хороший ужин.

Страшно стало Гондарая, понял он, что не одолеет такое количество эмегенов, а они его учуют и съедят. Значит, он и народу своему не поможет и сгинет зря. И тогда он взмолился:

– О, златоликий Тейри, не за себя прошу, а за старых родителей, женщин и детей. Эмегенов так много, что мне их не одолеть. Преврати меня в высокую гору, и пусть она перекроет выход из этого ущелья.

Тейри любил мужественных и бескорыстных людей и превратил охотника в высокую гору, завалив ею ущелье вместе с эмегенами. С тех пор на юг даже звериной тропинки нет.

Воздали люди должное его подвигу, оплакали, а гору в его честь назвали Гондарай. Но пропажи не прекратились. Тогда отправили искать причину беды Махара. Пошел он путём Гондарая, поклонился ему и повернул в ущелье направо, на запад.

Стал подниматься по ущелью все выше и выше. Дошёл до одной поляны – назвал её Уллу-Тала*, дошёл до другой и назвал её Гитче-Тала*. Поднялся на перевал и увидел эмегенов. Затаился Махар, но один из эмегенов учуял его дух, протянул огромную руку, ухватил охотника и поднял его высоко вверх. Заплакал Махар от безысходности и бессилия, его соленые слезы закапали на лицо эмегена. А соль для эмегенов – смертельный яд. Испугался эмеген и уронил его. Ударилось тело Махара о скалу, а там, куда упали его слезы, забили целебные железистые нарзаны – гара*.

Оплакали люди и Махара, а ущелье назвали его именем.

К этому времени подрос единственный сын молодой аланки Данакай. Его отца тоже съели эмегены-людоеды. Рос Данакай сиротой, но сиротства он не ощущал, потому как уход за детьми и их воспитание осуществлялось всем джамагатом. Чужих детей не было. Возмужал Данакай и стал хорошим охотником. Настала теперь его очередь искать похитителей. Вот мать и говорит ему:

– Сынок, я тебя очень люблю и хочу, чтобы ты вернулся не только живым, но и победителем. Вот тебе ячменный хлеб и свежий сыр. Одежду твою я выстирала. А ты искупайся и используй только вот это мыло. Я специально сварила его для такого случая. Хотя на вид оно и чёрное, но в нем заложена моя материнская сила. К тому же, благодаря чему эмеген не учует твоего запаха. А вот тебе ещё сырпын-меч и лук. Остались они от прабабки-амазонки. В них есть волшебная сила. Когда тебе станет совсем невмоготу, обращай ко мне, и дух семьи станет помогать тебе и оберегать.

Шел Данакай три дня и три ночи. А наутро повстречался с эмегеном. Тот спускался в ущелье, чтобы снова украсть человека.

– Вот как мне повезло, – обрадовался эмеген. – Добыча сама пришла мне в руки. Но почему я не слышу твоего духа? – удивился он. – Может, ты вовсе и не человек? А ну-ка, давай померяемся силами!

– Давай, – согласился Данакай, у которого при виде эмегена задрожали руки. Но он и виду не подал, а мысленно попросил: «Мама, помоги мне!» И в ту же минуту на душе у него стало спокойно, а в руках появилась сила.

– Видишь, вон там, на вершине, сидит орел? Давай собьем его, – предложил эмеген.

Поднял он каменную глыбу и швырнул её в орла. Но до вершины глыба не долетела.

Тогда Данакай снял с плеча лук со стрелами, прицелился и сбил орла. Удивился эмеген, схватил кусок скалы и разломил её надвое. А сам на Данакаю вопросительно смотрит. Тогда тот достал из хурджуна ячменный гырджын и тоже переломил его пополам. Эмегены землю не пахали, хлеба не сеяли, и потому он не понял, что у Данакаю в руках хлеб, а не камень.

– Ну, а ты сможешь из этих ледяных глыб воду выдавить? – подзадоривает уже Данакай эмегена.

Тот опять схватил кусок глыбы, но, сколько ни давил её, вода не появилась.

– Ну и слабак же ты, – ухмыльнулся Данакай, достал кусок сыра и выдавил из него сыворотку.

– Да ты сильнее меня, – признал эмеген. – Теперь мы с тобою друзья, и я приглашаю тебя к нам в гости.

Отправились они в поселение эмегенов, увидел Данакай, какие они все огромные и клыкастые, дух у него перехватило. Опять он мысленно взмолился: «Мама, мне так страшно, помоги мне!» И вновь душа его успокоилась, а разум просветлел.

– Он победил меня в честной борьбе, – говорит эмеген сородичам.

А главная эмегенша вытерла руки о фартук и отвечает:

– Вот мы и посмотрим, какой он силач. Бери-ка ведро и принеси воды... – и ставит перед Данакаем ведро великанов.

– Да зачем же ведро? – удивился тот. – Дайте мне лучше лопату, и я поверну сюда реку.

Эмегены испугались, не дали ему лопаты, но один из них предложил.

– Давай биться на кинжалах!

Что тут делать, отказаться нельзя, и опять просит Данакай: «Милая мама, не оставь меня и в этот раз!» Достал он из ножен меч бабушки-амазонки. А он и впрямь оказался волшебным. Как только эмеген бросается на Данакаю, меч удлиняется и наносит раны – одну за другой. В конце концов, упал эмеген, истекая кровью. Тогда вскочил его отец, огромный и бородатый, хотел убить Данакаю, но бабушкин меч отсек его длинную бороду, а в нейто и была сила великана.

Тогда стали эмегены совет держать и решили дать гостю полный мешок драгоценных камней, а сопровождать его поручили молодому эмегену.

Вот дошли они до дома охотника. Данакай зовет:

– Мама, смотри, кого я привел с собою. Прини-

май мешок с драгоценными камнями и готовь нам угощение!

– Ой, сынок, даже не знаю, чем угостить, – откликнулась мудрая женщина. – Ты такого тощего эмегена привел – кожа да кости... Остался у меня хороший окорок от прежнего эмегена. Может, его приготовить?

Как услышал эмеген такое, бросил мешок, сорвался с места в карьер, и только земля задрожала от его топота.

– Они питаются эмегенами! – сообщил он своим соплеменникам. Эмегены испугались, в страхе бежали из ущелья и больше никогда не возвращались туда.

Так ум и находчивость матери и сына помогли спасти свой народ от истребления.

ДАНАКАЙ И ХУР-КЫЗ

Данакай любил охоту и, зная все тропы в горах, заходил в такие дебри, куда другие никогда не заходили. Но однажды шёл Данакай по следу подстреленного им джугутура*, и вдруг дорогу преградил грозный Апсаты – бог животного мира.

– Я тебе дал возможность поселиться в моих владениях, а ты сегодня подстрелил моего сына, и он может умереть.

– Извини, я не знал, что это твой сын. Но если я могу чем-то помочь, располагай мною, – извинился охотник.

– В том-то и дело, что можешь, иначе я бы прихлопнул тебя, как муху. Так вот знай, жизнь моего сына – в твоих руках, а жизнь твоих родных – в моих. А теперь внимательно слушай меня. Вот за этим хребтом, – показал Апсаты на горную гряду, уходящую вправо, – находятся владения Хур-Кыз, дочери Эль-буруша. В её саду растёт чинара с живительными листьями. Она обвешана серебряными колокольчиками. Я не имею права нарушать границы, а ты – охотник, тебе можно. Но охраняют владения Хур-Кыз крылатые кони-люди, бураки. Они семь дней и ночей несут караул, а на три дня и три ночи уходят кормиться. Завтра утром они выйдут из сада. Но чтобы пройти в ворота и попасть в сад, нужно знать заклинание. Я подниму тебя на вершину горы. Там ты спрячешься в густой листве раскидистого дерева. И все будешь видеть и слышать. Ты – смекалистый, поймешь, как можно проникнуть в сад. Найдешь чинару и нарвешь листьев, но так, чтобы ни один колокольчик не за-

звенел. Иначе сам погибнешь и мне не поможешь...

Поднял Аpsаты охотника на самую высокую вершину и сказал, что будет ждать его в условленном месте ровно неделю. Огляделся Данакай, и глазам его открылась удивительная картина. Увидел он благоухающий цветущий сад, окруженный высоким забором. Вокруг сада – румные луга и густые леса, а в низине – горное озеро Хурла-Кель. Полюбовался вдоволь такой красотой Данакай, а потом вспомнил, что в его руках жизнь его родных, быстро взобрался на высокое дерево с густой кроной и стал ждать.

Через некоторое время послышался грозный топот копыт и гул ураганного ветра. Но сквозь эту какофонию звуков Данакай услышал заклинание, ворота открылись, и вылетел оттуда табун лошадей с человеческим торсом и головами. Были они красивые и страшные своей силой. Данакай крепко ухватился за ствол дерева, чтобы не свалиться, и тут услышал другое заклинание. Ворота тут же закрылись.

Когда стих ураган от крылатых человеко-коней, Данакай спустился с дерева и подошел к воротам. Произнес первое заклинание – они открылись, произнес второе – ворота закрылись. Данакай осторожно пошел по райскому саду в поисках волшебной чинары. И тут услышал девичьи голоса. Тогда он спрятался и стал наблюдать. Вот видит он, как запенилось озеро, и на берег одна за другой стали выпрыгивать форели. Выпрыгнут форели, ударятся о берег и тут же превращаются в девушек. Причем одна краше другой. Ну просто глаз не отвести! Расчесали девушки свои длинные волосы и с песнями и смехом прошли мимо Данакай. Тут он

и забыл о своей цели и решил проследить за красавицами. А те пришли ко дворцу из золота, двери в нем – из серебра, окна – хрустальные, а лестницы выложены белоснежным мрамором.

– Если эти девушки так красивы, то какова же Хур-Кыз? – подумал Данакай и решил дожидаться её появления. – Бураки* вернутся не скоро, – размышлял он, – успею многое увидеть и волшебную чинару найти.

Между тем девушки вышли из дворца с коврами, подушечками из лебяжьего пуха и направились к реке с алмазными берегами, разложили там свои ноши и ушли. Вот тут и появилась сама Хур-Кыз в окружении сорока других девушек. Её длинные золотые косы несли на золотых подносах две её спутницы, справа и слева. Остальные несли саханы с фруктами и всякими вкусностями. Когда Хур-Кыз удобно уселась и повернулась лицом к Данакаю, он потерял сознание – не выдержал её неземной красоты. А когда пришел в себя, на берегу реки не было ни Хур-Кыз, ни её свиты, ни подносов с едой.

И заговорил в Данакае дух охотника.

– До вечера еще есть время, – решил он, – и я должен еще раз увидеть Хур-Кыз. Но откуда она появилась и куда она делась? А из этого сада она никуда не могла уйти.

Долго блуждал он среди деревьев и, наконец, увидел белый мраморный дворец невиданной красоты. Осторожно подошел к одному из окон, заглянул в него и увидел Хур-Кыз. Она отдыхала на мягких, из лебяжьего пуха, подушках, а девушки готовили её ко сну. Расчесали её длинные золотые косы, вплели в них золотые ленты, одели свою го-

спожу в ночные одежды и уложили на перину из лебяжьего пуха. Потом они некоторое время развлекали её пением и танцами, а затем расставили на столе подносы с едой и фруктами и удалились.

Когда Хур-Кыз уснула, Данакай пробрался в её спальню, вымыл руки, наелся, напился, опять вымыл руки, подошел к спящей красавице и поцеловал её в обе щеки. Потом он вернулся в сад, нашел укромное место и заснул крепким сном.

А Хур-Кыз проснулась, хотела позавтракать, но еды и фруктов не оказалось. Глянула на себя в зеркало, а щеки у неё огнем горят. И поняла она, что кто-то побывал в её дворце. Но девушкам ничего не сказала и решила сама выяснить, что за незванный гость пробрался в её покои.

Данакай тоже проснулся с первыми лучами солнца, умылся студеной водой и задумался: «Не сон ли мне приснился? Неужели я видел Хур-Кыз и поцеловал её?»

И решил он дожидаться ночи и проверить свое видение. Вечером он опять появился у окна спальни Хур-Кыз. Та, отпустив, как обычно, девушек на ночь, пыталась бороться со сном. Но ничего из её стараний не вышло. Сон все равно сморил её, а Данакай повторил все, как в предыдущую ночь. Наелся, напился, поцеловал девушку и ушел.

Проснулась она, смотрит – еды опять нет, а щеки у неё снова огнем горят.

– Этот пришелец появится здесь и в третий раз, – подумала она и твердо решила – не спать и проследить за незванным гостем. Когда вечером девушки оставили её, Хур-Кыз надрезала руку, посыпала её солью, чтобы боль отгоняла сон, и притворилась спящей. Вскоре в спальню вошел Данакай.

– Тоба, Тоба*, – едва не вскрикнула от удивления царевна. – Как же я не догадалась, что на такую дерзость способен только человек?

Между тем Данакай вымыл руки, съел все, что было на столе, и опять вымыл руки. Хур-Кыз отметила его хорошие манеры, но как только Данакай подошел к постели и наклонился над ней, чтобы поцеловать, она схватила его за руку:

– Ах ты, собак* невоспитанный, как ты посмел войти в мою спальню и поцеловать меня? Утром прилетят мои бураки, они разорвут тебя на куски, сожгут и пепел развеют.

Понял Данакай, что в такой ситуации надо действовать с умом, и ответил:

– Уважаемая бийче*, я в твоих руках, делай со мною, что хочешь. Я готов и умереть, потому что с той минуты, как увидел тебя, нет мне жизни. Моя любовь так сильна, что я готов принять и смерть от тебя.

Улыбнулась его находчивости Хур-Кыз и спросила:

– А зачем ты появился в моем царстве? Что ищешь здесь? И как ты сумел проникнуть сюда?

Данакай рассказал ей всё без утайки, и Хур-Кыз милостиво улыбнулась.

– Спасибо за любовь твою, но ты – земной человек и не можешь быть моим возлюбленным. Однако у меня есть к тебе предложение. Прошло уже семь лет, как окаменел мой отец Эль-буруш. Замутился тогда его разум, и он нарушил законы чести, добрососедства и взаимоуважения. С тех пор нет в горах покоя. Начались раздоры, в сердцах людей добро уступило место жестокости и несправедливости. Остановить все это я могу лишь с помощью

перстня Накут-Налмаз, кольца Мира. Но в тот день, когда отец превратился в двуглавую гору, я от горя и стыда долго плакала и уронила перстень в озеро. В ясные дни он хорошо виден на дне. Семь лет мои девушки ныряют в озеро, превращаются в рыб, ищут перстень Мира, а найти не могут. Вот если ты достанешь его, я дам тебе живительных листьев и всегда буду опекать тебя, твою семью и потомков. Согласен?

– Разве могу я отказать тебе, уважаемая бийче? Конечно, согласен.

Позвала Хур-Кыз главного бурака и велела охранять Данакаю. А Данакай пошел на берег озера, осмотрел внимательно берег, увидел раскидистое дерево и понял, что кольцо находится не на дне озера. Забрался на самую макушку дерева и там отыскал перстень, зацепившийся за ветку. Принес его Хур-Кыз и с поклоном подал. Тогда она, в свою очередь, дала ему целебных листьев с волшебной чинары и поручила кентаврам проводить гостя до границы своих владений. А там Данакай ждал Апсаты. Вместе они пошли к раненому туру, положили листочки к ранам и вылечили его. Расстались охотник и Апсаты друзьями.

Вернулся Данакай домой, рассказал о своих приключениях, и устроили люди большой праздник жизни. А на празднике дали клятву, что никогда не будут убивать лесных зверей, птиц и не будут ловить рыбу ни в реках, ни в озерах. Поэтому карачаевцы охотничьим промыслом и рыболовством не занимались. Разводили скот, овец и лошадей. Ели только растительную пищу, говядину, баранину и молочную продукцию.

ДЖАНДАР И ДУДАРУК

В царстве молодого Джандара всем жилось весело и вольготно. А сам он был не только молод, красив и богат, но и добр, доверчив и щедр. Окружало его несметное количество родственников, бийнёгеров, беков, кази, кады и всякой челяди. Все они приводили на частые царские пиры своих родственников, потому что патчах* щедро одаривал каждого гостя.

Но однажды Джандар обнаружил, что казна его пустеет. Призвал бийнёгеров и казначея и учинил допрос. Однако те, больше всех набивавшие свои карманы, возмутились, обиделись и обвинили царя в жадности.

Вскоре наступил день, когда у Джандара не оказалось ни угощенья, ни подарков.

Тут же родственники предъявили ему невесть откуда возникшие претензии. Придворные, беки и кады отвернулись от него, а челядь разбежалась.

Воспользовавшись ситуацией, недруги царства захватили трон, а самого царя прогнали. Долго и бесцельно брел Джандар, одолевал крутые горы, переходил вброд реки, исхудал, почернел лицом. Наконец, совсем устал, решил искупаться в реке, а потом и с жизнью проститься. Освежился водой, прилег на берегу, обессиленный, и тут его свалил голодный сон.

А тем временем объезжал владения патчах этой страны Дударук. Смотрит, лежит на берегу красивый юноша, в царских одеяниях, но изрядно потрепанных.

– Не иначе он попал в беду, – решил Дударук,

заслонил полой своей одежды лицо юноши от палящих лучей солнца и стал терпеливо ждать его пробуждения. Вскоре Джандар открыл глаза и увидел царя со свитой.

– Я жив? – удивился он и горестно воскликнул: – Почему же ты, Всемогущий Тейри, оставил меня на этом свете? Я ведь никому больше не нужен!

– Не сетуй на судьбу, юноша, – остановил его Дударук. – Лучше поведай, кто ты и куда путь держишь? Я – царь этой страны, и, быть может, смогу тебе помочь.

– Я тоже правил соседним царством, – вздохнул Джандар. – Только был глуп и доверчив.

И рассказал обо всем, что с ним приключилось.

– Что ж, будь пока моим гостем, – предложил Дударук, – а там посмотрим, чем можно твоему горю помочь.

Искупали Джандара, умастили тело ароматными мазями, дали ему чистую царскую одежду, накормили, напоили и спать уложили. А тем временем Дударук послал гонцов в царство своего гостя с наказом – все увидеть, все разузнать. Вернулись те и доложили, что в соседнем царстве все богатства растащили. Новые правители безбожно грабят подданных и ссорятся между собой. Тогда Дударук решил помочь своему гостю. Дал ему свое лучшее войско и проводил до самой границы. Разгромил Джандар захватчиков, наказал своих недругов, воцарился снова на престоле и стал править своей страной иначе. Не затевал больше пиров, не держал возле себя льстивых царедворцев, а тем, кто трудился, воздавал по заслугам.

Возмужал он, набрался опыта. Все пережитое закалило его сердце, обострило ум, стал он наблю-

дательным и рассудительным и даже обрел дар ясновидения.

Прошло много лет. И вот однажды на его пороге появился пожилой изможденный человек в рваной одежде и изношенных башмаках.

– В моей стране давно нет нищих, откуда он взялся? – задумался Джандар и тут вдруг понял, что перед ним стоит сам Дударук. До боли сжалось сердце Джандара, но он и виду не подал, что узнал старого друга. Позвал своих бийнёгеров, приказал отвести гостя на старую мельницу. А следом за ними послал слуг с наказом:

– Искушайте пришельца, оденьте в лучшие одежды, кормите его с моего царского стола и оказывайте ему царские почести. А бийнёгерам скажите, чтобы следили за колесом старой мельницы. Когда оно завертится, пусть доложат мне.

Прошло немало дней, и вот к Джандару прибежал запыхавшийся стражник.

– Царь, случилось чудо! Колесо старой мельницы завертелось! Вправо! Вертится вправо! – восторженно восклицал стражник.

Услышав это, царь Джандар тут же велел привести к нему Дударука. Сам вышел ему навстречу, обнял и усадил на почетное место рядом с собой.

– Дорогой мой спаситель, не суди меня строго за первый день нашей встречи. Не думай, что я неблагодарный и забыл твою милость. Я сразу узнал тебя и понял, что колесо твоей жизни дало сбой, и причина беды – не враги, а собственные дети. Мой пример не послужил тебе уроком. Как я потакал своим приближенным, так ты потакал своим сыновьям. Вот и захотелось им самим вла-

ствовать, стал им не нужен старый отец. Мои слова утешения не принесли бы никакой пользы, а скорее, приумножили бы страдания. Поэтому я дал возможность твоему изнуренному телу окрепнуть, а душе успокоиться и осознать, где допущена ошибка.

Теперь же я тебе лишь напомним, что для решения семейных невзгод существует только два способа: один – безжалостно разрубить узел, другой – выждать, пока Колесо времени не приведет любовь на смену непониманию.

Сейчас над твоей страной, деберни Дударук, нависла угроза разорения. Враги прослышали про ваш семейный раздор и решили поживиться богатствами, а народ покорить и сыновей твоих забрать в рабство. Самое время решать, как быть: утешить душу мщением, насладиться возмездием или оказать помощь.

Тяжело вздохнул Дударук:

– Ты прав, Джандар. Сыновья мои были неопытны, а я слепо любил их. Вот и нашлись люди, сумевшие разжечь в них жажду власти и неуважение ко мне. Трещина в семье произошла по моей неосмотрительности. Они потребовали уступить им трон и не мешать править страной. Больно и обидно мне стало, – вот я и ушел от них. Но разве могу я позволить врагам разорить мой народ и надругаться над сыновьями? Я должен поспешить им на помощь!

– Правильное решение, – обрадовался Джандар. – Любовь и доброта, умение прощать и приходить на помощь в трудную минуту – вот три кита, на которых держится благополучие семьи и даже государства.

Тут же приказал он дружине собираться в поход и выбрал лучших коней для себя и гостя. Вскоре прибыли они в царство Дударука, наказали всех виновных, а пристыженные сыновья повинились перед отцом и вернули ему престол.

В царстве снова воцарились мир и порядок. А Джандар и Дударук еще долгие годы заботились о благе своих подчиненных и всегда были примером добрососедства и миролюбия.

ХАН БИБЕРТ И ПАСТУХ

Жил-был хан по имени Биберт. Ханство его процветало, сам он был удачлив, имел трех жен, но не было радости в его сердце, душа была печальна, мучила его непонятная тоска.

Душа душой, тоска тоской, а править своим ханством надо. Надо решать насущные дела ханства, загадывать будущее. Надо объединять аулы и шары. Знакомиться с жизнью своих людей.

И однажды, после обстоятельной беседы с народом, решил он прогуляться и отдохнуть. По пути ему приглянулся зеленый луг. Переоделся хан попроще, пришел на облюбованное место и лег на зеленой траве. Лежит и нежится на солнышке, думы свои думает – и вдруг слышит песню. Кто же так нежно и весело поет? Чему этот человек радуется? Приподнялся хан и видит – идет простой пастух, на плече коса, видно, сено заготовливает. «Что же это такое? Разве он не устал? Нет, ворот расстегнут, значит – устал», – рассуждает про себя хан Биберт.

Пастух подошел к нему, поздоровался. Ответил хан на приветствие и говорит:

– Присаживайся рядом, поговорим, если не спешишь.

– Почему бы не присесть, коли честь оказана. Поговорим, если будет о чем. – И присел рядом, не подозревая, что встретился с самим ханом Бибертом.

Повели они легкий разговор обо всем и ни о чем. Перекидываясь шуточками-прибауточками, дошли и до разговора о сердечных делах.

– Вот смотрю я на тебя, – говорит хан, – работа у тебя тяжелая, а сам весел, полон жизни. Страха нет у тебя в сердце. Заботы нет...

– Почему же нет? – перебивает его пастух. – Есть и забота, и страх. Я забочусь о благополучии семьи и боюсь ее потерять.

«Прав пастух, у каждого свои заботы и страхи», – подумал хан Биберт.

– Вот весело поешь, легко говоришь...

– Слава Светлому Тейри, пока нет причин печалиться.

– Да, твоя – правда, пусть минуют печали твой дом...

– Да что мы тут уселись? Приглашаю в гости, вот он – мой дом, – показывает пастух на крайний домик села. – Посидим, поговорим, жена угостит, чем бог послал.

Приближаясь к дому, пастух опять запел. Услышала жена, выбежала навстречу, увидев незнакомца, смутилась, поклонилась, сама ликующих глаз с мужа не сводит, а тот высыпает ей на ладони горсть лесных орешков.

– Принес я тебе, дорогая Нюр-ханым, целую горсть золота... – муж и жена радостно засмеялись.

– О! Спасибо, дорогой, свет очей моих. Я сейчас же нанижу их на нить и буду носить как самое дорогое ожерелье. – Повернулась хозяйка к гостю и любезно пригласила в дом.

Подала мужу и гостю кувшин воды, мыло и полотенце. Пока они мыли руки, накрыла стол.

– Что я приготовила! Ни за что не догадаешься! – заливается колокольчиком женщина.

– Знаю, знаю, – отвечает муж. – Хычин с мясом, халву и чай с сахаром! Угадал?

– Угадал, угадал! – продолжает веселиться жена и подает хычин с сыром и картошкой, гобпан суусаба* – еду простых людей.

– Ай да умница! Я целый день мечтал о хычине с картошкой. Живи сто лет без печали! – Тут пастух обратился к гостю.

– Отведаем, кунак, это царское угощение.

Ест хан Биберт, диву дается: в первый раз видит, как два человека так любят друг друга, так понимают все с полуслова.

Пока мужчины ели, хозяйка предупредительно ухаживала за ними, подавала еду, быстро убирала посуду, и все это ловко, красиво, все спорилось у нее в руках, и сама просто светилась от счастья.

И понял хан Биберт, чего ему не хватает. У него есть все – кроме любви, кроме тепла сердечного. Затуманились думы хана, одна мысль темнее другой: «Почему у этих голодранцев есть любовь, да в избытке, а у меня нет? Значит, дело в моих женах. Значит, дело вот в этой милой женщине! А если ее нарядить, так равной ей красавицы во всем ханстве не сыскать! Значит, надо её взять в жёны...» Укрепился хан в своем намерении. Так он поступал всегда – брал все, что ему нравилось. Так повелось исстари. Но чтобы не нарушать закон гостеприимства и придать делу законный вид, хан встал из-за стола:

– Большое спасибо, добрая ханым, за угощение.

А сам повернулся к пастуху и предложил:

– Проводи-ка меня.

Вышли во двор, сели на завалинке, и начал хан разговор:

– Не узнал ты меня. Я – хан Биберт.

– Да как было мне узнать вас, джюйсхан*. Я ведь во дворцах не бываю. Мои дворцы – скотный двор да просторы пастбищ. Вы уж простите меня.

– А разговор у меня такой, – продолжал Биберт. Я – хан, и всё в этом ханстве принадлежит мне. Могу я проявить и власть, и силу.

Заныла душа пастуха. Не к добру эта встреча, и разговор не сулит ничего хорошего. А хан продолжает.

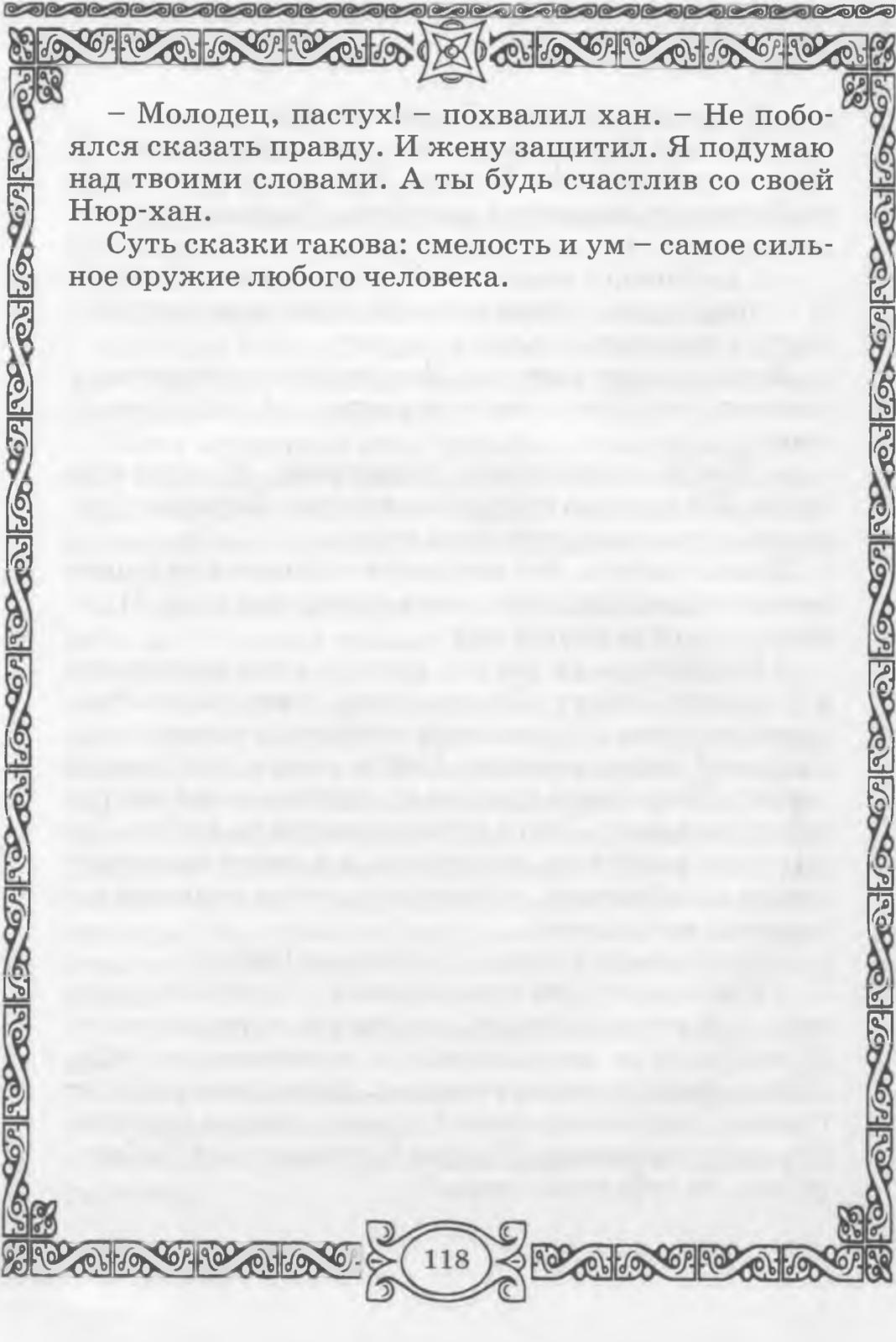
– Давай договоримся полюбовно. У меня три жены. Их я отдаю тебе, и за каждой – большое приданое, а ты отдай мне свою жену.

Понял пастух, что все равно отнимет хан у него жену, хоть соглашайся, хоть сопротивляйся. И решил на отчаянный шаг.

– Джюйсхан, не знал я, когда в дом приглашал, что ты хан Биберт. Теперь знаю, и все же позволь слово молвить. Ты можешь отобрать у меня жену. Но давай поразмыслим. Как я понял, ты ищешь любви. Жен своих брал не по любви, а как понравившуюся вещь. Это и у них не вызвало любви. Ты не сумел разбудить их сердца, и в своем не потрудился разобраться, потому так легко отдаешь их первому встречному.

«Опять пастух прав», – подумал Биберт.

– И моя жена тебе тоже надоест, – продолжал пастух. – А я так люблю ее, что без нее жить не смогу. И она разлуки не выдержит и возненавидит тебя. Жизнь ваша превратится в ад. Душа твоя закипит гневом, голова перестанет думать о делах ханства. Все пойдет вразлад. Подумай, уважаемый Биберт, нужна ли тебе такая жена?

– Молодец, пастух! – похвалил хан. – Не побоялся сказать правду. И жену защитил. Я подумаю над твоими словами. А ты будь счастлив со своей Нюр-хан.

Суть сказки такова: смелость и ум – самое сильное оружие любого человека.

ЦЕНА СЧАСТЬЯ

Сидят старики на ныхыше, облокотились на свои палки, отдыхают и ведут неспешную беседу о том-о сём, о былом, о настоящем, о радостях и печалях. Так, потихонечку, разговор переходит на вопросы богатства и счастья.

– Богатые, конечно, есть. Это верно...

– Но есть ли счастливые?

– Да, есть, вот наш хаджи, например...

В это время мимо проходил хаджи*.

– Да-да, он единственный, кто никогда не сетует на судьбу...

– Дом – полная чаша: дочь, зять, внуки... Чего еще надо человеку?

И решили старики отправиться к хаджи за ответом.

Красивая, холеная хозяйка приняла их приветливо, поставила перед ними тепси с угощением, а по окончании ужина все убрала и ушла.

Старики приступили к беседе, потихоньку подводя к основному вопросу своего визита.

– Так вот, уважаемый хаджи, вышел у нас спор о счастье. И мы решили, что самый счастливый человек в нашем селе – это ты.

Улыбнулся хаджи.

– Ну что же, в таком случае послушайте мою повесть, а потом сделаете свои выводы.

Дело было в далекой юности. Долго мне ни одна девушка не нравилась. Но подросла одна чудесница-красавица, и потерял я покой. Влюбился не на шутку. Вы ее только что видели. И я ей нравился. Родители нас благословили и сыграли

нам свадьбу. Мы так любили друг друга и в восторге юности дали перед богом обет безбрачия в случае смерти одного из нас.

Вскоре я решил совершить хадж в Мекку. Шел долго по знойной пустыне арабов. Мучила жажда, негде было спрятаться от палящего солнца. Если в пути попадался глинобитный домик, спешил присесть у стены, но выходил хозяин, взимал плату за отдых в тени его домика. Жадный, негостеприимный народ – эти арабы, скажу я вам. Так я добрался до священной Мекки. Обратный путь был не легче.

И однажды, уже в Гурджстане – Грузии, встретились мне земляки. И они держали путь в Мекку. Обрадовались встрече, посидели, поговорили. И один из них со скорбной миной на лице говорит: «Не хотелось тебя огорчать, но прими наше соболезнование. Твоя жена заболела от тоски и умерла».

Знал я, что он известный шутник и балабол, но поверил ему, потому как и другие сидели понуро, с опущенными головами.

Померкло все вокруг меня. Заныла душа. Хотел наложить на себя руки, но вспомнил, что самоубийство – смертный грех. Вспомнил и наш обет о безбрачии и – оскопился. Прибыл я на родину. Думаю – погляжу на могилу и уйду, куда глаза глядят. Захожу в дом, а навстречу бежит жена. Живая, здоровая. Обнимает меня, нарадоваться не может.

Опять потемнело в глазах. Понял, что меня жестоко разыграли, зная о нашем обете. Есть такие беспощадные насмешники. Они не могли предвидеть, какое непредсказуемое решение может при-

нять абсолютно честный, восторженно влюбленный человек.

Прожили мы несколько лет, и понял я, что у женщины, помимо любимого мужа, должны быть дети. Жена мне ничего не говорила, но я видел, как она увядала, становилась молчаливей, с тоской глядела на чужих детишек.

Долго я думал и принял новое решение – найти ей достойного мужа. Был у меня на примете один из ее сверстников. Она и слышать ничего не хотела, но я ей все объяснил и внушил, что нарушить наш обет меньший грех, чем остаться без детей. Согласилась она выйти замуж.

Я хотел поженить их и уйти. Но они не отпустили меня. Предложили переехать в другое место, где никто нас не знает, и жить, как отец со своими детьми. Они думали обо мне, они думали о моей будущей одинокой старости.

Вот с тех пор живем все вместе. За мной ухаживают, слов нет, хорошо. Почитают, отлично ведут хозяйство. Детишки подрастают, облепят меня: «акка, акка». И, кажется, я счастлив.

Вот теперь решайте – счастлив ли я? Стоит ли любовь таких жертв? Верны ли мои решения?

Задумались старики, опустили головы долу, ещё ниже облокотились на свои палки. Уж больно мудреное это призрачное счастье. Ну просто мираж. Спешись к нему, а он – от тебя, только манит и разжигает жажду жизни, а облика своего нам не открывает.

ЗОРЛУ

 ил-был один алан по имени Зорлу*. И облададал он нравом под стать своему имени – необузданным, суровым и вспыльчивым, затевал ссору по любому поводу.

Теплым вечером после трудового дня соберутся джигиты на ныхыше*, поведут неторопливый разговор с шутками, прибаутками. Зорлу обязательно вмешается, начнет высмеивать их труд, уверять, что они глупы, как и их овцы, а вздумает кто его осадить – тут же кинжал из ножен, ранит или убьет. Много семей он осиротил. Совершит свое черное дело – и в абреки подастся. Был он человеком без чести и возвращался в аул, потому как знал, что обычая смывать кровью кровь тут не существовало.

Долго терпели его, но народ умными и смелыми людьми не оскудел, нашелся очередной смельчак.

– Послушай, алан, оглянись вокруг себя! Как ты живешь? Семьи у тебя нет, нет любящей жены – никто тебя не провожает, нет детишек – никто тебе на встречу не выбегает. А твоя мать прячется от людей, так ей страшно и стыдно за тебя. Ты мурдар*... Ответом был удар кинжалом. Тут на мерзавца набросились все юноши, скрутили его, отобрали кинжал и винтовку, вывели за околицу и сказали:

– Все. Уходи и сюда больше не возвращайся, если хочешь жить. Нашему терпению пришел конец. Надоели нам твои бесчинства. – И указали на дорогу.

Долго шел Зорлу, куда глаза глядят, злой, уни-

женный. Устал, сел на придорожный камень и впервые задумался о своей жизни.

«Конечно, прав храбрый юноша. Я действительно одинок и нечестив, рыскаю по горам и лесам, как казак-бёрю*. Живу награбленным... Хороший, умный юноша, а я на него с кинжалом... Погорячился... на моем счету он девяносто девятый... Какой ужас! Я выступил против создателя! На моих ладонях кровь невинных людей! О, Великий Тейри, за что ты лишил меня разума? Я – мурдар, и нет мне прощения», – долго он причитал и плакал. И вдруг раздался голос:

– Хорошо, что ты задумался о своей жизни. Велики твои грехи, но можешь заслужить прощение...

– Как? Что я должен сделать? – обрадовался Зорлу.

– На перекрестке семи дорог построй дом. Не забывай приютить, напоить и накормить путников. Почитай старших и женщин, оберегай детей, не клади камня в руку, протянутую за хлебом.

– А как узнаю, что я прощен?

– За домом воткни в землю сухой сук. В день, когда ты будешь прощен, он зацветет.

Внял грешник гласу небес, нашел перекресток семи дорог, построил дом, за ним воткнул в землю сухую ветку. Стал приветлив с людьми. Путников в дом зазовет, накормит, напоит, ночлег предложит. Не забывал бедных и больных. Мать не могла на него нарадоваться. Трудно изменить свои привычки, обуздать свой нрав, а он сумел. Теперь о нем шла добрая слава.

Так прошло семь лет. И вот однажды зимой, в

сильный буран, мимо дома спешил человек, явно уставший. От него буквально валил пар, а губы спеклись и потрескались от жажды. Зорлу пригласил его в дом переждать бурю.

– Нет, добрый алан, очень спешу, боюсь опоздать. Лучше вынеси мне попить...

– Ну что ты, алан, смотри какая круговерть, ты очень нуждаешься в отдыхе, отобедай, переночуй, а утром я тебя сам провожу.

– Нет! Сказал, что очень спешу, что боюсь опоздать! Если жалко гобпан суусаба... Это были его последние слова. Очень рассердился Зорлу. Проснулся его гневливый нрав, и он ударил путника посохом по голове. Строптивный путник упал. Из раны потекла кровь. Опомнился Зорлу, схватился за голову.

– Ай-ай-ай! Что я наделал? Мурдаром был – мурдаром умру! Нет мне прощения! – Только произнес он эти слова, как услышал голос: «Пойди за дом!» Побежал Зорлу за дом, а там сухая ветка в сугробе – пышным цветом цветёт, как весной! Упал Зорлу на колени и воскликнул: «За что же прощён?! Семь лет искупалвинупередтеми, комуянанесобиды, смерть или ранения! И опять – не удержался! Он сотый!»

– Раньше ты поднимал руку на невинных – утешал свой нрав. Сегодня же мимо твоего дома спешило зло. Этот человек спешил из одного края в другой, чтобы оклеветать невесту, расстроить свадьбу, посеять раздор, разжечь вражду и поднять народ на народ. Его даже буран не остановил. Он сознательно творит зло. Он сплетник и предатель – разрушитель добра и мира. Всему есть прощение, кроме предательства. Успокойся, ты его не убил. К сожалению, зло бессмертно.

ОТ АВТОРА

Наш курортно-туристический край – Приэльбрсье, куда входят территории Карачаево-Черкесии, Кабардино-Балкарии, Кисловодской котловины и Пятигорья, ежегодно посещает огромное количество соотечественников и туристов со всего мира. Как правило, в последнее время их интересуют одни и те же вопросы:

Кто такие карачаевцы и балкарцы?

Откуда они пришли?

Правда ли, что они потомки аланов?

На каком языке говорили аланы?

За что карачаевский и балкарский народы были депортированы?

А ответы на них, доказанные наукой, лежат на поверхности. Но находятся доброхоты, муссирующие расхожую пропагандистскую посылку об этих народах, как о неизвестно откуда появившихся и затерявшихся в теснинах непроходимых ущелий Эльбруса. А насильственную депортацию карачаевцев преподносят, как заслуженную кару. А того, «...что вокруг карачаевцев вились всякого рода экстремисты, преследуя свои чисто карьеристские, а порой и международные политические цели...» не объясняют, как не объясняют и того, что «...подстрекателям карачаевцы дают достойный отпор, что они твердо заявили, что их счастливое будущее возможно только в дружной семье народов. Знаю, что словам этих гордых и мужественных людей можно твердо верить... – так пишет бывший прокурор республики А.В. Бутурлин и продолжает... – народ нуждается и в том, чтобы был остановлен долгий путь клеветы, полностью восстановлена справедливость...» Озвучивая это, я не раскрываю никакой тайны. Это секрет Полишинеля.

Я могла притвориться равнодушной, предаться религиозному смирению и промолчать. Но как быть с тем, что я человек, а если – человек, значит – я свободна. Свободный человек обязан знать правду, сказать правду и уметь защищаться, иначе он раб.

В этом эпилоге, сознательно расчлененном на отдельные статьи, я решилась повторить несколько известных, доказанных исследованиями историко-топонимических справок, проливающих свет на историю Карачая, назвать причину его депортации, поделиться мои

ми раздумьями и событиями, которым я была свидетельницей, дать переводы карачаевских слов и имен на русский язык с детальными объяснениями их скифско-аланских корней.

Статьи будут располагаться в алфавитном порядке.

По мере необходимости я буду приводить примеры только из своей родословной, из жизни только моих предков. А моих соплеменников – карачаевцев прошу не осуждать меня за это и не обижаться. Я не имею права писать обо всех родах. Я не историк. Слава богу, у народа много очень умных, честных и высокообразованных специалистов. Слово за ними.

Моя же цель – стать посредницей между читателями, которые не знакомы с работами ученых, и историей Карачая и на примере жизни только одной карачаевской семьи, показать, что карачаевцы не пришельцы, не захватчики, а остатки древнего, некогда могущественного, но разгромленного народа. Что они наследники на родной земле. Что карачаевцы наравне со всеми народами принимали участие в становлении и защите своего общего государства – России.

ТУЗДАМ –

Это имя моей родной бабушки. Она внучка *Тамбиева Чопана*, одного из дореволюционных правителей Карачая, мой прапрадед.

А история появления её имени такова: во времена кавказской войны заблокировали поступление в Карачай товаров народного потребления. Карачаевцы-животноводы очень страдали от отсутствия соли. В 1874 году в час рождения моей бабушки, по ходатайству её деда, завезли в ущелье обоз соли. И радостные люди нарекли новорожденную таким звучным, красивым и единственным в народе именем **ТУЗ-ДАМ**, в значении «добро и благо». И она этому предначертанию судьбы не изменила за всю свою долгую жизнь.

А сказки она рассказывала в долгие трудовые ночи военного лихолетья, когда все мужчины от восемнадцати до пятидесяти лет, в том числе и карачаевцы, поднялись и добровольно ушли на войну, а трудовую вахту войны приняли женщины, когда востребовался извечный труд женщин-карачаевок:

обработка кожи и шерсти. Женщины чесали шерсть, пряли нитки, ткали полотна, стирали в кипятке и полоскали в студеной кубанской воде. Валяли на циновках шерсть, ошпаривая горячим паром оголенные по локоть белые руки. Квасили кожи и овчину, затем их мяли, скребли, чистили, дубили и красили. В результате этой трудоёмкой работы появлялись щёгольские чепкены (*черкески, как их называют теперь*), полушубки, башлыки, бурки и рукавицы с двумя пальцами для удобства при стрельбе. Эта одежда горцев была узаконенной военной формой кавалерии.

Женщины тамбиевского квартала собирались на ночные трудовые посиделки у бабушки Туздам. Сначала делились последними новостями. Разворачивали солдатские «треугольнички», перечитывали вслух, затем бережно прятали их за пазуху, поближе к сердцу. А потом наступало время сказок. Все это бабушка затевала, чтобы женщин не клонило ко сну, одновременно выполняя свою роль сказительницы. Уж очень срочной была работа на нужды фронта. Бабушка тоскливо восклицала: «Когда-то женщины были многоруки и успевали переделать массу работы!». «Бабушка, а откуда они росли?» — изумлялась я. Бабушка поднимала одну руку вверх, а другой проводила вдоль ребер. Думаю, что это были отголоски индусской теологии.

Война! Какое страшное слово! А последствия ее ещё страшнее! На памяти моей бабушки были последствия не одной войны. Бабушка знала, что война для избранных — слава и богатство на крови, а для многих — это вселенский мор, что она уничтожает имущество, опустошает земли, выбивает молодых, оставляет старых, детей и женщин на произвол судьбы, на смерть от голода и болезней — этих неизменных спутников войны. Но эта слабая часть выживала, и возрождался народ, как Феникс из пепла.

Её сыновья погибли на фронте: Магомет – 341 СД – в Харькове, Али-Магомет – танковая дивизия 9-ой армии – под Сталинградом. Таким образом, бабушке была известна психология солдатства с её составляющими: верностью, долгом, дисциплиной, храбростью, мужеством, любовью к родине и людям. Её сказки, наполненные щемящей памятью об этом и историей павшей Алании, логично вплетались в события Отечественной войны. Вызывает восхищение её горячее желание указать молодёжи путь подвига и доброты, предостеречь от неверного поступка. Она постоянно повторяла, что перед человеком только два пути: путь добра и путь зла, что третьего не дано.

Но беды моей бабушки, её семьи и её народа не заканчивались общегосударственными бедами. Карачай был депортирован в Казахстан и Среднюю Азию. Там уже было не до сказок. Жизнь и там была запружена ожиданием «треугольничков», «похоронок» и трудом без отдыха. Работали так, что получали правительственные награды, невзирая на статус спецпоселенцев.

Угнетала людей горечь незаслуженных обид, изнуряли поиски родных, расселенных по Казахстану и Средней Азии.

Все карачаевцы, уцелевшие после тифа и голода, стали искать друг друга, как и их предки после падения Алании. Когда родственники находились, комендатура оформляла документы и, семья объединялась.

Изматывали людей бытовая неустроенность, новые климатические условия и солоноватая колодезная вода. Свиристствовали болезни. Мор косил стариков и детей, выбивая лучший генофонд народа, хранителей истории и продолжателей рода.

А Победа была не за горами. Она была неотвратима. Её приближали и воины-карачаевцы, они продолжали сражаться до самой государственной границы, а за границу их не пустили

АДАМ –

по 44-ой статье КЗОТа. Время было лихое. Разбираться в проблемах воинов-карачаевцев не нашлось ни времени, ни сильной личности⁵...

В карачаевском языке слово **адам** означает Человек.

АДЕТ –

Этикет.

АДИЛЬ –

Так в древности называли карачаевцы Волгу. Карачаевцы сохранили это слово в виде личного имени Адиль-Герий, (в значении правитель с Адила) и до начала двадцатого века продолжали нарекать этим именем своих сыновей. Пример: Сын Тамбиевых *Адиль-Герия* и Хаджар Нюр-Мухаммат погиб в 42-ом году под Белгородом.

К сведению: все личные имена родственников и героев сказок не придуманы – это древние (аланские) карачаевские имена.

АЗ-НАУР –

Ас – свет + **наур (наур)** – друг. **Аз-наур** = *аланский воин, дружинник, надежный воин.*

Ас – другое имя аланов. Так их звали на востоке. **Ясами** называли русские.

В первом значении слово **аз (ас)** – свет, заря, небеса, восходит к солярному пантеону тюркоязычных народов. К нему же восходит и слово **Асия – Азия**, *которым назван и один из материков земного шара.* Недаром восток в географии означен словом **ост**.

Существует несколько версий о наименовании и Азовского моря. Что такое название оно получило по имени аланского народа **аз (ас)** – **Море Азов**, а другая версия гласит, что залив получил название **Азау-тенгиз** = Азовское море, потому что по абрису похож на звериный клык (**азау** – клык). Если присмотреться к очертанию Черного моря, то залив, действительно, торчит, как клык.

А поскольку во втором значении слово **Аз** – мало, думаю, что название Азовского моря тесно связано и с этим словом. Море неглубокое, мелкое, тёплое. Его, кажется, называют инкубатором Черного моря. А по утверждению

⁵ См. «Карачай» в этом же разделе.

автора XII века Иона Цеца Азовское море скифы называли *Карабалык* – обильная рыбой или огромная рыба. *Кар (кара)* – обильная, огромная, мощная + *балыкъ* – рыба. Обратите внимание – скифский период, о тюрках еще нет речи, а тюркское звучание слова неоспоримо. И это наводит на многие размышления.

И в первом, и втором звучании слово *аз* связано с тюркским⁶ языком.

А оба название моря связаны с его инкубационными возможностями и со скифами и аланами, лишней раз, наводя на их тюркоязычность.

АЛАНЫ –

АЛАН – самоназвание карачаевцев, аналогично осетинскому этнониму **ИРОН**, русскому – **СЛАВЯНЕ**, черкесскому – **АДЫГЭ**, армянскому – **ХАЭС** и т. д.

Естественно, что Карачай, как и любой другой народ, имеет серьезную биографию. И я думаю, что чем выше в свои горы уходит народ, тем он древнее⁷, его туда загоняет очередной завоеватель. А их, завоевателей, до и после падения Алании народ изведal немало.

Середина восемнадцатого века, с приходом России на Северный Кавказ и строительством военно-грузинской дороги, положила конец полстемуровскому долговременному заточению народов в ущельях и возбудила интерес ученых к их истории, в том числе и к истории Карачая.

Но некоторые ученые, освещая историю Карачая, в основу брали родоплеменные рассказы отдельных представителей народа, забывая или игнорируя законы нароdoобразования, устройство его нравственных и социально-экономических основ и опирались на уже пред-

---

⁶ Видимо, во времена Геродота язык скифов не назывался тюркским, а слова скифов звучат по-тюркски. Вот первая загадка о языке скифов.

⁷ Часть народа, ушедшая в недоступные горные ущелья, сохраняла этнические корни и язык, а угнанные в рабство и оставшиеся на покоренной земле, растворялись в новой этнической среде.

писанные положения, что вносило путаницу в историю Карачая.

История Карачая, к сожалению, изучалась не достаточно и мало популяризировалась.

Я помню в кинопрокате нашей республики хранились довоенные документальные фильмы о карачаевцах, о ликбезах, о женщинах-карачаевках, гарцюющих верхом на лошадях и др., в том числе был фильм о строительстве города Микоян-Шахара. Открывал ворота нового города первый председатель облисполкома Курджиев Нану. Этот крупный и красивый человек рассекал древним мечом ленту на воротах и облокачивался на эфес его в гордой позе воина-победителя.

После нашего возвращения на родину эти хроники не демонстрировались. Тому причинами были партийные установки советской власти.

Одной же из *главных причин* отставания научной работы по истории карачаевцев изначально была *военно-грузинская дорога*, которая одним народам Северного Кавказа дала возможность первыми заняться своей историей.

Вторая причина в том, что из жизни карачаевцев вследствие Кавказской войны выпал целый исторический пласт. Народ изгонялся с исторических мест проживания. Входы в наши ущелья, по которым когда-то проходили торговые караванные пути, перекрывались военными редутами.

Третья и четвертая причины в том, что вторая мировая война и депортация народа на длительное время отрезали карачаевцам все пути к научной работе. Война выбила поколение здоровых мужчин 1895 — 1927 годов рождения, а карачаевские и балкарские старики — хранители памяти и сказители и их приемники — ребятишки 1930 — 1944 годов рождения — вымерли от голода и тифа в местах поселений, и прервалась связь трех поколений. Выжившим карачаевцам в наследство

от войны и выселения досталось только одно: очищаться от скверны лжи, оправдываться и стараться уберечь крохи потомства, как и после падения Алании. В силу вышесказанного у карачаевцев не было ни материальных, ни юридических возможностей для изучения своей истории. А в это время соседние народы, не прерываясь даже в годы войны, вели научные работы, субсидируемые государством.

Аланская тематика явила на научный небосклон планеты целое сонмище маститых ученых. Они делятся на две группы: одна — утвердила ираноязычность скифо-сармато-аланов, а другая — придерживается тюркоязычной версии. И их не мало. Владикавказ стал гордым генеральным штабом скифологов и алановедов. Лично я благодарна им всем за то, что они держат руку на пульсе аланской истории и не позволяют ей уйти в небытие. Я читаю их произведения, смотрю их творения. Восторгаюсь! И Вам советую, мои дорогие читатели, ознакомиться с этими работами. Очень увлекательное занятие!

Я не собираюсь оспаривать биографии других народов.

Бабушка Туздам рассказывала сказку о том, что все семь народов Северного Кавказа — это дети Большой Медведицы. Думаю, этим мифом наши предки хотели сказать, что возвеличивать себя надо очень осторожно, не уязвляя соседние народы. Болезнь, называемая «панизмом» — опасная болезнь, «тому из истории мы тьму примеров знаем».

Но карачаевцы — древнейшие насельники центра Северного Кавказа, как и их соседи арги и дигорцы, и тоже — аланы и уходят корнями вглубь веков, восходя к сарматам и скифам, и изъясняются на одном из наречий большого тюркского языка, издревле господствующего на половине Евразии.

Стоит обратить внимание на такой факт, что только карачаевцы и балкарцы, из всех

народов, считающих себя прямыми потомками скифо-сармато-аланов, сохранили в своем речевом обиходе не только обращение *АЛАН*, но и имена скифских и аланских божеств. Их именами нарекают своих детей. Помнят имена правителей и массу скифо-аланских преданий и понятий (*речь не о нартах*). Не забыли свои патронимы, восходящие к скифо-сармато-аланскому периоду⁸. Сохранили свои древние фамилий такие, как: *Каппуш, Салпагар, Тамбий, Лайпан, Шидак, Бостан, Чотча, Кипке, Боташ, Узден, Дола* и др. Значение же их потомки уже не помнят. А такими древними именами как *Габий, Папай, Кокай, Чора, Матай, Хаджар, Анпий, Чоппа*⁹, и т.д. продолжали называть своих детей до первой четверти двадцатого века. Сохранили и звериный стиль резных украшений на деревянной утвари.

Эта деревянная посуда мне знакома с детства. Мой дед Джанхот и его сыновья Тана и Абу изготавливали эту утварь. Они были мастерами широкого профиля. Они изготавливали ткацкие станки со всем оборудованием и телеги, строили мосты и дома. На моих ложках и чашках, на тонкой цепочке, вырезанной из одной и той же заготовки, болтались круторогие бараньи головки, драконы, сарыубеки, хур-кызла, крылатая собака Самыр. Кстати, бабушка Туздам, скрывая по обычаю имя зятя, моего папу называла Самыр, за его физическую мощь, верность слову и делу. Отец, когда состарился, вспомнил семейное ремесло. Почти на всех домах Хурзука, Учкулана и Карт-Джурта установлены окна и двери, работы моего отца.

⁸ Пример: патроним моего предка Науруза – *паралат*⁸. Царские скифы, они же собственно и скифы, состояли из четырех правящих близкородственных кланов: *авхат, катияр, трапси и паралат*.

⁹ Имена моих родственников (в дополнение к перечисленным в сказках и комментариях): Байрамуковы *Габий* и *Оку*, Бостановы *Папай* и *Кокай*, Хубиев *Матай*, Каппушевы *Хустос* и *Анпий*, Тамбиевы *Темрук* и *Габий*.

Уже в самих фамилиях карачаевцев заложено свидетельство их аланского происхождения. Когда называют отдельное лицо, говорят: *Каппуш – ланы*¹⁰ *Тамара* (аланка – *Тамара из рода Каппуш*), а когда называют всю семью, говорят *Каппуш – лары* (аланы из рода *Каппуш*). Примеры: *Боташ-лары – Боташ-ланы, Тамбий-лары – Тамбий-ланы, Байчора-лары – Байчора-ланы, Байрамук-лары – Байрамук-ланы и т.д.*

Очень многие фамилии Карачая своим значением восходят к именам языческих божеств. Например: Тоторкуловы = *Тотор*-покровитель охотников + *кул*-служитель. (См. ст. «*Маматай*» здесь же).

А соседние народы исстари именуют карачаевцев и балкарцев следующими этнонимами: мегрелы – *аланами* и *ясами*, сваны – *сауэр аланами*, русские – *аланами* и *ясами*, арабы – *аланами*, грузины – *аланами* и *овсами* (*басианами*), осетины – *асами* и *тауланами*, адыги – *горцами*, черкесы – *лэпвкчыгъш*, т.е. старым народом и т.д.

Называя нас приведенными этнонимами, наши соседи указывают на древнее место проживания Карачая и его этнические корни. Это подтверждает и Иоганн Бларанберг. Сам В. И. Абаев не отрицает аланского происхождения карачаевцев и балкарцев. Автор IV века н.э. Аммиан Марцеллин свидетельствует, что тюркоязычные аланы занимали территорию Карачая и Балкарии. Арабский географ XIV века Абульфедда пишет о том, что «на восток от абхазов живут тюркоязычные аланы и ясы, а по религии христиане». Путешественник А. Ламберти в 1630-1650 годы жил в Мегрелии, и он утверждает, что «*карачаевцы-аланы живут по соседству с мегрелами*» и т.д. Авторов по этому вопросу много, всех и не перечислить.

---

¹⁰ В карачаевском языке в сложных словах, один из звуков перед вторым словом отбрасывается: примеры: Тау алан = Тау лан.

До недавних времен на географических картах Аланию располагали на территории Карачая и Балкарии...

А чтобы проследить территориальные, политические и языковые подвижки народа обратимся к истории. Проследим цепочку скиф — сармат — алан — карачай:

На рубеже II и I тысячелетия д.н.э. на огромной территории, называемой *Великой Степью*, от Тихого океана до Дуная, кочевали родственные и не родственные племена животноводов.

Скифы. Территорию же от границ Китая до берегов Дуная, т.е. центральную часть Великой Степи, куда входил и Северный Кавказ, занимала *Скифия*. Правил ею царские скифы. Данные современной науки недвусмысленно доказали, что скифы «ниоткуда не пришли», как излагалось прежде, а «сложились на том месте, где их застала история», т. е. на Центральной части Великой степи и были древним народом-воином¹¹. Это подтверждается следующим:

слово *скиф* (без эллинского «ф» в конце) — *ски(эски)* на тюркском языке означает *древний, старый*. Значит, скифы себя называли *древним племенем*. Было же древнебулгарское племя *эскил(эшкил)*. Черкесы, будучи сами древними насельниками, называют карачаевцев *древним народом*. А самоназвание скифов *сколоты — сколты, (схылты)* на карачаевском языке имеет два значения: (*сак — осторожный, умный + олот — племя = осторожное, умное племя*), а второе значение *Сколты (схылты)* — так карачаевцы называют *высшую социальную знать общества*. Видимо, греки объединили два слова *эски* и *схылты* и получилось слово **скиф**.

¹¹ Обычай карачаевцев не снимать головного убора и кинжала даже за обеденным столом — это отголосок тех времен, когда наши предки всегда были наготове встретиться с опасной неожиданностью.

Сарматы (желтый, светлый)¹², это новый патроним.

Скифы в начале III века д.н.э. в схватке со своими размножившимися и окрепшими потомками **сарматами** потерпели поражение.

Правящие племена скифов – царские скифы – частью укрылись в горах, частью отошли в Крым, сохранив за собой Поднепровье. Со временем окрепшие царские скифы потеснили греков-колонизаторов и из Крыма.

А в 372 году н.э. появились с востока **гунны** – новая орда кочевых племён – основоположников «Великого переселения народов». Победенные скифы и сарматы частью были жестоко уничтожены, а частью бежали – кто в Западную Европу, кто на север, кто на юг и там ассимилировались. Так исчезли Скифия и Сарматия. Исчезают государства, а не народы. Они ассимилируются – это общий закон народообразования, так что не стоит искать в народе «чистокровия». Бывает, что *часть народа – носителя этнических корней, обязательно где-нибудь да укроется на родной земле, как карачаевцы, но и она не минует закона народообразования.*

Атилла – известный вождь гуннов-тюрков, властвовавших на Великой Степи, объединив тюркоязычные народы, Киевскую Русь, древних болгар и восточных готов, дал бой Римской империи на Каталаунских высотах, положив начало распаду этих двух великих государств древности.

После падения страны Атиллы, на части территории, образовалось мощное тюркоязычное государство **Хазария**. Оно по своей мощи соперничало с Византией и Персией. Но и это государство после правителя **Хаджар**-хана рас-

---

¹² Последовательные названия скиф-сармат-алан-карачай – это не что иное, как патронимы одного народа. Отсчет поколений по патронимам сохранился у карачаевцев по сей день.

палось на два государства: Хазарию у Каспия и Аланию.

Алан – тоже новый патроним. (Слово *алан* имеет несколько значений: *светлый, желтый, улан – мальчик, внук, сын; таулан – горец*).

Аланы, отделившись от Хазар, на территории от Северного Кавказа до Дона и Черного моря, как наследники скифов и сармат, восстановили сильнейшее государство – многонациональную Аланию и правили ею до прихода монголов.

Западная Алания, в состав которой входили территория нынешней Карачаево-Черкесии, Кисловодская котловина и Пятигорье – исконные места проживания карачаевцев, (*Российские историки карачаевцев пятигорья называли пятигорскими татарами, кисловодских – горскими татарами*), приняла христианство. Об этом свидетельствуют, сохранившиеся на территории Карачаево-Черкесии храмы: **СЕНТИНСКИЙ** – в селе *Сынты** и **ШОАНИНСКИЙ** – на горе Чуана Карачаевского района и три **ЗЕЛЕНЧУКСКИХ** – в Нижнем Архызе¹³. Тут же в Кяфарском городище, близ Нижнего Архыза¹⁴, располагалась резиденция аланских царей, из клана паралат.

Через Главный Кавказский хребет, по территории Алании, проходил евразийский Великий Шелковый путь. Через Махарский и

---

¹³ Карачаевцы тоже были христианами. Об этом свидетельствуют памятные рассказы предков, личные христианские имена. Примеры: деда бабушки Туздам звали Бостанланы Семен. Андрием звали племянника моего деда Чоппы. Карачаевцы поколения бабушки Туздам, называли себя «клыч мусульманла – мусульманами из-под меча». Это говорит о насильственном принятии этой религии.

¹⁴ См. материалы Ставропольского краеведческого музея им. Г. Прозрителева и Г. Прева. Даже французский ученый Демюзиль, согласно сказаниям, нартов располагает на Кяфаре и на горе Чуана, т.е. на территории Карачаево-Черкесской республики и в Дигории.

Клухорский перевалы и Уруп караваны выходили к портам Черного моря. А из Рум-Кала (Малокарачаевский район) караванные пути разветвлялись ко всем западным и северным странам. Подтверждением этому являются руины древней караванной дороги и городища VI-XII веков, которые находятся на территории Карачаево-Черкесской республики: **ГИЛЯЧ** – в Кубанском ущелье; **АМГАТА** – в Тебердинском ущелье; **ИНЖУР-ГАТА** и **ХУМАРА** в Карачаевском районе; **КЫЗЫЛ-КАЛА** в Джегутинском районе; **РУМ-КАЛА** в Малокарачевском районе и **АКБИЛЕК** над долиной р. Малый Зеленчук, а также сторожевые башни **Гошаях-Кала**, **Мамиа-Кала**, **Кызыл-Кала**, **Адиюх** – последняя башня вместе с городом Акбилек была разрушена ханом Тимуром в 1396 г. В восьмидесятые годы XVIII века башня восстановлена князем Темрюк-Хаджи Баматовым. С тех пор, она называется **Адиюх**, если заглянуть в этимологию этого слова, – она на тюркском языке означает «безымянная» (*ады – имени + йох – нет = имени нет*), а значение **Белорукая** башня унаследовала от аланского города Акбилек...

Расцвет Алании продолжался, пока шёлк был эквивалентом золота. Но в XII веке Константинополь разорили крестоносцы, а с востока на Аланию надвигалось татаро-монгольское нашествие. Война полыхала и на западе, и на востоке. Перестал существовать великий шелковый путь, и Алания при **Аппий**-хане распалась на множество княжеств. «Ослаблением Алании воспользовались кипчаки (половцы) и установили контроль над предгорной зоной. К концу XIII века Алания стала составной частью Золотой Орды. Окончательную точку в закате Алании поставил в 1396 году хан Тимур, разрушив все города, уничтожив население и опустошив земли.

Итак, мы проследили цепочку скиф-сар-

мат-алан и их потомки, и имеем право на вывод, что мы – народы России, не эмигранты, что мы все причастны к великим государствам, существовавшим на Великой Степи и ушедшим в прошлое. В подтверждение привожу любопытную деталь из последней переписи населения России: в анкетной графе «национальность» появились записи: скиф, сармат, алан, жмудь, ижор и др. Это память о прошлом.

Теперь мы подошли к вопросу о языке скифов, сармат и аланов.

Между иранистами и тюркологами до сих пор ведутся споры о языке скифов, сармат и аланов. Мне думается, что они «видят зверя, а идут по следу, оставленному кем-то и когда-то» (*автора и дату надо уточнить*), который в угоду кому-то или чему-то произнес сакраментальную фразу, что язык скифов был иранский. Но все слова, известные историкам, легко объясняются тюркским языком.

Мне могут возразить, что тюркское звучание слов, топонимов и гидронимов объясняется присутствием монголо-татаров.

Но:

Во-первых, скифы и аланы жили на этой территории до прихода монголов.

Во-вторых, географические наименования даются аборигенами и остаются на вечные времена, и пришлые народы принимают их в таком виде. Пример: вулкан в Японии называется *Фудзияма* = *яма* на японском языке – гора, *Фудзи* – имя богини древнего народа Айки, некогда населявшего Курильские и Японские острова. Таких примеров уйма.

В-третьих, ларчик должен открываться просто. Любое явление (физическое, химическое, общественное и т. д.) начинает движение из центра вокруг своей оси, распространяясь волнообразно на периферию, обогащаясь сам, преобразуя встречное.

Почему же языковые явления надо исключать из этого правила?

Разве не по этому принципу происходило распространение языка и расселение славян со среднего Приднепровья – своей протославянской родины? (см. *М. Гимбутас*).

В-четвертых, Великую Степь народы бороздили во всех направлениях, и какой-то язык был языком общения. А таким языком может быть только *язык места*. Как язык господствующего народа.

Власть русского языка на одной шестой части света прямое тому свидетельство.

В-пятых, если сарматы «говорили поскифски, но исстари неправильно» (Геродот), и если «язык ясов, яка от печенжского рода родяси» (комментарии к «Иудейской войне» Иосифа Флавия в изложении Г. Успенского), то это уже исключает ираноязычность аланов и их предков скифов и сармат. И наводит на мысль, что язык скифов звучал по-тюркски, а родиной тюркского языка является территория Скифии, как центральной части Великой Степи.

В-шестых, при внимательном рассмотрении исторического материала становится ясно, что древние авторы, не сопоставляли персидский со скифским языком, зная тот и другой.

В-седьмых, вполне вероятно, что язык Великой Степи стал называться *тюркским* с приходом гуннов, по имени главного племени **тюрку**, тоже говорившего на этом языке. А может этот термин ввели российские придворные историки после нашествия монголо-татаров и слово **скифский** (сарматский, аланский) перестало существовать?

В-восьмых, вопрос о языке скифо – аланов остается открытым, и верный ответ на этот вопрос остается на совести ученых.

упоминается в грузинских сказаниях (*вспомнить битву Саакадзе с амазонками*) и греческих мифах (*девятым подвигом Геракла был поход к берегам Чёрного моря в страну амазонок за поясом их царицы Ипполиты*).

В археологических раскопках женских погребений скифов и сармат зачастую в качестве погребальных принадлежностей имелось оружие: лук, стрелы, меч. Это доказывает, что скифские и сарматские молодые женщины принимали участие в охоте и войне. А Страбон пишет, что сарматские «амазонки живут в соседстве с гаргарейцами в северо-восточных предгорьях... Кавказских гор, которые называются *Керавнийскими*». А если заглянуть в этимологию слова *амазонки*, то мы найдем *ам* (амма) женщина + *аз* (алан), а дальше – русский суффикс, означающий профессию – *онки*. Получается женщина – аланка-воин. Карачаевцы сохранили древнее название амазонок – Масхара.

А вот примечательный пример из истории карачаевки: В доме бабушки Туздам находился затупившийся остов древнего меча, которым щепали смолистую лучину для розжига огня. Его мы называли «*фанагорий – кџамагорий*», а что в исторической литературе меч назывался «*акинак*», я узнала после посещения скифско – аланской экспозиции. Такой же меч, только острый и блестящий, и лук со стрелами с красно-черными пушистыми хохолками хранились в сундуке Тамбиевой Сарай, сестры Тамбиева Чопана (моего прапрадеда). Сарай была замужем за Каппушевым Кады – (дядей моего деда Джанхота). Когда меня привозили к папиным родителям, я хватала дедушку за руку и тащила в дом Алхаз-хаджи, сына Сарай. Меня манил этот меч. Возьмет меня дедушка на руки, гладит по головке и говорит: «*Паралат балам, паралат балам! – Дитѣ мое Паралат. Эки кџат паралат – двойной паралат*». Паралатами дед называл и мамин род. *Паралат* – «*царские скифы*» состояли из четырех родственных племен: *авхат, катиар, трапси* и

паралат и называли себя сколоты. Это слово на карачаевском языке звучит схыылты и означает высшую сословную знать общества.

Я помню отрывки разговоров, что Сарай так и осталась «воительницей», что она до самой смерти не расставалась ни с конём, ни с мечом, что у неё была ампутирована правая грудь. Моя бабушка Туздам часто сетовала на то, что этот удобный для работы обычай амазонок предан забвению. Я помню, как карачаевки бабушкиного поколения ездили верхом на лошадях. Об этом свидетельствуют и документальные filmy.

АМАН – НЫХЫТ – Так называется горный кряж, который замыкает Кубанское ущелье. *Ныхыт* – кряж, теснина, *аман* – плохой. В те далекие времена Кубанское ущелье карачаевцы называли «*кара кюбюр*» – «*чёрный сундук*», потому что – ущелье глухое, имеется только один труднопроходимый Махарский перевал, ведущий в Сванетию, с востока ущелье замыкает Главный Кавказский хребет, с юга – скальные вершины горы Гондарая, с севера – замыкает пресловутый Аман-Ныхыт. Даже хан Тимур не смог пройти Аман-Ныхыт, в отместку стёр с лица земли аланский город Гиляч, откуда, по рассказам бабушки Туздам, тайными тропами, на свои охотничьи угодья, уходило население от Тимура.

Только в шестидесятые годы XIX века при приставе Н. Петрусевиче были выделены средства на проведение дороги через Аман-Ныхыт из Карачая в Ак-Кала (Новый Карачай). Ответственными представителями от Карачая при постройке дороги были назначены Тамбиев Чопан и его племянник Каппушев Алхаз-Хаджи, он же – казначей аула Уччулан. По завершении строительства дороги Чопан был награжден именной саблей и часами, которые хранились у бабушки Туздам.

АПСАТЫ – Сказочный персонаж. Покровитель животного мира.

АРГИ – Очень древнее племя, жившее на Кавказе до

- прихода иранских племен. Арги занимали территорию нынешней Осетии, часть Кабардино-Балкарии и Чечено-Ингушетии. На это указывают названия села Аргудан, рек Аргун и Аргудан, а также нартский гидроним Аргы. Эльхотовские ворота осетины называют «*Арджи-нараг – Тесниной аргов*». Героиня карачаевских нартских сказаний носит имя **АРГУ**.
- БАЙ –** Богатый.
- БЕК –** Титул, присваивался высшим воинским чинам.
- БЕШ-ТАУ –** **Беш** – пять + **тау** – гора. *Пятивершинный лакколит на Пятигорье и восточный суховей* карачаевцы называют **Бештау**, О восточном ветре говорят: «*Бештау къобханды – Бесчинствует Бештау*».
- БИЙ –** Князь.
- БИЙЧЕ –** Княгиня.
- БИЙНЁГЕР –** Сподвижник князя. Из бийнёгеров состояли дружины князей.
- БОСТАН –** Сад, огород, арбузное поле.
- БОСТАНЧЫ –** Огородник. Садовник. Когда-то у подножья Машука, против Провала, на территории нынешнего города Горячеводска (*это калька с карачаевского языка – Исси-суу = горячая вода*) располагалось село с названием Бостанчы. (*М.Ю. Лермонтов этому селению посвятил свою поэму «Аул Бастунджи?»*). Жители его ушли в горы, укрываясь от наступающего врага. И только у карачаевцев бытует фамилия Бостановых, их родовое поселение в Верхнем Учкулане.
- БУРАК –** Кентавры.
- ГЁНЫ –** Плетённые из прутьев закрома для хранения кукурузных початков и зерна.
- ГИЛЯЧ –** Аланское городище в Кубанском ущелье. Бабушка Туздам маленькой девочкой застала время, когда купцы на руинах городища устроили ферму, где разводили чёрных кошек. Шкурки имели спрос в Китае.
- ГИТЧЕ-ТАЛА –** Малая поляна. (**УЛЛУ-ТАЛА** – Большая поляна). Обе поляны находятся у перевала в Махарском ущелье.
- ГОНДАРАЙ –** *Непомерно большой и непокладистый.* Непро-

ходимая гора и один из притоков реки Учкулан называются Гондарай. (Словом *гонда* ругают рослых, но невоспитанных членов общества).

ГОБПАН –

Большая деревянная чаша для айрана, используемая вместо рога в здравницах.

ДУНЬЯ –

Мир, вселенная, судьба.

ДЖАМАГАТ –

Общество, народ, сход народа.

ДЖЕЛИМ – АУЗ –

Космогоническая легенда карачаевцев гласит, что некогда нарт Кыллы отрубил голову эмегена и закинул её высоко в небо. С тех пор голова эмегена, полная жаждой мести, поджидает час веселья людей и заглатывает либо луну, либо солнце. Если исчезнут свет и тепло, это приблизит гибель человечества. Но бдительные люди бьют в барабаны, просыпаются собаки Кыллы и оттаскивают Джелим-ауза, и Светило освобождается. Так в старину объясняли солнечные и лунные затмения.

ДЕБЕРНИ –

Почтительное обращение к уважаемым людям.

ДЖЮЙЮСХАН –

Обращение к военным людям. *Джюйюз* – сто, *хан* – господин. Вроде русского сотника.

ДЖУГУТУР –

Тур. Горный козел.

ДУРКУЧУ –

Мошенник, прощелыга.

ДЫДАЙ –

Этим древним аланским словом оповещают о несчастье и призывают на помощь.

ИБЛИС –

Демон.

КАЗАК –

Слово *казак* в карачаевском языке означает – *одинокий, опасный, разбойный, вольный*.

Казакь бёрю – одинокий, разбойный волк, бирюк. И слово *бирюк* образовано из: *бир* – один + *юк* – суффикс, а переводится как одинокий и опасный волк. Карачаевцы и Полярную звезду называют *Темир-Казак*, Стойкая, железная, но одинокая, к которой привязано мироздание.

На территории скифо-сармато-аланов издревле были поселения очень вольных людей. Их ряды пополнялись за счет лиц, уходивших от своих племен. Эти вольные люди занимались разбоем, грабежом, видимо, потому они получили тюркоязычную кличку «*казаки*».

Позднее, когда российские цари стали

**КАРАУЛ –
КАРАЧАЙ –**

использовать эти разбойные группы в целях охраны границ государства и «приумножении земель российских», слово «казаки» стало означать военно-сословную группу.

Охранник, смотритель. От слова кара – смотри. Современное наименование древнего народа, живущего у самого подножия Эльбруса.

Карачаевцы являются древнейшими насельниками Северного Кавказа, как арги и дигорцы. А три тысячи лет тому назад, когда на этой территории образовалась древняя государственность, насельников стали называть скифами – древним народом, а царство – Скифией.

Скифов сместили их наследники с новым патронимом – сарматы, а им наследовали аланы, слово аланы тоже патроним.

Потомками аланов считаются три народа: балкарцы, карачаевцы и осетины. Об этом говорят материалы научных экспедиций 1927 года по Карачаю, Балкарии и Осетии.

Есть версия, что народ будто-бы, с подачи соседей грузин, стал называться Карачай по имени своего предводителя Карчи (*карчоли – как люди Карчи*). А почему бы нет? Осетины осетинами стали потому, что грузины их звали – *осети* (восточные).

Но слово кара имеет множество значений:

- кар (кара) – громадный, (карбалык – громадная рыба),

- кара – крепкий, (каракумыс – крепкий кумыс),

- кара – большой, (кара кюнле – дни большой беды),

- бир кара кюлкю тийгенди – гомерический хохот,

- Кара – сильный, мощный (кара кюч – необыкновенная мощь),

- кара – чёрный, (кара чач – черный волос),

- кара – опасный, (Кара тенгиз – Большое море, Черное море, Опасное море. Видимо, древние люди хорошо знали, что глубинные воды

этого моря содержат восемьдесят процентов сероводорода).

• **кара** – *смотри. (Карай тур – наблюдай).*

А само слово **Карачай** распадается на два слова **кара** + **чай**, (**чай** – река). С таким названием в Азербайджане несколько рек. Топонимика Северной Осетии сплошь усеяна словом «караца – хараса». А в Турции река с названием **Карачай** означает **большая река**.

А если исходить из грузинского **карчол** и помнить, что грузинское – **оли** означает место пребывания, то древние грузины нас называли «люди, живущие у большой реки», а может, говорили «люди, живущие у черной реки», подчеркивая именно место проживания. Ведь мы, карачаевцы, живем у большой и бурной Кубани!

В комсомольском возрасте мой папа сам писал пьесы, играл в ТРАМЕ. Был гидом писателю Юрию Либединскому, когда тот собирал материал о карачаевцах для своих книг «Горы и люди» и «Зарево». В 1956 году отец встретил Либединского в Ставропольском крайкоме партии. Папа его узнал, напомнил о себе и задал вопрос «почему он карачаевцев назвал «веселореченцами». На что Либединский ответил, что иначе его книга не была бы напечатана. Большое ему спасибо за это. Благодаря этому существует прекрасная книга о карачаевцах.

Может, «веселореченцы» Либединского недаром созвучны «чернореченцам»?

Сейчас появились новые трактовки образа Карчи, вроде «**прародителя**». Какие-то символы Карчи, вроде «**камня Карчи**». Тотемный прародитель, вроде «**волка**».

Милый мой читатель! В родовых объединениях, к которым принадлежу я, о тотемных предках не упоминали. Наверное, **волком** или **волчонком** могли прозвать отдельного человека. Существует версия, что слово **будиян** – волк. Но я доказательными сведениями не располагаю.

Вопрос о «прародителе волке» требует внимательного рассмотрения.

Волка почитали за его ум и боялись его охотничьих способностей все древние народы¹⁵.

Я помню, как бабушка совершала пантомиму «связывания пасти волка», чтобы он не напал на овец. В фольклоре карачаевцев есть крылатая мощная собака Самыр. И по карачаевским сказаниям собака – друг человеку, а волк – друг эмегенов, поэтому сомнительно, чтобы карачаевец мог волка возвести в ранг прародителя.

А поговорка *«бёрю тонну кийгенди – надел волчью шубу»* – у карачаевцев означает, что стал воинственным, злым, гневным, беспощадным. И это выражение, скорее, связано с приходом жестоких и беспощадных завоевателей хунов, у которых волк был тотемным прародителем.

А «камень Карчи»... Бабушка рассказывала предания своих предков о том, что у слияния реки Кубани и её притока Худеса встретились беженцы из города Гиляч. Одни пришли, преодолев Аман-Ныхыт, другие пришли из Пятигорья, Нарсаны и Бургустана по Худесскому ущелью. В тот самый момент, когда усталые люди остановились на отдых, с неба упал камень. Раскаленный докрасна метеорит люди приняли за доброе предзнаменование, как дар Тейри, и назвали его *«къарачайны къадау ташы»* – «замковым камнем Карачая», вкладывая в это радость спасения, веру в то, что будет жить народ, пока не появится сила, способная разрушить небесный монолит. Но нашлись силы, сумевшие развеять эту призрачную веру. Нашлись силы депортировавшие Карачай.

А предыстория выселения Карачаевского народа такова.

Война докатилась до Северного Кавказа. Второго августа 1942 года фашисты оккупировали город Ставрополь, в Баталпашинск (Черкесск) вошли девятого августа и в ночь с девятого на десятое августа (в четыре часа утра) появились в

¹⁵ См. «Золотая ветвь» Джеймса Джорджа Фрезера.

Микоян-Шахаре (Карачаевске)¹⁶, а двенадцатого августа были уже в Учкулане.

Высоко на перевалах воины отступающей Красной Армии и партизаны вели ожесточенные бои с фашистами.

Я помню, как немцы с Махарского перевала каждый день свозили своих покойников. С грузовиков на припорошенную снегом дорогу капала их кровь. Мы, дети тамбиевского квартала, по скованной льдом Кубани, перебирались на другой берег, на бостановскую дорогу, и считали капли крови и количеству их очень радовались. Не знаю, были ли на других территориях республики кладбища фашистов, а в центре Учкулана появилось довольно большое кладбище с белыми березовыми крестами, как памятник стойкости наших солдат и партизан на перевалах нашей республики. Ведь, через перевалы Карачая, по торным караванным дорогам, ни один немец не сумел пройти в Грузию и к Черному морю!

Если немцы могли подбирать своих погибших солдат, находясь внизу, то наши погибшие бойцы оставались в сугробах перевалов. Через двадцать лет ледники, сползая по склонам, стали каждый год выносить тела наших солдат в долины. Их бранные останки с почестью похоронены в станице Зеленчукской с Марухского, и в городе Карачаевске с Махарского и Клухорского перевалов.

Фашисты, как и на всей оккупированной территории, устанавливали свой «Новый порядок» и в Карачае. Оккупация продолжалась четыре месяца и двадцать пять дней.

Тридцать первого января 1942 года, после Сталинградской битвы, начались наступатель-

---

¹⁶ Фронтовой дневник отца. Хранится в музее «Защитникам Кавказа» г. Карачаевск. 3-й гвардейский стрелковый корпус отступал через Черкесск по джегутинскому ущелью на Баксан и далее на Грозный. Папина рота уходила по маринскому ущелью в четыре часа утра, отстреливаясь от наступающего врага.

ные бои Красной Армии по всем фронтам. И шестого января 1943 года Учкулан был освобожден от фашистов. Мы, неугомонные дети, выбегали под свистящими пулями навстречу нашим солдатам, которые спускались по склонам горы Котурла. А за нами бежали наши мамы и бабушки с раскрытыми объятиями, со слезами на глазах. Их сыновьям и братьям так же раскрывали объятия соотечественницы по всей освобождаемой от немцев территории.

Но двадцать восьмого февраля 1943 года выступил по радио Геббельс с речью в духе испанского полковника, сдавшего Мадрид войскам Доллорес Ибаррури и введшего в политический лексикон произвольное выражение «пятая колонна», вкладывая в него смысл «верные нам люди». Геббельс сказал: *«Да, мы оставили Кавказ, но там осталась верная нам «пятая колонна» – фольксдойч, в лице: карачаевцев, балкарцев, чеченцев, ингушей»*¹⁷. Геббельс хорошо знал политику царизма на Северном Кавказе и, применив её, расчленил соседние народы и направил удар на коренные народы, на прямых потомков скифо-аланов. Может в Геббельсе сидела генетическая ненависть гота к скифо-аланам, тысячелетиями господствовавшим на просторах Великой Степи, в то время, когда лоскутная Европа задыхалась в тесноте? Чем бы ни руководствовался, Геббельс, его указанием умело воспользовались заинтересованные силы и личности. Таким образом, по сфабрикованным обвинениям были депортированы указанные в его речи народы, сыновья которых проливали кровь на полях сражений за нашу общую Родину – СССР, за нашу вечную родину – Великую Степь.

Боль от несправедливости была так велика, что многие лишали себя жизни.

Я помню такой случай.

Эшелоны увозили нас в Казахстан и Среднюю Азию. Старик Хасан Алботов, лёжа на на-

¹⁷ См. А. Верт «Россия в огне Великой Отечественной войны».

рах теплушки, смотрел на бескрайние песчаные пустыни Казахстана и мурлыкал старинную песню:

«Фанагорий, фаногорий карачайча!

Эх! Муга, Сога, карачайча!» – и перерезал себе горло. На очередной остановке его труп унесли солдаты, чтобы предать земле. Наши составы очень часто останавливались, пропуская поезда с военными грузами на запад и пустые составы за военным грузом – на восток. Эшелоны с переселенцами до мест назначения добрались только в конце ноября. Какая была необходимость так срочно выселять народ в переломный 43-й год страшной войны, тратить средства, отвлекать транспорт и войсковые силы, создавать оплачиваемые спецкомендатуры? Значит, тут были замешаны чьи-то глобальные интересы.

Мучительно долго тянулись годы ожидания реабилитации. Первые просветы начались в 1952 году.

От спецучета освободили детей до шестнадцати лет. Опять раскол! Если в 1943 году, выселяя народ, раскололи дружбу между народами и между семьями самого Карачая, то теперь раскол производился внутри семьи! Две мои младшие сестрички оказались свободными, мне же выдали паспорт и взяли на учет в спецкомендатуре. До этого, когда мне исполнилось четырнадцать лет, приняли в комсомол, а еще раньше, первоклашкой – я была октябренок, затем пионером. Вот такой *парадокс – спецпоселенцы оставались пионерами, коммунистами и комсомольцами!*

1954 году карачаевцам разрешили поступление в ВУЗы. В этом году был первый выпуск десятиклассников – карачаевской молодежи на местах поселения. До этого в вузы поступали участники войны, желающие учиться.

В 1955 году состоялся первый призыв на военную службу юношей – карачаевцев.

В этом же году сняли с комендантского учета офицеров Красной армии с семьями. *Офи-*

церков взяли на учет в 1948 году по очередному Указу ВС. Папа, как только отобрали военный билет и сняли погоны, чуть не покончил с собой. Я помню, как мама упрекнула его: «На войне страшно – нет слов, но ты был не один. Рядом с тобой были твои друзья, вооруженные бойцы, а я – слабая женщина, одна, без поддержки, без сочувствия, стояла лицом к лицу с безжалостными и глумливыми фашистами в гестапо. Вынесла все муки их ада, не сошла с ума, выстояла, тебя дождалась ...»

Многим освобождение офицеров показалось благодатью, но с народом сыграли злую шутку – это был очередной раскол, уже между мужчинами Карачая, между участниками Великой Отечественной войны, иначе говоря, – ещё один этап уничтожения этноса таким изуверским методом. Я, воспитанница Советской школы, не могла понять, почему в век конституционного равенства всех народов, применялись испытанные в прошлых веках методы? Кто же затаился в недрах советской власти и оказывал медвежьё услугу строителям справедливого государства, о котором мечтали древние китайцы, монах Кампанелла, французские утописты, великие сыны русского народа Чернышевский и Добролюбов и многие – многие гуманисты? Конечно, повзрослев, поднакопив информацию, я многое расставила по местам.

Мои родители на радостях продали за бесценок дом в Киргизии и мы в 1955 году приехали на родину. Кроме нашей семьи в город Клухори, так грузины называли нынешний Карачаевск, прибыли семьи офицеров Красной Армии Джаубаева Дауда, Токова Нюрли и Хазгериева Балбу. Территория Клухорского района, в том числе и города, заселенная грузинами, административно подчинялась Ставропольскому краю, а не Грузии. (У меня на руках документы того времени). Но грузины нас не принимали, ссылаясь на Указ Президиума ВС, в котором было написано «без права возвращения на родину». Несладко

пришлось первой четвёрке офицеров на родине. А отцу причинили немало зла: на партучет не ставили, не прописывали, не брали на работу, не разрешали строительство жилья и т.д. Сваны в Хурзуке его чуть не убили. Спас его Цулукиянов Биаслан, сван по отцу, бывший сослуживец моего отца.

И все же, карачаевцы в 1957 году организовано вернулись домой, на аланскую землю, к своему дому – Эльбрусу, к своему Минги – Тау.

КАРАЧАЕВСКИЕ НАЗВАНИЯ СОЗВЕЗДИЙ

- МЫРЫТЛА** – созвездие Малой медведицы (*мырыт* – плуг).
БОЮНСХА – созвездие Весов (*боюнсха* – ярмо).
ГИДА – созвездие Ориона (*гида* – секира).
ЧЁМЮЧЛЕ – часть созвездия Большой медведицы (*чёмюч* – ковш).
КЪОЙ ДЖОЛ – Млечный путь (*къой* – овца, *джол* – дорога).

Существует скифская легенда о том, что Бог солнца Тейри выковал и сбросил на землю плуг и секиру, а также ярмо и чашу. Карачаевцы сохранили легенду и скифские названия созвездий в таком же древнем скифско-аланском звучании и значении.

(См. Джуртубаев М. и Залимханов М.)

- КАС-БЕК** – **Кас** – скала, **бек** – военачальник. Казбеком называется и второй пятитысячник Кавказских гор. В сказочном варианте личное имя. Карачаевцы и дигорцы до сих пор нарекают этим именем своих мальчиков.
Кассы (горцы) – Древний тюркоязычный народ, живший у Каспийского моря, они, видимо, сменили хазар, тоже тюркоязычных, а может быть являются и прямыми наследниками, ибо прежде море называлось Хазарским, (см. *Хазарский каганат*). Да и территорию вокруг Каспийского моря издревле заселяют тюркоя-

зычные народы: Туркмения, Казахстан, Азербайджан и двенадцать миллионов азербайджанцев, проживающих на южном побережье и входящих в состав Ирана.

Слово «**Кавказ**» легко распадается на два самостоятельных тюркских слова — **Кааб** — *перевал, горы*, **кас** — *скалы*, т.е. *Скалистые горы*. Плиний, автор «Естественной истории», утверждает, что скифы Кавказские горы называли «**Кроуказ** — *Снежные скалы*. Но даже это словосочетание распадается на два тюркских слова: «**кроу** — *иней, изморозь* и **кас-скала**. Карачаевцы адыгов, живущих в Кабардино-Балкрии, называют — **Каб+арты+чы+ла**=русифицированное — кабардинцы, **кааб** — перевал, **арты**-за, **чы** — суффикс, **ла** — окончание слова мн.ч., т.е. живущие за перевалом. Суффикс — **ЧЫ** — определяет место проживания, как например: **учкулан+чы+ла** — учкуланцы, **джегетей+чи+ле** — джегутинцы и т.д.

КУУ —

Буквально лебяжий пух. Так называло себя и тюркоязычное племя куманов. Карачаевцы лебедя называют **дуадак**, а его пух — **куу**. Слово **куу** употребляется и как проклятие. (**Куу богун** — разлетись как пух, сгинь!).

КУБАНЬ —

Река на Северном Кавказе. В своей горной части это своенравная, бурная и быстрая, в силу крутых склонов, а на равнине полноводная, судоходная река.

Один из притоков реки Терека (**Терк** — быстро) тоже называется **Кобан**. Древнеаланский могильник на этой речке дал наименование так называемой Кобанской культуре в археологии. Насыпной погребальный холм.

КУРГАН —
КЫЗЫЛБЕКИ —

Горцы — работоторговцы, соседи карачаевцев. Они умыкали людей и продавали на невольничьем рынке в городе Анапе.

МАЙДАН —

Дворцовая площадь, где принимается решение. А в буквальном значении равнина, поле, площадь.

МАМАТАЙ —

Так называется богатое альпийскими (румыными) травами высокогорное пастбище в

Карачаево-Черкесской республике.

Принято считать, что слово **МАМАЙ** восходит к имени монгольского хана **МАМАЯ**, потерпевшего поражение на Куликовом поле, что это тот случай перехода личного имени в нарицательное слово. Вполне возможно, что покоренные народы могли соединить имя жестокого хана с монгольским словом *мам* в значении *чёрт*. Возможно, что топонимы европейской части России *Мамаев яр*, *Мамаев курган*, *Мамаев шлях*, русская фамилия *Мамаевы* и *мамаевщина* – как явление и связаны с именем хана Мамая.

Но маловероятно, чтобы ребенку при рождении могли дать имя нечистой силы. Конечно, потом по жизни не только отдельный человек, но группы и целые народы приобретают клички, согласно характеру и образу жизни, тому история знает немало примеров.

Монголо-татарское войско привел Чингизхан, его сменили несколько его потомков, не менее жестоких, чем Мамай. Пришел и хан Тимур. Но ни один из них не оставил своего имени в топонимике бывшей Алании.

Следовательно, слово «**мамай**» более приемлемо отнести к именам древних богов: бога *богатства* – **Мама** (**Мамон**), бога *мира* – **Мамыр** (**Мамур**), богини, *покровительницы рожениц и детей* – **Маму**. В ее руках их жизнь и смерть. Она может наслать тяжелые детские болезни и страшную оспу. Её именем карачаевцы пугают детей (**Маму келеди** – *Маму идет*). Богов боялись, их задабривали, искали их покровительства и их именами называли своих детей. Карачаевцы ещё в начале двадцатого века продолжали называть своих мальчиков и девочек именем аланского бога благоденствия: **Чоппа**, **Чопан**, **Чопалак**, **Чопа**, **Чопаш**, **Чопачык** и т. д.

Имеются у карачаевцев и такие имена: **Мамак**, **Мамаш**, **Мамушай**, **Мамур**, **Мамсур**, **Мамурхан**, имеются и фамилии: **Мамалары**,

Мамчулары и Мамучулары, пастбище **Маматай** – баши. *Здесь берет начало речушка, которая раньше называлась Маматай.*

Нетрудно догадаться, что и эти имена, фамилии и топонимы давались в честь того или иного божества.

Мамаями называются и каменные бабы (надгробья) на местах захоронения кочевников Великой степи.

В сказке об Эльбрусе **Маматай** употреблен в значении божественный, волшебный конь, **Мама** – божество+**Тай** – жеребенок = божественный конь.

Пастбище Маматай – Баши принадлежало Тамбиеву Чопану, о котором я упоминаю не раз. Тамбиевы и Байчоровы считались самыми богатыми. В их хозяйствах насчитывалось по десяти тысяч голов скота¹⁸.

И родничок у села Кзызыл-Кала называют «родник Маухи», в честь моей прабабушки Байчоровой Маухи, матери бабушки Туздам. Потому, что она привела его в порядок собственноручно. Сейчас родничок подведен к больнице села Кызыл-Кала.

МАШТАК –

Приземистый, широкий, мощный. Всемирно известный лакколит **Машук** карачаевцы издревле называют **Маштак** за его широкую основу. Слово Машук русифицирован из слова Маштак.

Лакколитами называются несостоявшиеся вулканы Пятигорья. Названия пятигорских лакколитов, как и самого города кальки с тюркского языка: **Беш-тау** – *Пять гор*, **Маштак** – *Машук*, **Темир-тау** – *Железная гора*, **Тик-Тау** – *Острая гора*, **Кашха-тау** – *Лысая гора*, **Тюйе-тау** – *Гора-верблюд*, **Кюкюртлю-тау** и т.д.

МИНГИ-ТАУ –

Великая Гора, так величают карачаевцы Эльбрус. Слово **минги** – великий (властелин), придалось к имени правителя, пример: (**Минги Темир хан** – **Великий хан Темир**) и полководцам, под командованием которых находилось

НАРЗАН –

более десяти тысяч воинов. Само слово **Эльбрус** (Эльбурс) тоже распадается на два тюркских слова: **Эль** – народ, село, страна + **брус** (**бурс**) – сердцевина, остов, основа, центр.

Слово **НАРЗАН** в русском языке стало общим названием минеральных вод от названия минеральной воды и самого источника в городе Кисловодске. В давние времена карачаевцы это поселение называли *Нарсана*, а адыгезычные – **НАРСЭНЭ**. Нынешнее название Кисловодска – производное от тюркских слов *ачы* – кислая, *суу* – вода. Карачаевцы кисловодский нарзан называют – *ачы суу*, горячеводский источник – *исси суу*, железистые – *гара*, а серные – *кюкюртлю*. Лакколит **КОКУРТЛЫ** называют Кюкюртлю тау – серная гора (*кюкюрт* – *сера*). Все эти топонимы тюркские слова.

До недавних времен мнения ученых о происхождении термина *нарзан* расходились. Однако все они сошлись в том, что термин **НОР** распространен по Евразии в значении *вода, озеро, болото*. Примеры: р. *Нара, Нарва, Неруса*, озера: *Тенгри-Нор, Кара-Нор, Кутуп – Нур* и т.д. Можно вспомнить *Нерея* – древнегреческого морского бога, *Нереид* – его дочерей, *Нор* – богиню вод древнего Урарту. Колелания (*на -*, *но -*, *ну -*) имеют место согласно строю речи того или другого народа.

Ученые сомневались в правомочности и адыгской этимологии термина **НАРЗАН**, связывающей ее с именем легендарных Нартов: *нар* – в значении *нарт*, *санэ* – в значении *вода*. В адыгском языке вода – *псы*, а не *санэ* и слово *нар* – не *нарт*.

Профессор Дж. Н. Коков из Нальчика пишет: «Если говорить о форме **НАРЗАН**, то в адыгских языках ее нет. Сейчас в потоке заимствований употребляется. Старики ее не знают. Может, следует полагать, что адыгское

¹⁸ См. У. Алиев «Карачай».

НАРСЭНЭ вторично по отношению к **НАР-ЗАН**... Известна фамилия *Назранов*, но она по-кабардински не осмысливается, как и имя **НАСРАН** из нартского эпоса».

А в карачаевском языке *ходжа* – шут. Карачаевцы словом *ходжа* пользуются и сейчас. *О кзуруггун, сен ходжа! – Да пропади ты пропадом, шут!* А всемирно известного Насредина называют – *Насран – ходжа, Насран – шутник*.

Ученые в термине **НАРЗАН** усматривают тюркскую этимологию. *Нар* – вода, **ХАН-САН** – господин, госпожа. **НАР-САНА**, т.е. *госпожа вода*. Единая семантика не допускает двух толкований. Примеры подтверждения: названия минеральных источников на территориях с тюркоязычным населением **Арзан**, **Аршан** на Копет-Даге, **Арзни** на Раздане, **Нарзан** в Кисловодске.

Некоторые ученые склонны возводить слово к имени божественного мудреца **НАРА**, *солнечного Нара*, т.е. как питье богов. Вполне возможно, что слово восходит к санскриту. Слово *Нар* в разных языках Евразии, восходя к тюркскому языку, имеет значение «*солнце*» и «*вода*».

НАРХАН –
НАРСАНА,
НЮРХАН

Карачаевские женские имена. Имена образованы на базе слов: «*нар, нор, нюр*» – *вода, солнце, обаяние, с добавлением почтительного хан(сан)*.

НАУРУЗ –

Один из древних карачаевских родовых объединений по имени его основоположника **аланского воина Науруза**. *Науур* – друг + *аз (уз)* – ас (яс).

В Карачае, как и во всех других народах, совершались межнациональные браки (*А есть ли такая этническая общность, которая могла бы похвастать так называемой «чистотой крови»?*) В Карачае дети, рожденные в таком браке, имели право выбора национальности и историко-этнических дополнений к своей биографии. Поэтому я

буду говорить *только о своей родословной*. А это не запрещается.

Я из рода **Науруз**, (но не фамилии *Наурузовы*, у *карачаевцев* есть и такая фамилия).

Род **Науруз** состоит из пяти патронимов: **Каппуш**, **Сылпагар**, **Кочхар**, **Аджи** и **Байрамкул**. Это имена пятерых прапраправнуков аланского воина **Науруза**.

У карачаевцев была традиция вести устный учет родословной. Каждый член рода обязан был знать своих предков от седьмого колена. Многие знали от тридцатого – сорокового колена. Я же знаю от алана по имени Балас, его сына Мечуса, внука Эдурук и правнука Науруза. От Науруза я представляю девятнадцатое поколение и одиннадцатое – от **Каппуша**.

Сама фамилия **Каппушевых**, как и все другие карачаевские фамилии, тоже распадается на *атаулы* – на *младшие патронимы*.

Как правило каждое седьмое поколение приобретало *атаул (патроним)* по имени того предка, от которого должен был начинаться отсчёт. Чаще всего с имени, совершившего положительный или недостойный поступок.

Видимо, путаницу в карачаевский этнический вопрос привносят многообразие этих атаулов, право двукровок выбора нации и историко-этнических дополнений к своей биографии, и рожденный депортацией многогранный раскол внутри народа.

Думаю, что такая путаница присутствует при определении родственных ступеней скифов, сармат и аланов учеными, не ведающими нюансами национальной особенности.

Моя ветка **Каппушевых** носит *атаул* – **Данакайлары**, т.е. потомки Данакая, (его имя восходит к названию аланского племени **Дан**). Я его праправнучка. Он известный охотник, завещавший никогда не охотиться, не

истреблять животный мир. Потомки Данакая — это воины, защитники отечества, честные труженики, ничем позорным не запятнавшие ни себя, ни народ, ни родину, если не считать, что я выучилась на актрису, что по меркам Карачая выпадает из обоймы его нравственного уклада. *Профессия актрисы была не ко двору и не ко времени. Да и я натерпелась от профессии и за профессию. К сожалению, бал в жизни правят невежды.* Сын Данакая **Солтан** (мой прадед) — один из тех, которые положили конец умыканию юношей и девушек из Карачая кызылбеками — работоторговцами.

Его сын **Джанхот Каппушев** — мой девушка, его сыновья — **Тана** (Ибрагим)¹⁹ и **Абу** (Исхак), папины старшие братья, в составе российской армии прошли не одну войну. На долю дяди Абу достались тяготы войны с Японией 1904 года, первой мировой войны 1914 года. Он прошел братание в окопах под Варшавой. Их полк, как первый революционный, был переброшен в Петроград против Юденича, извини, дорогой читатель, из песен слов не выкинешь. Он же прошел гражданскую войну в отряде Кочубея. Его сын **Каппушев Хананий** — сражался в составе 62-ой армии в Сталинграде.

Папа, **Каппушев Шогаиб Джанхотович**, участник битвы с японцами на озере Хасан 1938 года. После ранения был признан непригодным к несению воинской службы. Но первого июля сорок первого ушел на войну добровольно, как и все его поколение. Окончил ускоренные курсы связистов в городе Орджоникидзе и 10-го октября 41-го года принял первый бой у села Большие Салы Ростовской области. Отец — участник первого освобождения Ростова-на-Дону 27 ноября 1941 года. Его 73-я отдельная рота связи входила в состав 56 Особой армии, которой командовал генерал-лейтенант Ремезов Ф.Н. Затем папа был переведен в состав 100-го отдельного полка связи

в Подмосковье, на станцию Нары. Его 57-ой отдельный гвардейский батальон связи обслуживал 3-ий гвардейский стрелковый корпус генерал-майора Замерцева. Корпус с боями отступал на юг по линии фронта. От Миллерова корпус должен был отступать на Грозный. Но фашисты уже заняли Прохладный, и маршрут корпуса прошел через Баталпашинск, Микоян-Шахар, по Маринскому ущелью на Баксан и далее – в Грозный. Остатки 3 ГСК вошли в состав вновь создаваемого 10-го десантного гвардейского стрелкового корпуса. Командовал корпусом генерал-лейтенант Рубанюк Ф.Н. Корпус подчинялся непосредственно Верховному Главнокомандующему.

В те годы газеты писали об отце «Верный сын Карачая». Его внуки – офицеры: Константин прошел Афганистан, Вадим – военный летчик, полковник, Сергей – ракетчик.

А современный потомок Данакая **Каппушев Дагир**, на лошадях, возвращенных им, совместно с напарниками дважды совершил восхождение на вершину Эльбруса, – его так разобрала досада на американцев, когда те совершили рекламный подъем своего джипа. А прапраправнук Алхаз-Хаджи, **Каппушев Магомет** Алхазович, выигрывает призы на московском ипподроме.

Обаяние, шарм.

Место посиделок, сходок, днем – стариков, вечером – молодых людей.

Бог войны в аланском пантеоне. Карачаевцы внезапно нагрянувшую беду, войну встречают возгласом: «**Ма, орайдала кельдиле!** – Вот и нагрянули беды!». А то, что это слово употребляется на веселых тоях, объясняется тоже просто – любое дело начинается с музыки, кончается большими проблемами. В цели браков в те времена входили проблемы демографии,

НЮР –
НЫХЫШ –

ОРАЙДА –

---

¹⁹ Карачаевцы, после принятия ислама, детям давали по два имени – аланское и мусульманское.

объединения могущественных родов и др., что порой вступало в конфликты с личностными и эмоциональными проблемами.

РУМ –

Луга на высокогорных сухих местах. Румные (альпийские) луга.

В древней Алании была крепость *Рум-Кала*. Сейчас городище называют Рим – гора, соотнося слово *рум* к римлянам. И это объяснимо: аланы римлян называли *рум*. «Смекалистые греки, чтобы расселить разросшееся население, придумали *«Великую колонизацию»*. По словам древнего историка *«греки расселись вокруг морей, как лягушки вокруг болота»*. И у Черного моря, появились колонии греческих и римских завоевателей. Город Рим стоит на семи холмах. Может, и римляне эти холмы называют *румными*?

а). *Урумчу* – Карачаевцы восточных купцов, как и их предки – аланы, называют *урумчула*, т. е. купцы из города *Урумчи*. Этот укрепленный торгово-перевалочный город находился в начале Великого шелкового пути, на румном Тибете, на территории тюркоязычных уйгуров. Этот город существует и поныне.

б). *Урия* (гурия) – Так называли купцов с юга. Видимо, и здесь созвучность слов *ур*, *урмия*, *рум*, *рим* и *урумчи*, которыми усыпана топонимика Азии, сыграло не последнюю роль. *Карачаевцы сохранили в своем речевом обиходе и эти слова.*

А слово *гурия*, может, отличало евреев-купцов? Потому, что *гур* на их языке *лев*.

САТ-АНА –

Сат–*святая* + *ана* – *мать*. Имя нартской героини *Сат-ана* тоже означает *святая мать, святая женщина*.

САРЫН-КЁЛЬ –

Сарын – погребальный плач + *кёль* – озеро = *озеро печали*. Во времена русско-турецких морских сражений русские моряки издавали клич: *«Сарын на кичку!»*. Соединяя тюркское слово *сарын* предлогом *на* со словом *кичка*. Думаю, вкладывали смысл *«Смерть на кичку!»*. Мне известно, что и североморцы свои деревянные

- лодки называли кичка.
- САРЫУБЕК –** Дракон.
- САХАН –** Поднос.
- САФ –** Ряд, строй. Порядок в мыслях и поступках, крепкие убеждения.
- СОБАК –** Пёс. Я помню, как мои дедушки ругали нашаливших мальчуганов скифским словом **собак**: «*Болмаган собак, кет, собак*». Слово *собака* заимствовано русским языком из языка скифов и употребляется наравне со словом пёс. В Карачай пришла русская речь, поколение моего деда ушло в небытие, и древним словом «собак» перестали пользоваться.
- СОСНА –** священная тысячелетняя сосна «Джангыз терек» на берегу реки Хурзук. Вокруг нее водили аланы хоровод в честь многофункционального бога Чоппа.
- Сосна была ботанической редкостью. На высоте полутора метра от комля в обхвате она была пять метров пять сантиметров.
- В советское время ее спилил один богоборец.
- СТЕМЕ –** **Стеме** (истеме) – древнее карачаевское (аланское) слово – *радостная весть*, которую приносит посланец. Существовал такой ритуал: посланец свое радостное сообщение сопровождал сложными танцевальными коленцами. Это перерасталось во всеобщий радостный *той* – торжество с плясками. «*Торжественная*», «*солнечная*», «*небесная*» пляска и называется **стеме** (*истеме*) – танец радости, танец удалцов, который ныне известен, как лезгинка. Мой дед Чоппа наказывал, чтобы я не забывала старинные слова: *орайда, дыдай, стеме* и мн. др.
- СУУ-АНАСЫ –** Сказочный персонаж. *Мать водной стихии* – олицетворяет добрые и грозные силы воды.
- СУУСАБ –** Напиток. Для утоления жажды карачаевцы айран разбавляют ключевой водой или нарзаном.
- СЫРПЫН –** **Сырпын** и **зулпагар** – разновидности древних карачаевских (аланских) мечей. В карачаев-

ских семьях издревле хранилось множество предметов старины, утраченных в связи с выселением народа. Они выброшены и уничтожены, как ненужный хлам, теми, кто заселил нашу спустевшую землю.

СЫНТЫ –

Сынты – память мертвым. **Сынты таш** – погребальный камень. Село Нижнюю Теберду карачаевцы называют **Сынты** из-за древнего погребения – мавзолея. Тут же находится и **Сентинский храм**.

ТАМБИЙ – КЁЛЬ – Ныне это озеро называется **Тамбукан**. *Кстати, это слово в таком звучании, ни с какого языка не прочитывается.* На моей памяти сохранилось настоящее тюркоязычное название озера: **Там-бий-кель**, **Там** – имя рода, проживавшего на этой территории, **бий** – князь, **кель** – озеро, т.е. озеро князей **Там**. Карачаевцы его называют озером **скорби князей Там (Сарын кель)**. На **соль** озера был наложен запрет, и называлась она **хырс-туз**, *уходя корнями вглубь веков. Может, в этом озере утопили племя хырсов (хорсов) во время очередной войны?*

Но вот интересная деталь: молодожены-карачаевцы друг другу давали новые имена на всю жизнь, скрывая официальные. Бабушка Туздам своего супруга называла **«Хырза»**, он ее величал **«Худа-тон»**. Так прочна была генетическая память карачаевцев до выселения о своем аланском происхождении. **Хырза** – божественный, царственный, из племени хырсов, а **Худа-тон** – богиня. Оба слова указывают на племенных предков, т.е. на древние патронимы.

**ТЕЙРИ –
(ТЕНГРИ)**

Имя аланского (тюркоязычного) бога Солнца, дневного света. Он всесилен, мудр, справедлив, добр, но может и покарать. Каждому он указывает его путеводную звезду, а некоторым, отличившимся добрыми делами, отворяет свои золотые ворота, т.е. удачу. Карачаевцы до сих пор просят – **Тейри эшиги ачылсын!** – Да откроются двери Тейри! Или проклинают: **Тейри урсун** – Да накажет Тейри! Мужчины клянут-

ся: *Тейри – Адамы!* – Клянусь *Тейри* и *человеком*.

В буклете для туристов Пятигорья дано изложение «нартской легенды» об озере *Тамбукан*. Меня поразило то, что именем общеизвестного аланского бога дневного света *Тенгри (Тейри)* прозван великан – людоед. Почему?

ТОБА (ТАБУ) – Имя аланской богини домашнего очага и этикета. Карачаевцы до сих пор поминают ее: *Тоба-де!* – Поклянись Тоба! *Табу-болду!* – Хватит ради Табу! А именем другой богини *Аппий*, как и в древности, называют своих детей.

ТОХТАМЫШЛА – Название обширных горных пастбищ в Карачаево-Черкесии. *Тохта* – стой, остановись. *Тохтамыш* – остановка. *Тохтар (неторопливый)* – употребляется как личное мужское имя, а *Тохтамыш* – как кличка непоседливому, суетливому человеку.

ТЫРНЫ – Роза ветров. В сказке – Владыка ветров.
УЗДЕНЫ – Совершенно свободные. Равные. Такими считали себя карачаевцы. И свободу ценили выше жизни и смерти.

УЧА – *Уча* – это благодарственное жертвоприношение. (Гекатомба). Это фаршированная туша жертвенного быка на вертеле.

В сказке «Тамбий кель» речь идет о лакколитах: Золотом кургане, Джуце и Юце. Последние два слова связаны со словом *уча* – тушей жертвенного животного.

ХАН, САН – Почтительное обращение к титулованным особам и аналогично словам *господин, мсье, сударь, сударыня* – служат почтительным обращением друг к другу. В обращении к мужчинам и замужним женщинам употребляется *хан*, в обращении к девушкам – *сан*. Примеры: хан Темир, Бур-хан, Генджа-хан, Нюр-хан, Нар-хан, Нар-сана, Суу-сана, Сара-сан, Хора-сан, и т. д.

ХАНЫМ – Моя госпожа.

ХУРЗУК – Теплое, солнечное, благодатное ущелье с густым

хвойным лесом на склонах. Так называются ущелье, река и один из карачаевских аулов. Со словом *хур* (*хурмет* — благоденствие) связано много топонимов: *Хурзук*, *Хурла-кёль* — озеро в горах Карачая над Карт-Джуртом. *Хурлы-Кол*, так называлось в древности *Цейское ущелье*.

ХУР – КЪЫЗЛА – Сказочные небесные чудо-девы, владычицы неба и высоких гор. Их дворцы находятся у горного озера *Хурла-кёль* над древним карачаевским селом Карт-Джурт.

ЧУАНА – Так карачаевцы называют гору *Шоана* за обилие на ней родников: *чу* — вода, *ана* — мать. Ее Чуаной называют и алановеды. Бабушка Туздам указывала на большую скальную глыбу и рассказывала, как легендарный конь Сосурка оставил на ней отпечаток своего копыта. На горе *Чуана* находился кош бабушки. Там же встреча с медведем обошлась ее отцу Сосрану Тамбиеву переломом ноги, а медведю — смертью.

ШАПА – Официант.

ШАТ – Царь.

ШАХАР – Город.

ШЕЙИТ – Святой. Погибшие на полях сражений за правое дело.

ШЫША – Бутылка.

ЭЛЬ-БУРУШ – Тот, кто может причинить вред народу. *Эль* — село, *буруш* — перекрученный, корявый, зловредный, злокозненный. Например: *буруш Адам* — зловредный, вздорный человек.

ЭЛЬЧИЛЕ – Селяне, народ.

ЭМЕГЕН – Мифический персонаж. Одноглазый великан — людоед.

ЭФЕНДИ – Священнослужитель, получивший духовное образование.

ХАДЖИ – Священнослужитель, совершивший хождение в Мекку.

СПРАВОЧНЫЙ МАТЕРИАЛ:

Абаев В.И. Об аланском субстрате в балкаро-карачаевском языке. Нальчик, 1958.

Абаев В.И. О происхождении балкарцев и карачаевцев. Нальчик, 1980.

Абдрахманов К.О. О тюркских топонимах Великой Степи. Уч. зап. Томского пединститута, 1965.

Алиев У.Б. Карачай. Ростов-на-Дону, 1927.

Алексеева Е.П. О чем рассказывают археологические памятники Карачаево-Черкессии. г. Черкесск, 1950.

Байрамуков У.З. К этимологии слова тамада. Ставрополь, 1981.

Байрамуков У.З. Генезис и ономастика эпоса «Нарты». Карачаевск, 2001.

Баскаков Н.А. Русские фамилии тюркского происхождения. М., 1979.

Баскаков Н.А. Тюркские языки. М., 1960.

Баскаков Н.А. Тюркская лексика в «Слове о полку Игореве», 1985.

Геродот. Истории, Л., 1972.

Гимбутас М. Славяне. Сыны Перуна. М., 2005.

Греческая мифология. Л., 1959.

Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера земли, М., 1990.

Гумилев Л.Н. Древние турки. М., 1967.

Гумилев Л.Н. Русь и Велика Степь. М., 1992.

Гумилев Л.Н. Поиски вымышленного царства. М., 1970.

Древнейшие языковые связи современных народов Азии и Европы. Тр. Ин-та этнографии АН СССР. М.-Л., 1974.

Коков Дж.Н. и Шахмурзаев С.О. Балкарский топонимический словарь. Нальчик, 1970.

Кубанов А.Х. Аланские памятники на территории Карачаево-Черкессии. Черкесск, 1983.

Мурзаев М.Э. Словарь народных географических терминов. М., Мысль, 1984.

Энциклопедический словарь Мифология. Л., 1973.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ОТЗЫВ на сборник сказок и легенд Т. Каппушевой «Сказки бабушки Туздам»*	3
ОТЗЫВ на сборник сказок Т. Каппушевой «Сказки бабушки Туздам»*	5
Дорогая Тамара	6
Немного о себе*	7
Сказки бабушки Туздам	13
Агач-киши	13
Озеро Тамбукан – Тамбий кель	14
Легенда об Эльбрусе	22
Чу-Ана	28
Лебединая песня	32
Как счастье в дом вернулось	40
Птица счастья	44
Рум-Кала	57
Аргу-Кыз	64
Старый Габий	73
Караду	82
Данакай и эмегены	97
Данакай и Хур-Кыз	103
Джандар и Дударук	109
Хан Биберт	114
Цена счастья	119
Зорлу	122
От автора	125
Комментарии к карачаевским словам, употребленным в сказках	126

31.10.2008 10:00

Подписано в печать 6.10.2008 г. Формат 70x100¹/₁₆.
Усл. печ. л. 13,54. Бумага офсетная. Гарнитура SchoolBook.
Печать офсетная. Тираж 1100. Заказ 992.

ОАО «Издательско-полиграфическая фирма «Ставрополье».
355035, г. Ставрополь, ул. Спартака, 8.

Любезный мой читатель!

Отдаю на твой суд судьбу «Сказок бабушки Туздам».

«Сказка ложь, да в ней намек – добрым молодцам урок», чем я и воспользовалась, чтобы сказать о своем народе несколько слов.

Ещё в древности китайский мыслитель Го Мо Жо писал, что народные песни и сказки - это запись истории народа, его хозяйственно – нравственного уклада, характера, образа мышления, верований и чаяний. И в «Сказках бабушки Туздам» звучат отголоски событий, который пережил мой народ – Карачай, некогда именовавшийся Аланом.

Наше курортно-туристическое Приэльбрусье ежегодно посещает огромное количество соотечественников и туристов со всего мира.

Как правило, они уезжают, увозя самые яркие положительные впечатления об Эльбрусе, Домбае, Архызе, Кисловодской Котловине, о лакколитах Пятигорья и о целебных водах. Надеюсь, что в их дорожных сумках уезжают и «Сказки бабушки Туздам» - легенды древнего народа, жившего и живущего на территории этих сказочных красот и давшего им поэтические и значимые названия.

А истории известно, что только народ- уроженец места мог назвать гору - «Эльбрусом» (Сердцевиной Мира) или «Минги-тау» (Великой горой), а не просто «Большой» или «Снежной», как её называют соседи.

*С пожеланиями добра
Тамара Каптушева.*

